
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (136). Т. 2. Ноябрь, 2013

Серия: **Общественные и гуманитарные науки**

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

<p>В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)</p> <p>И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)</p> <p>В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)</p> <p>А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)</p> <p>МАРЕК ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)</p> <p>Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)</p> <p>И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)</p> <p>В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)</p> | <p>ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)</p> <p>И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)</p> <p>СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)</p> <p>Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)</p> <p>МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)</p> <p>Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)</p> |
|---|---|

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

<p>В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)</p> <p>С. Г. ВЕРИГИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)</p> <p>А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)</p> <p>РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)</p> <p>П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)</p> <p>Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)</p> <p>С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)</p> | <p>А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)</p> <p>Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)</p> <p>Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)</p> <p>А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)</p> <p>В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)</p> <p>С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)</p> <p>М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)</p> |
|---|---|

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7 (136). Vol. 2. November, 2013

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuneyev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series "Social Sciences & Humanities"

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ковчинская С. Г.

Деятельность Скандинавского научного комитета «Северное общество» в Советской России на рубеже 1920–1930-х годов 7

Кулагин О. И.

Институт пропорциональности в лесной промышленности Карелии в середине 1960-х годов 13

Ермолаева О. Е.

Изучение системы спецпоселений 1930-х годов (на примере работы Л. Виола «Крестьянский ГУЛАГ: Мир сталинских спецпоселений») 18

Марков М. Б.

Образ Маннергейма в советской военной пропаганде на Карельском фронте 23

ПЕДАГОГИКА

Бабакова Т. А., Сухоруков А. С.

Особенности реализации самостоятельной работы студентов (результаты анкетирования) 26

Добрынина О. Л.

Методические подходы к обучению написанию научной статьи на английском языке 30

ПОЛИТОЛОГИЯ

Цумарова Е. Ю.

Основные направления политики идентичности: конструктивистский подход 36

ФИЛОЛОГИЯ

Костючук Л. Я.

Псковское слово в диахронном аспекте (вспомогательная традиция И. В. Ягича) 39

Кюришнова И. А.

Антропозоонимы в полиэтническом пространстве Карелии XV–XVII веков 43

Сухарева Н. П.

Когнитивно-концептуальный подход как основа интерпретации отношения немцев к России в начале XX века (на материале труда В. Хута «Rusland und der deutsch-russische Waren-Austausch») ... 50

Дегтярева М. В., Ермакова Н. Ф.

Тайна слова *невозможно* (к филологическому комментарию стихотворения И. Ф. Анненского «Невозможно») 55

Захаров В. Н.

Неопубликованный автограф Достоевского: Ф. М. Достоевский и С. П. Колошин 58

Спиридонова И. А., Сакса В. В.

Концепт детства в повести А. Платонова «Котлован»: проблема перевода на шведский язык 62

Захарова О. В.

Первое упоминание Достоевского в печати 66

Захарченко С. О.

Духовный отец прототипов романа И. С. Шмелева «Пути небесные» 69

Мехралиева Г. А.

Особенности повествования в «Круговых беседах» В. И. Даля 71

Сафрон Е. А.

Образ эльфа в скандинавской фольклорно-мифологической традиции 74

Шилова Н. Л.

Кизи как идиллический локус в русской прозе 1970-х годов 78

Соболев Н. И.

Послойный анализ чернового автографа повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» 82

ФИЛОСОФИЯ

Клюкина Л. А.

Идея империи как способ формирования культурной идентичности России 85

ЭКОНОМИКА

Ревайкин А. С., Романовский Д. С.

Приватизация как форма трансформации отношений собственности: проблемы становления частной собственности в России 90

Кадникова Т. Г., Бокова Т. А.

Некоторые аспекты государственного стратегического планирования в Российской Федерации на современном этапе 95

Каргинова В. В.

Предотвращение резких колебаний котировок на фондовой бирже: отказ от остановки торгов 100

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ефимова В. В.

Генерал-губернатор С. И. Миницкий и кадровый вопрос в Олонецкой губернии 104

Ермолаева И. Г.

Проблемы применения административно-правовой ответственности за нарушение норм экологического законодательства 110

Софронова А. А.

Развитие экологического права в Финляндии 113

Рецензии

Чернякова И. А.

Рец. на кн.: Parppei K. "The Oldest One in Russia": The Formation of the Historiographical Image of Valaam Monastery 117

Чумаков Г. В.

Рец. на кн.: Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. 120

Ермолаева О. Е.

Рец. на кн.: Шевченко Т. И. Игумен Харитон 122

Память

Памяти А. В. Петровского 123

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrstu.ru/req.php>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор Е. В. Иванова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Ивановой

Подписано в печать 10.12.2013. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 125 экз.). Изд. № 474

Индекс 66094. Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА КОВЧИНСКАЯ
старший преподаватель кафедры истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sve6581@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СКАНДИНАВСКОГО НАУЧНОГО КОМИТЕТА «СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х ГОДОВ*

Анализируется совместная деятельность советского дипломатического ведомства, советского архивного ведомства и Скандинавского научного комитета «Северное общество» в области развития международных научных связей и обмена архивной информацией во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов. На основе документов рассматриваются вопросы организации работы скандинавских ученых в советских архивных учреждениях, изучается практика фотокопирования архивных документов в рамках советско-скандинавского Соглашения, исследуется проблема дипломатического урегулирования приграничных споров на основе выявленных скандинавскими историками архивных документов. Обобщаются причины расторжения Соглашения с «Северным обществом» в феврале 1932 года и сворачивания советской архивной политики «открытых дверей» в отношении иностранных исследователей.

Ключевые слова: архивы, Архив Октябрьской революции, фотокопирование архивных документов, скандинавские историки, «Северное общество», международный конгресс историков, копирайт, приграничные споры

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов в государственных архивах Советской России активную научно-исследовательскую работу проводили скандинавские историки. Данная деятельность была признана советским внешнеполитическим ведомством чрезвычайно важной в политическом отношении, всячески им поддерживалась и позволяла успешно развивать советскому государству международные архивные и научные связи как со скандинавскими странами, так и с международным научным сообществом в целом.

В мае 1927 года руководитель Народного комиссариата иностранных дел СССР (далее – НКИД СССР) Г. В. Чичерин обратился в Центрархив РСФСР с просьбой положительно решить вопрос о допуске в советские архивы скандинавских ученых, особо отмечая, что считает это мероприятие «крайне желательным по политическим соображениям»¹. С этого времени скандинавские исследователи становятся постоянными посетителями читальных залов центральных московских государственных архивов – Архива Октябрьской революции (АОР) и Архива революции и внешней политики (АРиВП).

В 1925 году в состав АОР на правах «Отдела падения старого режима» был включен так называемый Новоромановский архив, образованный в 1918 году. Фонды архива составили сохранившиеся дневники и переписка бывшего российского императора Николая II и его семьи, а также материалы из Царскосельского, Зимнего, Гатчинского и других дворцов [3; 37]. Летом 1923 года в архиве для посетителей открылся читальный зал, основной поток исследователей

в который начинается с февраля 1925 года, когда был расформирован Государственный архив РСФСР и документы АОР образовали самостоятельное хранилище.

В июле 1927 года впервые разрешение для работы с архивными документами АОР получили иностранные исследователи. Одними из первых к занятиям в архиве приступили скандинавские профессора О. Брок и Э. Карлссон². Шведский ученый Эйнар Карлссон, занимаясь изучением объемного комплекса документов (переписка русских посланников в Копенгагене и Стокгольме с русским правительством в XIX веке), привлек в последующем к архивно-поисковой работе своего шведского коллегу Беггильда Андерссона. Для координации сотрудничества скандинавских ученых и советских архивистов 10 ноября 1927 года на заседании Коллегии Центрархива РСФСР была организована специальная «Комиссия по научно-историческим исследованиям взаимоотношений Скандинавских стран с Россией». Ведение дальнейших переговоров по вопросам организации ее деятельности поручалось заместителю руководителя Центрархива РСФСР В. В. Адоратскому, по совместительству заведующему АОР.

12 марта 1928 года по инициативе шведских, датских и норвежских ученых в столице Швеции г. Стокгольме был учрежден Специальный комитет по изучению советских архивов, касавшихся взаимоотношений скандинавских стран с Россией. В состав Комитета вошли известные скандинавские ученые: профессора О. Брок (Норвегия), О. Фрис (Дания), Э. Карлссон (Швеция), а также шведские историки К. Ф. Пальмстиерна (Пальм-

штерна), Б. Андерссон и другие исследователи. Вскоре после этого в НКВД СССР поступили сведения о регистрации и начале деятельности на территории СССР иностранной некоммерческой организации – «Скандинавского комитета», который в последующем был преобразован в «Северное общество». Главной целью «Северного общества» объявлялось всестороннее изучение документов, хранящихся в советских архивах, по истории скандинавских стран и их взаимоотношений с Россией. Решение организационных вопросов, связанных с деятельностью «Северного общества», по предложению главы советского архивного ведомства М. Н. Покровского было вынесено на заседание Президиума ВЦИК, где окончательно было «признано возможным разрешить работу “Северного общества”»³.

В мае 1928 года в Москву прибыл официальный представитель «Северного общества» в СССР Олаф Брок⁴, который немедленно приступил к переговорам с руководством Центрархива РСФСР об организации систематической работы скандинавских исследователей в советских архивах. Кроме АОР, скандинавских историков также интересовали документы, хранившиеся в АРиВП, в состав которого входили фонды бывшего Министерства иностранных дел царской России.

Благоприятную ситуацию для успешного развития советско-скандинавского архивного сотрудничества создавал состоявшийся 14–16 августа 1928 года в столице Норвегии г. Осло VI Международный конгресс историков, на который СССР впервые получил официальное приглашение от международного научного сообщества. На одном из рабочих заседаний конгресса группа скандинавских ученых – профессора Х. Кут, Э. Карлссон, О. Фрис и О. Брок – обратились к руководителю советской делегации, профессору М. Н. Покровскому с официальной просьбой разрешить «Северному обществу» продолжить работу по изучению архивных документов в советских архивах, а также использовать в своей деятельности техническую новинку – фотостат (фотоаппарат шведского производства, позволявший снимать архивные документы на киноплёнку). Вопрос о массовом копировании архивных документов с помощью фотостата не вызвал тогда у советской стороны возражений и по согласованию с НКВД СССР был решен положительно⁵. Применение фототехники в деле копирования архивных документов представлялось на тот момент мероприятием прогрессивным, так как это значительно ускорило копирование документов, решало проблему обеспечения сохранности оригиналов, снимало необходимость пересылки подлинных документов почтой, они не подвергались повреждениям при использовании. Понятие копирайта и проблема нормативного регулирования отношений

в области применения права копирования архивных документов и распространения архивной информации стали обсуждаться советской стороной позднее.

1 сентября 1928 года шведская миссия в Москве направила в Центрархив РСФСР меморандум с просьбой оказать содействие шведскому ученому К. Ф. Пальмстиерна, который надеялся разыскать в советских архивах рапорты русского посланника в Стокгольме за 1844–1845 годы и выяснить по ним обстоятельства отъезда из России в то время шведского посланника в Петербурге барона И. Т. Пальмстиерна. Сведения, интересовавшие шведского ученого, были обнаружены в личном письме шведского короля Оскара I к российскому императору Николаю I⁶.

В период с 1928 по 1931 год прибывшие в СССР представители «Северного общества» (Э. Карлссон, К. Ф. Пальмстиерна, Б. Андерссон, О. Багге и др.) занимались в советских архивах главным образом с архивными материалами бывшего Министерства иностранных дел царской России. Первоначально при решении вопроса о допуске скандинавских исследователей к советским архивным фондам речь шла преимущественно об архивных документах дипломатического характера XVIII–XIX веков (до 1885 года). Однако в последующем советская сторона предоставила скандинавским ученым уникальную возможность ознакомиться с личной перепиской членов царской семьи Романовых и королевской датской фамилии из фонда Новоромановского архива⁷. Необходимо отметить, что фамильные (династические) архивы и документы дворцовых ведомств в то время во всех национальных архивах европейских государств находились исключительно на секретном хранении и были закрыты для научного использования [2].

Скандинавских ученых интересовали главным образом документы дипломатических архивов, которые относились к историческому периоду XVIII–XIX веков. Основные сюжеты, над которыми работали скандинавские исследователи: 1) дипломатические отношения России и Швеции; 2) внешние связи Дании в XVIII–XIX веках; 3) пограничные отношения Норвегии и России. Отдельные темы исследований касались следующих вопросов: 1) разделение между Россией и Норвегией «общих земель» (1826); 2) отделение Норвегии от Дании и соединение со Швецией (1814); 3) «Ноябрьский трактат» (1855); 4) вопрос о лопарях (до 1866 года); 5) датско-германские отношения (Северно-Шлезвигский вопрос); 6) история «Абоского свидания» российского императора Александра I с наполеоновским генералом Жаном Бернадотом, ставшим впоследствии шведским королем Карлом XIV Юханом (1809); 7) сведения о норвежцах и датчанах, состоявших на русской государственной службе при дворе императора Петра I⁸.

В октябре 1930 года Б. Андерссон, О. Багге и К. Ф. Пальмстиерна обратились к профессору В. В. Максакову, одному из руководителей ЦАУ РСФСР, с просьбой помочь им в розыске архивных материалов, содержащих сведения о географических открытиях, сделанных датским капитаном Витусом Берингом, состоявшим на русской службе в 1680–1741 годах. В запросе ученых речь шла о путешествиях 1725, 1728 и 1741 годов [5].

Шведские историки неоднократно запрашивали у НКВД СССР сведения о местонахождении архива б. Статс-секретариата по делам Великого княжества Финляндского, а также интересовались степенью сохранности его материалов за 1830–1855 годы. В этот период НКВД СССР и ЦАУ РСФСР вели чрезвычайно сложные переговоры с правительством Финляндии по вопросу передачи финляндской стороне второй части этого документального комплекса. Данный сюжет рассматривался автором более подробно в отдельной статье [1].

Особые затруднения в переговорах между СССР и Финляндией возникли при рассмотрении архивного дела № 53 за 1833 год «Об организации съезда в Пальмаке представителей норвежских, российских и финляндских для прекращения споров пограничных лопарей». В конечном итоге подлинные архивные документы были переданы Финляндии, а у советской стороны остались фотокопии спорных архивных материалов. Главный дипломатический спор разгорелся вокруг малой этнической общности лопарей-кольта (скольта), жителей села Суониюлля Печенгской области, бывшего Кольского уезда Архангельской губернии. Численность лопарей составляла около 200 человек, они имели свои зимние жилища, свою церковь на финляндской территории, однако пользовались определенными правами на рыбные угодья на территории СССР. К материалам о лопарях за 1830–1863 годы также неоднократно обращались в ходе своих архивных разысканий шведские ученые – профессор О. Брок и К. Ф. Пальмстиерна⁹. Как оказалось, права лопарей-кольта на рыбные угодья, находившиеся на советской территории, определялись не какими-либо юридическими актами и документами, а фактическим владением, связанным с кочевыми образом жизни и условиями родового быта, сохранившегося у лопарей-кольта к началу XX века. В связи с этим претензии финляндской стороны на часть территории СССР не признавались обоснованными. Решение данного приграничного спора основывалось, очевидно, на прецеденте разрешения «спора о норвежской семге», который был урегулирован 6 августа 1834 года русским министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде и шведско-норвежским посланником в России бароном И. Т. Пальмстиерна подписанием специального протокола. В центре

внимания данного дипломатического документа оказалось право пазрецких лопарей на лов семги в норвежских водах, где лопари традиционно ловили норвежскую семгу по жребию. Так как это право было закреплено в письменных документах, то оно официально признавалось норвежским правительством вплоть до 1924 года, когда это право было выкуплено у пазрецких лопарей Норвегией.

В связи с политической важностью архивных разысканий, проводившихся в советских архивах скандинавскими учеными, руководство НКВД СССР постоянно напоминало Центрархиву РСФСР о необходимости внимательно относиться к «скандинавским друзьям» и создавать для их работы все условия¹⁰. В связи с этим 13 декабря 1928 года Коллегия Центрархива РСФСР значительно упростила порядок допуска иностранцев к работе с архивными материалами советских архивов и правила работы иностранных исследователей в читальных залах государственных архивов. Теперь иностранные ученые могли обращаться для получения допуска в тот или иной советский архив непосредственно к руководству Центрархива РСФСР. НКВД СССР оставлял за собой право согласовывать выдаваемые разрешения¹¹. Данное решение Коллегии Центрархива РСФСР в последующем было закреплено в «Положении о Центральном архивном управлении РСФСР и СССР», утвержденном 29 января 1929 года (гл. VII, п. 86)¹².

7 января 1931 года на заседании Коллегии ЦАУ РСФСР были заслушаны «Тезисы» Ф. Д. Кретьова о новых задачах и реорганизации архивного дела в СССР, где наряду с традиционными требованиями «об усилении бдительности» в деле охраны архивных материалов прозвучало также заявление о том, что «было бы преступлением держать под спудом архивные сокровища... по формальным соображениям о “секретности”, а в действительности – лишь из-за боязни взять на себя ответственность за выявление и использование документов, не представляющих на деле никакого секрета»¹³. Несмотря на то что выступление Ф. Д. Кретьова на Коллегии ЦАУ РСФСР, по мнению Т. И. Хорхординой, являлось «первым развернутым манифестом перестройки всей архивной системы страны в тоталитарном духе» [5; 194], тезис Ф. Д. Кретьова о том, что «архивное дело является не самоцелью, а политическим орудием пролетарской диктатуры и средством социалистического строительства» вполне соответствовал рекомендациям НКВД СССР о политической важности и необходимости продолжения сотрудничества с «Северным обществом».

В начале 1931 года «Северное общество» предложило советской стороне заключить Соглашение на право фотокопирования его представителями архивных документов с использованием шведского фотостата. Фотостат предоставлялся

ЦАУ РСФСР в бессрочное пользование. Его технические возможности были использованы советской стороной при разрешении дипломатического спора о возвращении Финляндии архива б. Статс-секретариата по делам Великого княжества Финляндского. Для фотокопировальных работ было выделено специальное помещение в здании ЦАУ РСФСР, позднее его преобразовали в архивную фотолабораторию. Объем фотокопировальных работ скандинавская сторона предлагала увеличить до 5000 снимков (копий) в месяц, по 200 снимков в день. Стоимость снимка одного документа определялась из расчета по 3 коп. за снимок, что составляло 85 руб. в месяц. С подобным размахом копировальных работ архивных документов советское архивное ведомство еще не сталкивалось, что со временем стало вызывать серьезные сомнения в целесообразности продолжения данного мероприятия.

Плату за фотографирование предполагалось переводить АРиВП через Госбанк СССР в сумме 85 руб. в месяц. Снабжать сотрудников архива новыми пленками, фотобумагой и переправлять готовые снимки из архива в Стокгольм предполагалось через сотрудников шведской миссии в Москве. Архивисты предложили представителям «Северного общества» согласовать вопрос о расчетах с советским дипломатическим ведомством и Народным комиссариатом внешней торговли (далее – НКВТ) СССР. 31 мая 1931 года НКВТ СССР сделал на проект Соглашения отрицательное заключение, отмечая, что иностранное Общество не является торговым (коммерческим), в связи с этим предлагаемый способ доставки пленок для фотостата через шведскую миссию без специального разрешения НКВТ СССР является незаконным. Обращалось внимание, что в Соглашении не указан юридический адрес Общества (его местопребывание) и не оговаривается вопрос о подсудности споров, которые могли возникнуть из Соглашения. Также советское внешнеторговое ведомство интересовалось, почему оплата за копирование документов должна была производиться в рублях, а не в иностранной валюте, что создавало для советской стороны невыгодные условия¹⁴. В свою очередь, НКИД в заключении от 6 июня 1931 года не усмотрел в тексте проекта Соглашения «никаких политических моментов», одобрив его с условием, что Общество получит разрешение НКВТ на ввоз в СССР кино-, фотоматериалов, необходимых для работы¹⁵.

1 октября 1931 года скандинавские ученые направили в ЦАУ РСФСР новый проект Соглашения, отредактированный профессором О. Фрисом. Текст был согласован с НКИД и НКВТ СССР, в Соглашении были устранены все замечания относительно «политических моментов» мероприятия и таможенных формальностей. Соглашение предусматривало также воз-

можность отказа сторон от договорных условий с предупреждением за 20 дней. Однако дальнейшие переговоры по заключению Соглашения были отложены до ноября в связи с обновлением нормативно-правовых документов советского архивного ведомства. 13 октября 1931 года Коллегией ЦАУ РСФСР были утверждены новые «Правила пользования архивными материалами государственного архивного фонда в архивных учреждениях ЦАУ РСФСР»¹⁶.

Наконец, 13 ноября 1931 года советская сторона подписала пятый исправленный вариант Соглашения¹⁷. По мнению В. В. Максакова, именно положительный отзыв НКИД СССР на проект Соглашения убедил руководство ЦАУ РСФСР в возможности подписания нового Соглашения с «Северным обществом» о фотокопировании документов из дипломатических архивов б. Министерства иностранных дел царской России. Советское архивное ведомство попыталось также сформулировать общие правила копирования архивных документов и распространения архивной информации (право копирайта). Особое внимание скандинавских историков обращалось на соблюдение в своей исследовательской работе требований, изложенных в «Положении о Центральном архивном управлении РСФСР» от 1929 года, а именно в гл. VII, п. 5 «Допуск к занятиям не дает занимающимся право на опубликование полностью подлинных текстов дел или отдельных документов и материалов. Полное опубликование подлинных текстов архивных материалов может быть произведено лишь по особым разрешениям ЦАУ РСФСР или областных и других соответствующих органов архивного управления по подведомственности указанных материалов», п. 6 «Воспроизведение архивных материалов графическими способами или путем фотографирования не дает занимающимся авторского права на воспроизведенные материалы. Опубликование их в печати, экспонирование или иное использование допускается лишь на основаниях, указанных в п. 5 настоящих правил»¹⁸.

Однако в январе 1932 года руководство ЦАУ РСФСР вновь серьезно задумалось о целесообразности продолжения сотрудничества с «Северным обществом» в рамках заключенного Соглашения. Неясность ситуации с массовым фотокопированием архивных документов вызывала постоянные вопросы у советских архивистов. За период с 1928 по 1931 год скандинавскими исследователями было сделано и переправлено за рубеж несколько десятков тысяч фотокопий архивных документов. «Уже эта цифра показывает, что “Комиссия по изучению советских архивов”, по существу, ставит себе задачей полное исчерпание наших архивов в той их части, которая касается скандинавских стран», – отмечал в январе 1932 года профессор В. В. Максаков¹⁹.

Как выяснилось на практике, массовое фотокопирование архивных фондов может выйти за рамки использования архивных документов в научных целях. Кроме того, мероприятия по копированию архивных документов, по мнению руководства ЦАУ, должны были осуществляться на принципах взаимности, при этом особо оговаривалось, что советские ученые должны были иметь такие же возможности, права и условия для своей научно-исследовательской работы в скандинавских архивах, какие были созданы для скандинавских и финских ученых в советских архивохранилищах.

В 1932 году советское архивное руководство начинает пересматривать политику «открытых дверей» в отношении скандинавских исследователей. Частично это было связано со сменой руководства ЦАУ. 10 апреля 1932 года в связи с кончиной руководителя советского архивного ведомства, профессора М. Н. Покровского в истории советского довоенного архивного дела завершилась целая эпоха. 23 июня 1932 года новым заведующим ЦАУ СССР был назначен Я. А. Берзин (1881–1938). Однако основной причиной пересмотра приоритетных направлений архивной политики СССР стал начавшийся в 1930-х годах процесс «юридического интегрирования» (Т. И. Хорхордина) архивных учреждений страны в систему государственного тоталитарного управления, завершением которого стало включение в 1938 году сети государственных архивов СССР в структуру органов НКВД [6; 193].

2 февраля 1932 года ЦАУ СССР официально известило «Северное общество» о невозможности продолжать работу по фотокопированию документов на основании заключенного в ноябре 1931 года Соглашения. «ЦАУ СССР, считая абсолютно недопустимым полное копирование архивных материалов, все же считает необходимым разрешить скандинавским ученым копировать материалы до определенной хронологической границы, исключительно материалов по сношениям империи России непосредственно со скандинавскими странами»²⁰. Об этом решении ЦАУ в апреле 1932 года В. В. Максаков также уведомил НКВД СССР в лице Б. С. Стомонякова, отмечая при этом, что окончательно «пресекать связь со скандинавскими и финскими учеными было бы... неправильно»²¹.

В июне 1932 года «Северное общество» через своего официального представителя в СССР профессора О. Брока вновь предприняло попытку поднять вопрос о заключении с ЦАУ СССР договора на фотокопирование документов дипломатических архивов, ссылаясь при этом на предоставленную им возможность проведения подобной работы в Секретном архиве Ватикана.

Однако данное предложение на этот раз не было поддержано советской стороной.

Во второй половине 1932 года профессиональные контакты и научные связи советских историков и архивистов с зарубежными коллегами постепенно стали сворачиваться или подерживались в основном по линии Коминтерна. Не получив дальнейшей поддержки со стороны советского дипломатического ведомства, «Северное общество» также прекратило свою деятельность на территории СССР. Все попытки научной общественности широко обсудить проблему доступности национальных архивов для иностранных исследователей на очередном Международном конгрессе историков, состоявшемся в Варшаве в августе 1933 года, также не нашли отклика со стороны западноевропейских правительств [4; 163].

В заключение необходимо отметить, что в период с 1928 по 1932 год скандинавским исследователям создавались самые благоприятные условия для научно-исследовательской работы в читальных залах советских архивов, в том числе в таких секретных архивохранилищах СССР, как АОР и АРиВП. Свою деятельность скандинавские ученые с 1928 года осуществляли в основном в рамках договоренностей с советским дипломатическим ведомством, а затем в соответствии с заключенным в 1931 году Центrarхивом РСФСР дополнительным Соглашением со Скандинавским научным комитетом «Северное общество». В конечном итоге советско-скандинавское международное сотрудничество благоприятно повлияло на развитие связей советских архивистов с международным научным сообществом и инициировало обновление Центrarхивом РСФСР нормативно-правовой базы в области использования архивных документов.

Ситуация с массовым фотокопированием документов в советских архивах на рубеже 1920–1930-х годов показала, что спрос на архивную документную информацию становился все более востребованным. В связи с этим советские архивисты вынуждены были привлекать для использования в своей работе современную фототехнику с целью улучшения деятельности по копированию архивных документов. Технический прогресс начался в советских архивах уже в 1920-х годах, когда там впервые стали использовать наряду с пишущими машинками и фотостат. В мировой архивной практике массовое фотокопирование архивных документов стало широко применяться в архивах только после того, как в 1930-е годы в США был найден способ максимального уменьшения и воспроизведения письменной информации при помощи фотографического метода микрофильмирования.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. по подпроекту «SCANDICA: культурные конвергенции».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ² ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 8. Д. 111.
- ³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ⁴ Олаф Брок (норв. Olaf Broch, 1867–1961) – норвежский славист, переводчик, историк, основоположник описательной фонетики славянских языков, иностранный член АН СССР (1925 год).
- ⁵ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1725. Л. 4.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 2.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 2.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 32.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 597. Л. 3.
- ¹² Сборник руководящих материалов по архивному делу. 1917 год – июнь 1941 года. М.: ГАУ при СМ СССР, МГИИ, 1961. С. 59–61.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2228.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 88, 88 об.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 89.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2324. Л. 4, 4 об. 5, 5 об.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 92 об.
- ¹⁸ Сборник руководящих материалов по архивному делу. 1917 год – июнь 1941 года. М.: ГАУ при СМ СССР, МГИИ, 1961. С. 62.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1950. Л. 4.
- ²¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 09. Оп. 7. Папка 55. Д. 15. Л. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковчинская С. Г. Архивные документы как объект советско-финляндских отношений в 1920 – начале 1930 гг. // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 44–51.
2. Любименко И. Насколько доступны архивы различных стран исследователю? (по данным международной анкеты) // Архивное дело. 1931. № 3–4 (24–25). С. 105–111.
3. Максakov В. В. История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945: Учеб. пособие. М.: Наука, 1969. 231 с.
4. Старостин Е. В. Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М.: Информац.-изд. агентство «Русский мир», 1997. 332 с.
5. Хорхордина Т. И. Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Советская историография. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 191–215.
6. Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг.: Монография. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1994. 360 с.

Kovchinskaya S. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ACTIVITIES OF SCANDINAVIAN SCIENTIFIC COMMITTEE “NORTHERN SOCIETY” IN SOVIET RUSSIA AT TURN OF 1920s – 1930s

The paper deals with the analysis of mutual activities of the Soviet diplomatic mission, Soviet archives administration, and Scandinavian scientific committee “Northern society” in the area of international scientific communication development and archival information exchange during the second half of the 1920s and the beginning of the 1930s. On the basis of documents found in the State Archive of the Russian Federation (SARF) and in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF) the author considers the issues of arrangement of Scandinavian scientists’ work in Soviet archival institutions; studies practices of archival documents’ photocopying realized within the frames of the Soviet-Scandinavian Agreement; researches the problem of diplomatic adjustment of border disputes conducted with the aid of archival documents found by Scandinavian historians. The paper summarizes grounds for termination of the Agreement with the Northern Society in February, 1932, and for freezing Soviet archival policy based on the open principal in regard to foreign researchers.

Key words: archives, diplomatic archives, Archive of the October Revolution (AOR), archival documents photocopying, Scandinavian historians, “Northern society”, International Congress of historians, copyright, adjustment of border disputes

REFERENCES

1. Kovchinskaya S. G. Archival documents as the object of the Soviet-Finnish relationships in 1920-beginning of the 1930s [Arkhnnye dokumenty kak ob’ekt sovetsko-finyandskikh otnosheniy]. *Otechestvennye arkhivy* [Russian archives]. 2005. № 1. P. 44–51.
2. Lyubimenko I. To what extent are the archives of various countries available for a researcher? (according to the data of the international survey) [Naskol’ko dostupny arkhivy razlichnykh stran issledovatelyu? (po dannym mezhdunarodnoy ankety)] *Arkhnnoye delo* [Archiving]. 1931. № 3–4 (24–25). P. 105–111.
3. Maksakov V. V. *Istoriya i organizatsiya arkhivnogo dela v SSSR. 1917–1945. Uchebnoye posobiye* [History and archives’ organization in the USSR of 1917–1945. A study guide]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 231 p.
4. Starostin E. V. *Zarubezhnoye arkhivovedeniye: problemy istorii, teorii i metodologii* [Foreign archival science: problems of history, theory, and methodology]. Moscow, Publishing house “Russian world”, 1997. 332 p.
5. Khorkhordina T. I. Archives in the “mirror-world”: archival culture of totalitarian regimes [Arkhnvy v “Zazerkal’ye”: arkhivovedcheskaya kul’tura totalitarnykh rezhimov]. *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet historiography]. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 1996. P. 191–215.
6. Khorkhordina T. I. *Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917–1980-e gg.: Monografiya* [National History and archives: 1917–1980s. Monography]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 1994. 360 p.

Поступила в редакцию 22.04.2013

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ КУЛАГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории до-
революционной России исторического факультета, Петро-
заводский государственный университет (Петрозаводск,
Российская Федерация)
olkulagin@yandex.ru

ИНСТИТУТ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАРЕЛИИ В СЕРЕДИНЕ 1960-х ГОДОВ*

Исследованы основные проблемы функционирования одного из базовых институтов лесной промышленности Карелии в середине 1960-х годов – института пропорциональности. Середина 1960-х годов является важным моментом в развитии лесопромышленного комплекса Карелии, так как именно тогда темпы его развития периода 1940–1950-х годов начинают снижаться и лесная отрасль вступает в инерционную фазу развития. Кризис базовых институтов функционирования лесопромышленного комплекса, начинавший созреть в середине 1960-х годов, привел к формированию тех проблем, с которыми региональная лесная промышленность не смогла справиться на протяжении последующих десятилетий. Одним из самых важных для функционирования редистрибутивной экономики, к типу которой можно отнести и советскую экономику, являлся институт пропорционального хозяйства, особенно если речь идет о таком сложном с точки зрения его восстановления и сохранения ресурсе, как лес. Именно дисфункция института пропорциональности стала одним из главных факторов неэффективного развития лесной отрасли в рассматриваемый период и в будущем.

Ключевые слова: лесная промышленность, Карельская АССР, институт пропорциональности

Одной из наиболее важных задач для современных исследований в области экономической истории является поиск и апробация новых исследовательских подходов и методологий. Сегодня среди экономистов и социологов популярно использование институциональных и неинституциональных подходов к исследованию социально-экономических явлений.

Одним из наиболее интересных подходов с точки зрения исследования на стыке истории, экономики и социологии является использование понятий редистрибутивной, или раздаточной, экономики, которые были развиты в работах К. Поланьи [6] и О. Э. Бессоновой [1]. Теоретическое осмысление концепции редистрибутивной экономики связано также с именем доктора социологических наук С. Кирдиной [3], которая в своих работах обосновывает существование X (редистрибутивной) и Y (рыночной) экономик. Советскую экономическую систему С. Кирдина относит к экономикам X-матрицы, которые функционируют в рамках институтов верховной условной собственности, редистрибуции, координации, служебного труда и пропорциональности.

На наш взгляд, именно исследование региональных особенностей редистрибутивной экономики на примере лесной промышленности Карелии с опорой на исторические данные (главным образом архивные материалы) позволяет подтвердить или опровергнуть теоретические положения социально-экономических концепций, преимущественно построенных на базе общих статистических данных. Выбранный

нами период середины 1960-х годов имеет большое значение для развития лесопромышленного комплекса Карелии, когда темпы развития 1940–1950-х годов начинают снижаться и лесная отрасль вступает в инерционную фазу своего развития. Кризис функционирования лесной отрасли, начавшийся в середине 1960-х годов, привел к формированию тех проблем, с которыми региональный лесной комплекс не смог справиться на протяжении второй половины 1960-х [4], [5], в 1970-е [8] и 1980-е [7] годы.

Совокупность базовых экономических институтов в любом обществе направлена на то, чтобы обеспечивать функционирование экономической сферы и создание необходимого объема ресурсов жизнедеятельности для развития сообщества. В условиях рыночных отношений и господства частной собственности пропорции общественного производства стихийно регулируются законом стоимости. В условиях же общей собственности экономика может существовать лишь как пропорциональное хозяйство, когда произведенное в одной ее части потребляется в другой. Излишнее складирование производимых ценностей, как и их недопроизводство, являются угрозой нарушения всего производственного цикла. Поэтому редистрибуция неизбежно предполагает действие института пропорциональности.

На требование пропорциональности производства, осуществляемого в условиях господства общественной собственности, постоянно указывалось и в теории социалистического вос-

производства политической экономии социализма. В частности, закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства являлся регулятором распределения средств производства и рабочей силы в социалистическом хозяйстве в соответствии с основным экономическим законом социализма. Он, в свою очередь, требовал, чтобы хозяйство велось в плановом порядке, чтобы все элементы народного хозяйства развивались пропорционально, чтобы материальные, трудовые и финансовые ресурсы использовались наиболее разумно и эффективно. Пропорциональность, таким образом, представляет собой условие функционирования распределенной собственности, а потому определяет действие соответствующего института [3; 38–39].

Если обращаться к проблемам функционирования института пропорциональности в лесной промышленности Карелии, то одной из таких проблем стало превалирование количественных показателей заготавливаемой и производимой продукции над ее качеством.

Общие для союзной экономики недостатки усугублялись нерациональной структурой производства, сложившейся в республике за предшествующие годы. С утверждением отраслевого принципа управления экономикой все большее распространение (особенно в период 1950-х годов) получала так называемая индустриальная модель развития Севера, ориентированная на крупномасштабную добычу дешевых природных ресурсов и первичную переработку без учета долговременной экономической стратегии, исторических и культурных особенностей развития народов Севера [2; 134].

В результате неэффективности системы совнархозов, введенной в предыдущее десятилетие, по решению сентябрьского (1965 г.) пленума ЦК КПСС совнархозы были ликвидированы и восстановлены промышленные министерства, построенные по отраслевому принципу. Решения пленума положили начало экономической реформе, которую принято именовать косыгинской, вызванной к жизни ростом масштабов производства и истощением в значительной степени к середине 1960-х годов экстенсивных источников увеличения продукции. Однако к этому времени значительно возросли изъятия прибыли государственных предприятий в бюджет и, соответственно, уменьшилась часть прибыли, остающаяся в распоряжении предприятий. Если в целом по стране в 1950 году предприятия и объединения внесли в бюджет 77,3 % полученной прибыли, в 1955-м – 81,7 %, в 1960-м – 74 %, то в 1965 году – 83,5 %. В этих условиях трудно было ждать от них инициативы и заинтересованности в достижении качественных показателей на производстве взамен гонки за количеством, заложенным в плане.

Качество поставляемой предприятиями древесины оставалось в рассматриваемый период все еще достаточно низким. Лесозаготовительные предприятия Управления лесной промышленности за 1964 год получили 1041 рекламацию на низкое качество и недостачу ее в отгружаемых вагонах. Общая сумма предъявленных рекламаций составила 308,6 тыс. рублей. При этом, как показали проверки Гослесоинспекции, основными причинами брака являлись не пороки древесины, а многочисленные дефекты обработки сортиментов (плохая обрубка сучьев, запилы, несоблюдение правил обработки и др.)¹.

Другим серьезным недостатком в работе лесозаготовительной промышленности Карелии являлось неэкономное расходование выделяемого лесосечного фонда, непропорциональное нормам расчетной лесосеки.

Результаты использования лесосечного фонда в республике за ряд лет характеризовались следующими показателями: в 1962 году расчетная лесосека составляла 14 680 тыс. кубометров, а отпущено лесосечного фонда по главному пользованию 20 189 тыс. кубометров, из них вырублено 17 757 тыс. кубометров и оставлено недорубов 3025 тыс. кубометров. В 1963 году расчетная лесосека составила, как и в предыдущем году, 14 680 тыс. кубометров, отпущено лесосечного фонда по главному пользованию чуть меньше 21 110, из них вырублено было на миллион с лишним кубометров больше – 18 988 тыс. кубометров, оставлено же недорубов меньше – 2187 тыс. кубометров. В 1964 году расчетная лесосека составляла все те же 14 680 тыс. кубометров, отпущено лесосечного фонда по главному пользованию 20 474 тыс. кубометров, из них вырублено 18 205 тыс. кубометров, а оставлено недорубов 2268 тыс. кубометров².

Архивные данные вполне соотносятся с официальной статистикой за рассматриваемый период. Вывозка древесины (в миллионах кубометров) по годам выглядела следующим образом: 1945 год – 1,8; 1950 – 6,6; 1955 – 12,4; 1956 – 14,5; 1957 – 15,4; 1958 – 16,7; 1959 – 18,0; 1960 – 18,4; 1961 – 17,8; 1962 – 18,1; 1963 – 19,1; 1964 – 19,1; 1965 – 19,3; 1966 год – 18,5³.

Карельский обком КПСС неоднократно ставил вопрос перед вышестоящими планирующими и директивными органами о недопустимом истреблении лесов на территории Карелии. Однако Госплан СССР, Совнархоз, Госплан РСФСР и Северо-Западный совнархоз практически не прислушивались к сигналам Карельского обкома и продолжали из года в год наращивать темпы лесозаготовок на территории республики. По данным института «Гипролестранс», ликвидный запас древесины на территории республики, по состоянию на 1 января 1961 года, составлял 535 млн кубометров. За 1961–1964 годы на территории республики было вырублено факти-

чески 74,2 млн кубометров. В 1965 году отведено в рубку 19,2 млн кубометров. Таким образом, на 1 января 1966 года ликвидный запас древесины на территории Карелии составлял 441,6 млн кубометров⁴. Однако это были теоретические расчеты, производимые в высоких московских кабинетах.

Практически же ликвидных лесов в республике было значительно меньше, так как на всей территории южной и средней Карелии, подвергнувшейся интенсивным рубкам в предшествующие два десятилетия, имелось большое количество мелких нерентабельных недорубов объемом по 2–3 тыс. кубометров в квартале. Например, на территории Олонецкого района теоретически числился ликвидный запас древесины в размере около 5 млн кубометров, фактически же возможных к освоению более или менее компактных массивов было около 2 млн кубометров. Остальное количество, в объеме до 3 млн кубометров, относилось к мелким недорубам, образовавшимся за предыдущие 35 лет, совершенно не имевшим промышленного значения и нерентабельным⁵.

Советом Министров РСФСР на территории Карелии на 1964–1965 годы была утверждена расчетная лесосека по рубкам главного пользования в объеме 14 600 тыс. кубометров. Кроме того, планом 1965 года были предусмотрены прочие рубки в объеме 140 тыс. кубометров. Следовательно, при грамотном ведении хозяйства объемом лесозаготовок в целом по Карелии в 1965 году должен был составить 14 740 тыс. кубометров. Фактически же он составлял 19 220 тыс. кубометров, в том числе по предприятиям Северо-Западного совнархоза 17 000 тыс. кубометров. В 1965 году сложилось положение, при котором сохранение объема лесозаготовок в пределах существовавшей расчетной лесосеки и увеличение объемов прочих рубок до 1 200 тыс. кубометров (по данным института «Гипролестранс», при соответствующем выделении денежных и материальных ресурсов, что считалось вполне возможным) привело бы к тому, что в Карелии весь лес теоретически должен быть вырублен за 28 лет. При дальнейшем сохранении реально существовавших тогда объемов лесозаготовок на территории Карелии весь лес должен быть вырублен за 23 года. На практике же, с учетом наличия нерентабельных недорубов, эти сроки были значительно меньше⁶.

Уже к середине 1960-х годов совершенно очевидным стал тот факт, что при условии сохранения объема лесозаготовок на территории Карелии на уровне, достигнутом к рассматриваемому периоду, через 20 лет можно было прогнозировать, что без сырьевой базы останутся не только все предприятия, расположенные на территории Карелии, но и большая часть целлюлозно-бумажных предприятий, рас-

положенных на территории Ленинградской области и в Прибалтике. По мнению карельских партийных и административно-хозяйственных органов, допустить такое положение ни в коем случае было нельзя. В связи с этим Карельский обком неоднократно входил с ходатайством в Госплан СССР о снижении объемов лесозаготовок на территории Карельской АССР начиная с 1967 года до 15 млн кубометров, включая прочие рубки, с последующим установлением расчетной лесосеки, исходя из реального состояния лесных запасов на территории республики⁷.

В 1960-е годы эксплуатационные запасы КАССР вырубались в 2 раза интенсивнее, чем в целом по Северо-Западному экономическому району. В 1964 году объемы лесозаготовительного производства в республике достигли максимального уровня – 19,9 млн кубометров и Карелия заняла первое место в стране по объему лесозаготовок на одного жителя. Интенсивная эксплуатация лесов в КАССР в течение длительного времени привела к существенному сокращению запасов спелого леса, особенно в южной и средней частях Карелии, что вызвало прекращение деятельности многих лесозаготовительных предприятий. Наиболее интенсивно этот процесс проходил со второй половины 1960-х годов, когда был взят курс на постепенное сокращение объема лесозаготовок и доведение их до уровня расчетной лесосеки. Это сказалось на снижении доли продукции лесной промышленности в общем объеме промышленного производства республики (в 1970 году она уменьшилась на 7 % по сравнению с 1965 годом). Однако лесозаготовка по-прежнему занимала одно из ведущих мест в экономике республики. На ее долю в конце 1960-х годов приходилось 21–24 % всей промышленной продукции республики и более 30 % всех промышленных рабочих.

Непропорциональное использование лесного фонда республики к середине 1960-х годов привело к непропорциональной истощенности лесных ресурсов в сравнении между южными и северными районами Карелии.

До середины 1950-х годов в республике не было сложившихся территориально-хозяйственных комплексов. Общий характер территориального размещения промышленности имел существенный недостаток – узкую локализацию всей промышленности по основной линии Кировской железной дороги. Находившиеся в стороне от нее западные районы Карелии, а это более 40 % территории республики, оставались слабо развитыми в экономическом отношении, их богатые ресурсы не использовались. На долю западных районов в начале 1950-х годов приходилось всего 4 % промышленного производства Карелии [2; 130].

Наибольшее число промышленных предприятий республики было сосредоточено на юге

и юго-западе Карелии – в районах Онежского и Ладожского озер. Промышленность северных районов: Кестеньгского, Калевальского, Лоухского – была представлена незначительными разработками лесных массивов. Существенное сдерживающее влияние на развитие промышленного производства в республике оказала слабая и неравномерная сеть транспортных путей. Строительство Западно-Карельской железной дороги, сооружение ряда электростанций, создание новых лесозаготовительных предприятий способствовали увеличению экономического потенциала северных и западных районов республики, но кардинальным образом проблема не была решена.

По сообщению министра лесного хозяйства КАССР того времени Н. Прилепо в Карельский обком КПСС и Совет Министров КАССР, расчетная лесосека в лесах КАССР в 1965 году была «перерублена» на 4,2 млн кубометров, или использована на 129 %. Особенно большие перерубы имели место в южных лесхозах. Дальнейшее регулирование перерубов расчетной лесосеки за счет увеличения отпуска леса в других районах республики было уже почти невозможно, так как по существу только в Калевальском, Кестеньгском, Кривецком, Ребольском, Юшкозерском лесхозах расчетная лесосека была не использована до конца всего на 807 тыс. кубометров, с одной стороны, с другой – качественный состав древостоев юга Карелии не мог быть заменен лесами севера. Проблема заключалась в том, что южная часть республики была представлена преобладающей породой ели и на базе елового сырья был создан крупнейший в СССР комби-

нат газетной бумаги – Кондопожский ЦБК. Из потребительной базы Кондопожского ЦБК более 700 тыс. кубометров еловых балансов отгружалось целлюлозно-бумажным предприятиям Калининграда, Прибалтики и Карельского перешейка⁸.

Значительная часть числящихся в качестве эксплуатационных запасов была оставлена в виде недорубов с преобладанием лиственной древесины, разбросанных на огромной территории, промышленная эксплуатация которых без увязки с лесохозяйственной деятельностью и дорожным строительством была нерентабельна. Все эксплуатационные запасы предприятиями комбината «Южкареллес», по расчетам Министерства лесного хозяйства республики, должны были быть вырублены в среднем за 10 лет, но в реальности процесс срочного закрытия леспромхозов на юге начался уже с начала 1960-х годов (Деревянский, Ладвинский, Пайский леспромхозы)⁹.

Обобщая все аспекты диспропорционального развития лесопромышленного комплекса Карелии в середине 1960-х годов, стоит отметить, что на региональном уровне они были очевидны и вызывали у местных партийных и административно-хозяйственных властей вполне закономерное желание изменить ситуацию к лучшему. Однако диспропорциональные параметры развития отрасли в предыдущие годы обусловили формирование эффекта зависимости от предшествующего опыта, в рамках которого лесной комплекс Карелии продолжал демонстрировать дисфункцию института пропорциональности.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 3.
- ² НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 3.
- ³ Олонекская губерния – Карельская Трудовая Коммуна – Республика Карелия. 1838–2001: Статистический сборник / Госкомстат РК. Петрозаводск, 2002. С. 70.
- ⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 49.
- ⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 50.
- ⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 50.
- ⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 51.
- ⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 122. Л. 33.
- ⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 122. Л. 35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
2. История экономики Карелии. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода. Петрозаводск: Петропресс, 2005. 246 с.
3. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. 256 с.
4. Кулагин О. И. Роль «неофициальной экономики» в советской лесной промышленности второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. (по материалам Карельской Автономной Советской Социалистической Республики) // Глобальный научный потенциал. 2013. № 1 (22). С. 24–27.
5. Кулагин О. И. Скрытые социальные конфликты на предприятиях советской лесной промышленности во второй половине 1960-х гг. (по материалам Карельской АССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3–1. С. 91–93.
6. Полань К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2010. 196 с.
7. Шегельман И. Р., Кулагин О. И. Исследование исторического опыта трансформаций в области управления лесной промышленностью СССР в период перестройки (1985–1990 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2012. № 4. С. 91–105.

8. Шегельман И. Р., Кулагин О. И. Система управления как фактор технологических трансформаций на лесозаготовках СССР в 1970–1980 гг.: опыт исторической ретроспекции // Государственное управление: Электронный вестник. 2011. Выпуск № 28 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ejournal.spa.msu.ru/images/File/2011/28/Shegelman_Kulagin.pdf

Kulagin O. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INSTITUTE OF PROPORTIONALITY IN TIMBER INDUSTRY OF KARELIA IN MIDDLE OF 1960s

The article is devoted to the study of one of the basic institutions of Karelian forest industry in the middle of the 1960s – the institute of proportionality. The selected period was an important time stretch in the development of timber industry complex of Karelia because at that time the pace of industry development, achieved in 1940–1950s, began to decline, and Karelian forest industry entered its inertial phase of development. The crisis of the basic timber industry institutions, which began to mature in the middle of the 1960s, caused formation of the problems too challenging for the regional timber industry to cope with. One of the most important factors contributing to the effectiveness of redistributive economy, the type of which can be attributed to the Soviet economy, was the institution of proportionality. In terms of common ownership, economy can exist only as a proportional economy, especially when it comes to a complex where wood has to be restored and preserved. The dysfunction of the institute of proportionality became one of the main factors promoting inefficient development of timber industry in the period under review and in the future.

Key words: timber industry, Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic, institute of proportionality

REFERENCES

1. Bessonova O. E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolutsiya cherez transformatsii* [Distributing economy of Russia: the evolution through transformation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 144 p.
2. *Istoriya ekonomiki Karelii. Kn. 2. Ekonomika Karelii sovetskogo perioda* [The history of Karelian Republic. Vol. 2. Karelian economy of the Soviet period]. Petrozavodsk, Petropress Publ., 2005. 246 p.
3. Kirdina S. G. *X- i Y-ekonomiki: institutsional'nyy analiz* [X- and Y-economics: institutional analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 256 p.
4. Kulagin O. I. The role of the “informal economy” in the Soviet timber industry during the second half of the 1960-s – early 1970-s. (on the materials of Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic) [Rol' “neofitsial'noy ekonomiki” v sovetskoy lesnoy promyshlennosti vtoroy poloviny 1960-kh – nachala 1970-kh gg. (po materialam Karel'skoy Avtonomnoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki)]. *Global'nyy nauchnyy potentsial* [Global scientific potential]. 2013. № 1 (22). P. 24–27.
5. Kulagin O. I. Latent social conflicts at the enterprises of the Soviet timber industry in the second half of 1960s (on the materials of Karelian ASSR) [Skrytye sotsial'nye konflikty na predpriyatiyakh sovetskoy lesnoy promyshlennosti vo vtoroy polovine 1960-kh gg. (po materialam Karel'skoy ASSR)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Theory and practice]. 2013. № 3–1. P. 91–93.
6. Polan'i K. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, The territory of the future Publ., 2010. 196 p.
7. Shegel'man I. R., Kulagin O. I. The study of the historical experience of transformation in the management of the forest industry in the Soviet Union during perestroika (1985–1990 gg.) [Issledovanie istoricheskogo opyta transformatsiy v oblasti upravleniya lesnoy promyshlennost'yu SSSR v period perestroyki (1985–1990 gg.)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow University. Ser. 21: Control (state and society)]. 2012. № 4. P. 91–105.
8. Shegel'man I. R., Kulagin O. I. The management system as a factor of technological transformations in timber industry of the USSR in 1970–1980-s.: experience of a historical retrospection [Sistema upravleniya kak faktor tekhnologicheskikh transformatsiy na lesozagotovkakh SSSR v 1970–1980 gg.: opyt istoricheskoy retrospektzii]. *Gosudarstvennoe upravlenie: Elektronnyy vestnik* [State management: Electronic bulletin]. 2011. Is. 28. Available at: http://ejournal.spa.msu.ru/images/File/2011/28/Shegelman_Kulagin.pdf

Поступила в редакцию 12.07.2013

ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВНА ЕРМОЛАЕВА

старший научный сотрудник Института Североевропейских исследований, старший преподаватель кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ksana27@yahoo.com

ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ 1930-х ГОДОВ

(на примере работы Л. Виола «Крестьянский ГУЛАГ: Мир сталинских спецпоселений»)*

На примере работы Л. Виола, посвященной «крестьянскому архипелагу», рассматриваются проблемы идеологической предвзятости, терминологии, узости источниковой базы и общего концептуального подхода. Даже лучшие западные исследования по истории русского крестьянства, одним из которых, несомненно, является работа Л. Виола, обременены идеологическими предрассудками, некоторой односторонностью источниковой базы и в сравнении с отечественными исследованиями по теме запаздывают в публикации архивного материала. Приводится описание незадействованных доселе источников по теме «крестьянской ссылки». Тем не менее можно говорить и о существенном прогрессе в изучении проблем репрессированного крестьянства в СССР, проявившемся в публикации нового материала по социальным, медицинским и культурным аспектам системы спецпоселений в СССР.

Ключевые слова: крестьянство, система спецпоселений, методология, источники

История спецпоселений начала и середины 1930-х годов складывалась преимущественно в связи с исследованиями по истории российского крестьянства. История «кулацкой ссылки» в завуалированной форме формировалась с 1960-х годов и досконально представлена как в виде недавно опубликованных сборников документов центральных и региональных архивов, так и многочисленных исследований по теме [4; 312–318]. Система спецпоселений конца 1930-х – начала 1950-х годов как в России, так и на Западе традиционно рассматривалась в рамках проблемы «этнополитических депортаций» [3], [8], [4; 295].

Показательно-симптоматической как в целом в контексте общего состояния современной западной историографии СССР, так и в отношении системы сталинских поселений является недавно изданная книга Линн Виола, профессора российской истории Университета Торонто (Канада)¹ [4]. Работа, посвященная «истории кулаков и “другого”, “крестьянского” архипелага», исследует политику раскулачивания, ее исполнение и последствия, а также жизнь в спецпоселках [4; 31]. Первая ее часть описывает процессы раскулачивания, ликвидацию кулачества как класса, подготовку и проведение депортаций на спецпоселение и строительство спецпоселков. Вторая часть о жизни и труде депортированных кулаков в спецпоселках затрагивает темы адаптации, образа жизни, голода 1932–1933 годов в спецпоселках Северного края, реабилитаций и повторных репрессий кулаков вплоть до конца Второй мировой войны.

Л. Виола демонстрирует доскональную изученность темы и российской историографии по ней, не говоря уже об огромной работе, преде-

ланной ею в архивах Москвы, Вологды и Архангельска (справочный аппарат составляет шестую часть работы). Тем не менее определенная часть ее дублирует «открытия» российских коллег. К примеру, детальное описание процессов раскулачивания, отправки на спецпоселение и жизнеустройства высланных в спецпоселках в начале 1930-х годов уже было представлено в отечественных работах [5], [6]. Это касается и статистических данных по отправлению на спецпоселения по регионам, районам высылки в 1930–1931 годах, «движению спецпоселенцев» и их трудоустройству [4; 325–328], [5; 17–25], а также статистики заболеваемости и смертности спецпоселенцев, численности пребывавших на спецпоселения в различные годы, побегов со спецпоселений во временной динамике [4; 289], [5; 16–75] и другим аспектам. Своеобразное запаздывание в публикации материала, являющееся свидетельством печального разрыва западной и отечественной историографии истории России XX века, очевидно, наследия холодной войны, свойственно многим западным исследованиям по истории СССР. Другая особенность работы как Л. Виола, так и многих других западных исследователей, – некоторая заикленность на репрессивных аспектах изучаемого явления и преступлениях сталинизма [4; 153, 241]. Основной целью своей работы Виола ставит «описать террор в отношении крестьянского населения СССР», который в работе автора предстает рутинной повседневностью, стадией которой, от раскулачивания до мучительной смерти в поселении, предстают трагедией русского народа [4; 31]. История «крестьянского ГУЛАГа» и его обитателей являет собой, по свидетельству ав-

тора, один из «ужасающих опытов массовых репрессий в XX веке» [4; 24].

Несомненно, политика Советского государства по отношению к крестьянству, практики раскулачивания и депортации были бесчеловечны, как и сам сталинский режим, но взгляд на историю спецпоселений исключительно с точки зрения описания преступлений сталинизма значительно упрощает картину, ведет к предвзятому отношению в выборе источников и их интерпретации и ограничивает исследование узкими рамками описания репрессивной вакханалии режима и страданий его жертв.

Термин «кулацкая ссылка», будучи заимствованным из официальных документов советских органов 1930-х годов, с легкой руки публицистов конца 1980-х годов стал синонимом репрессированного крестьянства и распространился на всю массу спецпоселенцев [2], [4], [5]. Утвердившийся стереотип, что в начале 1930-х годов население спецпоселков было в основном крестьянским, неверен. Во-первых, в спецпоселения попадало множество представителей уголовного мира. Массовая высылка в 1933 году в восточные районы страны охватила не только крестьян, но и маргинальные группы городского населения, выявленные в ходе чистки городов при введении паспортной системы, и рецидивистов, выпущенных на волю в ходе разгрузки мест заключения. Во-вторых, как и любой другой сегмент сталинского общества, спецпоселенцев отличала высокая степень социальной и культурной иерархичности. Среди кулаков было немало других представителей социально чуждого элемента – священнослужителей, представителей оппозиционно настроенной интеллигенции, ремесленников, служащих и т. д. Это было связано с тем, что в ходе проводимых зимой и весной 1930 года депортаций списки подлежащих высылке кулаков нередко формировались на основе имевшихся у местных органов власти списков лиц, лишенных избирательных прав, – «лишенцев». Несмотря на жесткую инструкцию, данную карательным органам, отсекав при высылке от крестьянской массы так называемых бывших, их выявляли в ходе проверок спецпереселенцев на поселении и ими же часто комплектовалась медико-санитарная и культурно-просветительная инфраструктура спецпоселков [6; 14]. Как отмечали сами представители властей в начале 1930-х годов, «контингент в местах расселения весьма пестрый: не только кулаки 2-й категории из Сибири и Украины, но и высланные из погранполосы бывшие петлюровцы, махновцы, деникинцы, лица, имеющие подозрение, но не уличенные ни в чем определенно преступном, рецидивисты, судебноссылные и высланные, прежде находившиеся в ссылке и т. п. В данное время все они находятся в условиях одного режима и рассматриваются как спецпереселенцы» [9; 234].

Л. Виола не смогла полностью избежать вышеупомянутых стереотипов. Автор ограничилась рассмотрением только той части крестьян, которая была выслана на спецпоселение. Огромное их количество стали заключенными ГУЛАГа и подверглись другим видам репрессий, а спецпоселения никогда не были исключительно «крестьянскими», как и собственно ГУЛАГ в любых своих проявлениях, и хотя доля раскулаченных крестьян в начале 1930-х годов в спецпоселках была высока, термины «кулаки» и «спецпоселенцы» не являются взаимозаменяемыми.

Исследование охватывает период вплоть до конца Второй мировой войны, но национальный вопрос, являющийся важным для истории спецпоселений не только 1940–1950-х, но и 1930-х годов, практически не затрагивается. А между тем уже в 1931 году в ходе проведения операции по массовому выселению кулаков в огромных масштабах проводилось выселение из «национальных» регионов. В целом создается впечатление, что социальная, национально-культурная и региональная история системы спецпоселений осталась нераскрытой.

Узость подхода и выбора проблематики обусловили и ограниченность источниковой базы, характерную практически для всех западных исследований истории СССР. Автор использует огромный массив официальных документов, в большинстве своем уже рассекреченных и введенных в научный оборот. В первую очередь это архивные коллекции фондов ОГПУ – НКВД – МВД, хранящиеся в ГАРФе, а также материалы ЦА ФСБ, Президентского архива и РГАСПИ. Активно и безоговорочно используются спецсводки ОГПУ – НКВД о «политических настроениях» спецпоселенцев, которые по своей специфике являются очень проблематичным источником, так как фиксируют сведения негативного характера [4; 157–158, 215, 228]. При этом автор не использует огромный пласт важных источников по истории спецпоселенцев. Это личные дела спецпоселенцев, содержащиеся в архивах. Они включают в себя карточку спецпоселенца с информацией биографического характера, протоколы допросов свидетелей, как правило, бедняков-колхозников из той же деревни, «социально-экономическую характеристику», содержащую детальное описание изменений в имущественном положении кулака до и после революции, и выписку из протокола президиума местного райисполкома о его выселении, а также материалы, относящиеся непосредственно к пребыванию на спецпоселении. Кроме того, это документы советских органов – облисполкомов и райисполкомов, хозяйственных (промышленно-отраслевых) предприятий, культурных ведомств (Наркомпрос), органов здравоохранения, областных судов и прокуратуры. Последние помимо уголовно-следственной ин-

формации на спецпоселенцев содержат информационные доклады прокуроров о состоянии дел в спецпоселках. Отдельный информативный пласт составляют документы по медицинскому и социальному обслуживанию населения спецпоселков, касающиеся медсети, обеспеченности кадрами и медикаментами лечебных учреждений, статистических сведений о заболеваемости и смертности спецпоселенцев, проведения лечебно-профилактических мероприятий и эпидемиях в спецпоселках.

Материалы, относящиеся непосредственно к пребыванию на спецпоселении, открывают многообразие учетных форм спецпоселенцев, а также различные аспекты их жизнедеятельности. В их число входят справки о нахождении в лазарете на лечении, акты о смерти детей и родственников, ходатайства спецпоселенцев с просьбами обеспечить лечение, освободить от работ, предоставить пособие по инвалидности, служебные записки, письма из спецпоселений родным и близким, автобиографии и производственные характеристики, сообщения органов о правонарушениях спецпоселенцев (побеги, спекуляция и т. д.). В делах содержится переписка спецпоселенцев или членов их семей с органами МВД по вопросам реабилитации.

Обширный массив документов по регионам, до сих пор не затронутый исследователями, составляют материалы, посвященные культурно-бытовому обслуживанию и школьному образованию. Они включают в себя планы развертывания сети культпросветучреждений, отчеты о состоянии работы по ликвидации неграмотности, отчеты учреждений клубного типа, сведения о ходе дошкольного, школьного воспитания учащихся и комплектовании школ в спецпоселках кадрами [7].

Наконец, последняя проблема исследования — это проблема общей методологии и концепции. Как правило, современные западные историки, пытаясь объяснить процессы, происходившие в СССР в 1930-е годы, и в целом ход советской истории, либо используют репрессивно-карательный подход, рассматривая преступления сталинского режима в сравнительной перспективе с нацистской Германией, либо пытаются применить амбициозные методологические и концептуальные схемы, такие как модернизм, подход пространственной истории А. Лефевра [1], либо имперский подход к изучению истории СССР [11]. Он является наиболее живучим в современной западной историографии истории СССР. Л. Виола использует синтез репрессивно-карательного подхода и имперской методологии.

Используя определение СССР как империи, выведенное Т. Мартином (основанное на отношениях СССР с собственными нацменьшинствами) [12], Л. Виола дополняет его сравнением с колониальными предприятиями европейских

государств [4; 236]. Согласно концепции автора, в процессе осуществления модернизации экономики «деревня выполняла роль “внутренней колонии” Советского Союза, которую эксплуатировали в интересах Москвы» [4; 235]. В обоих случаях колонизация сопровождалась «поправкой человеческого достоинства» [4; 236].

Подобная схема объяснения является несколько упрощенной. Взаимоотношения Москва — регионы не совсем вписываются в рамки традиционных отношений метрополия — колония. Кроме репрессивно-карательных мер, применяемых советским руководством в отношении крестьянства, представителям последнего предлагались уникальные возможности социальной мобильности, как и образовательные возможности, не существовавшие ни в одной колонии мира.

Тем не менее отдадим должное правильности вывода Л. Виола о феномене «ответной реакции» в истории спецпоселений [4; 238]. Действительно, сталинская политика зачастую определялась обстоятельствами либо представляла ответную реакцию на возникавшие проблемы. Отчасти на затяжной характер кризиса, в котором СССР пребывал в 1930-е годы, проявившегося в напряжении первых пятилеток, коллективизации, раскулачивания и массовых репрессий, повлияла «взрывоопасная международная обстановка и пресловутое “капиталистическое окружение”, взявшее в кольцо Советский Союз» [4; 238].

Надо отдать должное автору: она детально раскрывает планы и проекты, согласно которым были осуществлены депортации, и прослеживает их претворение в жизнь. Подробное описание перипетий координационных комиссий по делам спецпоселенцев (Толмачева, Бергавинова) сопровождается исследованиями биографического характера, изучены жизненные пути большевиков, решавших судьбы высланных [4; 85–105]. Описание процессов депортации и организации жизни на спецпоселении доказывает правоту автора в ее утверждении о характерном «экспериментальном» и «реактивном» характере депортаций на спецпоселение начала 1930-х годов, планировавшихся на ходу, в противовес аналогичным процессам конца 1930–1940-х годов, проходивших в условиях более четкой организации и контроля. По утверждению автора, детали планирования транспортировки раскулаченных в окружные и районные центры регионов их поселения были заимствованы из военных мобилизационных кампаний [4; 68].

В работе представлены ценные данные по медобслуживанию и эпидемическим заболеваниям в спецпоселках [4; 178–179], по детской заболеваемости и смертности в региональном разрезе [4; 81, 136–138], проанализирован состав учителей в школах спецпоселков, в основном это были сами спецпоселенцы, вынужденные

«перевоспитывать» в русле коммунистической пропаганды собственных детей [4; 140–141].

Особенно интересно исследование социального срез комендантов в спецпоселках северного края, проблемы их подготовки, продвижения по службе и руководства спецпоселками [4; 142–154]. Социальные портреты комендантов показывают, что, как и в других регионах, где располагались лагеря и спецпоселки, большинство административных работников были выходцами из беднейших слоев крестьянства (по-другому и не могло быть в крестьянской стране). Это отражает любопытный процесс, как власть создавала аппарат из своих наместников на местах из той же крестьянской среды, которую пыталась себе подчинить, и как с их помощью ломала традиционные крестьянские ценности.

Любопытны приведенные данные по незаконно приехавшим родственникам высланных [4; 163], деятельности ОГПУ по предотвращению побегов и особенностям создания сети осведомителей [4; 165–168]. Случаи организованного сопротивления депортированных крестьян в начале 1930-х годов, сопровождавшиеся беспощадной борьбой с ними ОГПУ [4; 167–170], впоследствии влекли за собой попытки властей исправить ужасающе бедственное положение в спецпоселках в виде реформирования системы их управления. Административные реформы системы на протяжении 1930-х годов были непоследовательны. Послабление режима в спецпоселках и попытки реабилитации спецпоселенцев были всего лишь прелюдией к репрессиям в их среде 1937–1938 годов, в ходе так называемого второго раскулачивания согласно приказу № 00447 НКВД СССР [4; 196–213]. По состоянию на июль 1938 года, из 699 тыс. 929 человек, арестованных по приказу № 00447, обвиненные в кулачестве составили 376 тыс. 206 человек. Таким образом, доля кулаков в составе репрессированных выросла до 54 % [4; 301]. К сожалению, Л. Виола лишь вскользь упоминает, что репрессии в среде руководящих работников и сотрудников НКВД до основания потрясли саму административную структуру спецпоселений [4; 214].

В русле подхода к истории спецпоселений как к колоссальному этносоциальному эксперименту

историю «кулацкой ссылки» можно рассматривать в качестве уникального опыта реинтеграции последующих поколений спецпоселенцев в советское общество. Это заметно на фоне депортированных впоследствии «национальных» групп спецпоселенцев, чья высылка и возвращение в места своего проживания с концом советской эпохи привели к масштабным драматическим последствиям межнациональных конфликтов 1990-х годов. Высокий адаптивный потенциал кулаков, проявившийся в резком уменьшении побегов к 1936 году [4; 197], массовой службе в армии в ходе Великой Отечественной войны, их реабилитации и, наконец, практически полном исчезновении этой группы на спецпоселении к концу 1940-х годов, мог бы стать объектом для исследования. Но в работе Л. Виола подобные вопросы замещаются обсуждением пожизненной «стигматизации» спецпоселенцев.

Можно оспорить утверждение автора и о том, что трудоустройство репрессированных крестьян заложило фундамент ГУЛАГа [4; 243]. Колонизация малообжитых северных регионов имела огромное значение в организации депортаций на спецпоселение наряду с идеологическими мотивами, но строительство Беломоро-Балтийского канала, которое, без сомнения, можно назвать пилотным экономическим проектом ГУЛАГа, было осуществлено силами заключенных, среди которых значительной была и доля уголовников [11]. Наконец, для исследования судеб репрессированного крестьянства и его роли в экономике принудительного труда необходимо детальное изучение лагерей ГУЛАГа.

Л. Виола является, без сомнения, одним из лучших западных специалистов по истории российского крестьянства в Советском Союзе. Помимо отсутствия откровенно русофобских мотивов, ее отличают качественность, монументальность исследования, колоссальная работоспособность и готовность к сотрудничеству [10]. Поэтому перечисленные недостатки работы свидетельствуют не о погрешностях автора, а об общих проблемах совместного исследовательского пространства российско-американской историографии истории СССР.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На английском языке работа была опубликована в 2007 году, русскоязычной аудитории стала доступна в 2010 году.

² Центральный архив МВД Республики Карелия. Ф. 69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барон Н. Власть и пространство: автономная Карелия в Советском государстве 1920–1939. М., 2011. 400 с.
2. Бердинских В. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. Киров: Кировская областная типография, 2003. 528 с.
3. Бугай Н. Ф., Коцонис А. Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М.: ИНСАН, 1999. 168 с.
4. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: Мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2008. 335 с.

5. Земсков В. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
6. Красильников С. А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003. 288 с.
7. Лахтионова Т. И. Документы национального архива Республики Коми как источник по истории спецпоселения раскулаченного крестьянства на территории Коми края в 1930-е гг. XX века // Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар, 2001. С. 65–70.
8. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 328 с.
9. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 / Под ред. В. П. Данилова, С. К. Красильникова. Новосибирск: Наука, 1992. 286 с.
10. Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы, 1927–1937 / Под ред. В. П. Данилова, С. А. Красильникова, Р. Мэннинг, Л. Виола: В 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006.
11. Ermolaeva O. The Social History of the Soviet GULAG in the 1930s: The White-Sea Baltic Combine of the NKVD. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2013.
12. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001. 496 p.
13. Naimark N. Stalin's Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010. 163 p.

Ermolaeva O. E., Nordic Research Institute of Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EXPLORATION OF SPECIAL SOVIET SETTLEMENTS OF 1930s (ON THE EXAMPLE OF THE WORK BY L. VIOLA “THE UNKNOWN GULAG: THE LOST WORLD OF STALIN’S SPECIAL SETTLEMENTS”)

The article is concerned with methodological problems of contemporary Western literature on the history of “peasant exile” (the system of special settlements in 1930s) in the USSR. On the example of a recent work by L. Viola, it discusses the aspects of ideological biases, incorrect terminology, narrowness of the source base, and general conceptual approach. It argues that even the best Western works on Russian peasantry bear the bondage of ideological prejudice, insufficiency of the source base, and belatedness in publication of archival materials. The article presents archival sources on the subject of “peasant exile”, which so far have not yet been used by the scholars. However, there is a significant progress in the study of repressions among Russian peasantry in Western historiography. The problem is widely discussed in publications of new materials on social, medical, and cultural aspects of the system of special settlements in the USSR.

Key words: Peasantry, special settlements, methodology, sources

REFERENCES

1. Baron N. *Vlast' i prostranstvo: avtonomnaya Kareliya v Sovetskom gosudarstve 1920–1939* [Power and Space: Autonomous Karelia in the Soviet State, 1920–1939]. Moscow, 2011. 400 p.
2. Berdinskikh V. *Spetsposelentsy: politicheskaya ssylka narodov Rossii* [Special Settlers: Political Exile of Russian Peoples]. Kirov, 2003. 528 p.
3. Bugay N. F., Kotsonis A. N. “*Obiazat' NKVD SSSR... vyselit' grekov*” [To order NKVD SSSR... to deport the Greeks]. Moscow, 1999. 168 p.
4. Viola L. *Krest'yanский GULAG: Mir stalinskikh spetsposeleniy* [The Peasant Gulag: the World of Stalin's Special Settlements]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 335 p.
5. Zemskov V. *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 306 p.
6. Krasil'nikov S. A. *Serp i molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gg.* [The Sickie and the Moloch: The Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, 2003. 288 p.
7. Laktionova T. I. The Documents of the National Archive of Komi Republic as a historical source in study of the dispossessed peasantry exile in Komi region during the 1930s in the XX century [Dokumenty natsional'nogo arkhiva Respubliki Komi kak istochnik po istorii spetsposeleniya raskulachennogo krest'yanstva na territorii Komi kraia v 1930-e gg. XX veka]. *Politicheskiye repressii v Rossii. XX vek* [Political repressions in Russia in the XX century]. Syktывkar, 2001. P. 65–70.
8. Polyan P. *Ne po svoey volie... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not by Their Own Will... A History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow, 2001. 328 p.
9. *Spetspereseleny v Zapadnoy Sibiri. 1930 – vesna 1931* [Special Settlers in Western Siberia. 1930 – spring 1931]. Ed. V. P. Danilov, S. K. Krasil'nikov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 286 p.
10. *Tragediya Sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: Dokumenty i materialy, 1927–1937* [The Tragedy of the Soviet Countryside. Collectivization and dispossession of kulaks. Documents and materials, 1927–1937]. Ed. V. P. Danilov, S. A. Krasil'nikov, R. Menning, L. Viola. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999–2006.
11. Ermolaeva O. The Social History of the Soviet GULAG in the 1930s: The White-Sea Baltic Combine of the NKVD. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2013.
12. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 496 p.
13. Naimark N. Stalin's Genocide. Princeton: Princeton University Press, 2010. 163 p.

Поступила в редакцию 12.07.2013

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ МАРКОВ

соискатель кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mcvcom@yandex.ru

ОБРАЗ МАННЕРГЕЙМА В СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ*

Рассмотрена эволюция образа главнокомандующего финской армией барона Маннергейма и выяснены причины его активного использования советскими пропагандистами на протяжении 1941–1942 годов и постепенного размывания на протяжении 1943–1944 годов. Как и все образы вражеских лидеров, он состоял из двух основных частей. Первая должна была вызвать в красноармейцах ненависть, а вторая «снизить» его, чтобы они не лишились воли к сопротивлению. Обе составляющие образа были построены на классовых принципах. Когда пропала необходимость в противопоставлении рядовых финнов и их правительства, образ Маннергейма стал терять свою четкость. Негативные характеристики, которые первоначально применялись лишь к нему, стали распространяться на остальных финнов. В результате он перестал выделяться в отдельную категорию и слился с образом врага вообще. В дальнейшем, так как Финляндия вышла из войны именно под руководством Маннергейма, этот образ оказался в значительной степени забыт пропагандистами и снят с повестки дня.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военная пропаганда, образ врага

Во время Великой Отечественной войны на Карельском фронте, где основным противником советских войск были финские воинские соединения, главным объектом для критики стала фигура Маннергейма. Целью данной работы является деконструкция образа Маннергейма, созданного в советской пропаганде, выявление его главных черт и анализ динамики принципов, которые определяли наиболее существенное в облике финляндского военного лидера и его трансформацию. Для этого будут решены несколько задач. Анализ основных составляющих образа Маннергейма, во-первых, будет направлен на выявление черт, которые должны были вызывать у красноармейцев ненависть. Во-вторых, необходимо определить те черты, которые «снижали» его, не давая ему стать слишком страшным. Наконец, нужно выяснить, каким образом изменение общих идеологических установок влияло на трансформацию пропагандистского облика Маннергейма и обуславливало изменение его значимости.

Критика Маннергейма в советской пропаганде имела особое значение с самого начала Великой Отечественной войны, так как на протяжении 1941 и I пол. 1942 года на Карельском фронте создавался двойственный образ врага: при его конструировании реакционное финляндское правительство противопоставлялось простым трудящимся-финнам, обманом втянутым им в войну против СССР. Финский главнокомандующий был идеальным объектом для персонификации всех негативных качеств, которые приписывались вражеской правящей верхушке. Этому способствовала как его биография, так и тот факт, что, в отличие от гражданских политиков,

которые часто сменяли друг друга в правительстве, Маннергейм, даже не занимая официальных постов, имел в Финляндии большое влияние, а в период войны получил власть, равную президентской.

Образ Маннергейма формировался прежде всего как образ классового врага, который отождествлялся с противниками революции времен Гражданской войны. Пропагандисты припомнили Маннергейму его баронский титул и напрямую связали его с Врангелем и Унгерном¹. Отождествление «старых» и «новых» врагов было характерно для советской пропаганды начального периода войны, но именно в образе Маннергейма оно сохранялось дольше всего и оказалось наиболее ярко выраженным. Именно с классовых позиций было написано барону Маннергейму письмо защитников полуострова Ханко, помещенное в газетах Карельского фронта. В письме четко разделялись отношение к нему как представителю правящего класса и отношение к обычным финнам. Авторы письма уничтожительно характеризовали службу Маннергейма в царской армии и его роль в последующем сближении Финляндии с Германией. В письме делался вывод о том, что финский главнокомандующий действовал совсем не в интересах большинства народа. «Всю жизнь свою, проторговав своим телом и совестью, ты... торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив их под воюющий сапог Гитлера. Прекрасную страну озер ты залил озерами крови»².

Не забывали пропагандисты и о роли Маннергейма в подавлении финской революции. Отмечалось, что главнокомандующий финскими войсками использовал для этого немецкие части,

без которых наверняка не справился бы с красными финнами. Вновь на первый план выдвигался классовый аспект пропаганды, превалировавший в это время над национальным подходом:

А в восемнадцатом году продавшись еще раз
И снова изменив народу,
В крови мерзавец потопил
Народа финского свободу [1].

Советские пропагандисты старались показать, что он всегда оказывался на стороне правящей верхушки независимо от ее национальности. На основе этих установок выстраивались и другие черты образа Маннергейма. Он изображался не просто как слуга правящего класса, но и как предатель национальных интересов Финляндии. Тем самым советские военные пропагандисты подвергали сомнению утверждение официальной финской пропаганды о том, что Маннергейм являлся настоящим патриотом. Советская сторона всячески старалась показать, что это не так. Маннергейму ставилось в вину втягивание страны в войну за интересы Германии, которая привела к большим людским потерям³.

Война же являлась причиной развала экономики Финляндии и надвигающегося голода, о чем часто напоминала советская фронтовая пресса при приближении очередной военной зимы⁴. Особо пропагандисты указывали на то, что война привела не только к истощению финской экономики, но и к засилью немцев, которые пренебрежительно относились к финским союзникам и объедали и без того голодную страну⁵.

По делам барона пропагандисты судили и о его личных качествах. Он представал в их изображении, с одной стороны, безжалостным и жестоким человеком («палач», «мясник»), с другой – трусом и подхалимом, некомпетентным руководителем, который боится отвечать перед народом и поэтому опирается на иностранцев. Созданию такого неприглядного образа помогали не только тексты, но и изображения.

Маннергейм, конечно, был не так популярен у советских карикатуристов, как Гитлер, но его изображения в газетах Карельского фронта встречались не так уж редко. Советские художники, как и все карикатуристы, представляли вражеского лидера утрированно, с разной степенью подробности. Общими в их работах являлись преувеличенно длинный нос Маннергейма, военный мундир и сапоги, а сам он изображался болезненно худым. Зато такая важная деталь, как усы, присутствовала не всегда и иногда заменялась щетиной. На голове Маннергейма чаще всего было финское военное кепи. В целом карикатуристы старались создать образ недалекого солдафона, который очень любил марши и порядок, но в собственно военных вопросах разбирался плохо. В отношении финнов Маннергейм всегда изображался грубым и выступающим в положении хозяина. Например, на одной из карикатур он был изображен

оседлавшим истощенную Финляндию, которую художник представил в виде худого изможденного мужчины в рваной одежде. Финн, помимо Маннергейма на шее, нес на руках тяжелую гирию с надписью «Военные налоги» и тянул за собой немецкий танк, символизируя тем самым, что немцы использовали финнов в качестве пушечного мяса. При этом он находился рядом с пропастью, и тень его уже представляла собой скелет, предвещая скорый крах и гибель финского народа в этой войне. Однако Маннергейм, не обращая внимания на опасность, продолжал подхлестывать своего «скакуна» плетью⁶.

В отношениях с немецким руководством образ Маннергейма резко менялся, превращаясь в изображении советских карикатуристов в бессловесного исполнителя их воли, даже не в слугу, а в вещь. На карикатуре «Покровительство германского фюрера» Маннергейм был представлен в виде ручки мясорубки, которую крутит Гитлер. В мясорубке оказалась Финляндия, аллегорически изображенная в виде изможденной женщины с седыми волосами⁷. Схожие мотивы присутствовали и в других изображениях. В одном из номеров газеты «Красноармейский удар» Маннергейм был изображен в виде старика, не способного самостоятельно двигаться, а сопровождавший карикатуру текст пояснял причину такого положения следующим образом: «Немцы выжали весь сок, сыпется из развалины песок»⁸.

Образ Маннергейма на протяжении 1942 года постепенно лишился ярко выраженных классовых атрибутов. Сосредоточение на текущем моменте и личных качествах способствовало тому, что и его образ стал не таким интересным, как в первый период войны, и приблизился к образам лидеров других союзников Германии. Этому способствовало и то, что во второй половине 1942 и в 1943 году происходили значительные идеологические сдвиги в военной пропаганде на Карельском фронте: образ финна постепенно становился цельным. Простые финны перестали противопоставляться правительству, превратившись в изображении пропагандистов в единую реакционную массу. В результате все негативные «сниженные» характеристики стали переноситься с образа Маннергейма на рядовых финнов. Образ финна стал более цельным, а образ Маннергейма, в котором уже не было большой необходимости, оказался в значительной степени смазан, ведь по своим характеристикам он перестал отличаться от своих подчиненных.

Сложившееся положение привело к тому, что в конце войны с Финляндией образ Маннергейма почти не выделялся пропагандистами. Угрозы мести за военные преступления на территории КФССР со стороны пропагандистов и рядовых красноармейцев раздавались в адрес всех финнов. Изменение ситуации могло произойти в случае, если бы советские войска вынуждены были

воевать на территории Финляндии. Тогда пришлось бы снова проводить противопоставление рядовых финнов и правительства во главе с Маннергеймом. Подобное изменение в военной пропаганде произошло перед вступлением советских войск на территорию Германии [1], [2]. Однако Финляндия вышла из войны, и ее временным президентом стал Маннергейм. Такое событие привело к тому, что его образ был полностью затушеван и снят с повестки дня. Все сообщения о заключении мира или послевоенных изменениях в Финляндии подавались во фронтовых газетах максимально нейтральным тоном⁹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что первоначальный ярко негативный образ Маннергейма был вызван преобладанием в советской военной пропаганде классовых установок и не-

обходимостью противопоставить финских трудящихся и правящую верхушку Финляндии. В основе образа были именно классовые установки, которые объясняли причины, почему Маннергейм действовал именно так, а не иначе. По мере того как классовые установки в пропаганде при создании образа врага отходили на второй план, облик Маннергейма утратил свою яркость. Пропагандисты переставали противопоставлять рядовых финнов и правительство, поэтому он постепенно терял свою актуальность и смазывался. Те негативные качества, которые ранее приписывали финскому правящему классу, теперь были распространены на большую часть населения, соответственно, и в глазах красноармейцев лидер вражеского государства перестал принципиально отличаться от рядового врага.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сообщение о перемирии с Финляндией // Красноармейский удар. 1944. № 222. С. 1.
- ² И о л ь с к и й Р. Ответ защитников Ханко барону Маннергейму // За счастье Родины. 1941. № 119. С. 2.
- ³ К л е й н е р м а н Ю. Финляндия глазами немца // Красноармейский удар. 1943. № 249. С. 2.
- ⁴ Голодная зима в Финляндии // На штурм. 1941. № 91. С. 2; Семейная слабость // Героический поход. 1941. № 132. С. 2; И л ь и н с к и й Я. Финляндия страна отчаяния // На штурм. 1942. № 35. С. 2.
- ⁵ Д е р к а ч е в Ф. Шила в мешке не утаишь // Героический поход. 1942. № 15. С. 2; Н а р ы ш к и н Л., Л е в и н М. А вот она «Новая Европа» вотчина Гитлера и его холопов // Красноармейский удар. 1943. № 1. С. 4.
- ⁶ Сквозняк // За Родину. 1942. № 274. С. 4.
- ⁷ Положение в Финляндии // Во славу Родины. 1944. № 131. С. 2.
- ⁸ П о л у ш и н И., А н т о н о в А. О чем рассказывают пленные // На штурм. 1941. № 88. С. 2.
- ⁹ Встреча товарища А. А. Жданова с президентом Финляндии Маннергеймом // Во славу Родины. 1944. № 135. С. 1; Решительное мероприятие // На штурм. 1942. № 123. С. 2; С у л и м о в Е. Палач и лакей // На штурм. 1942. № 86. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В а ш и к К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. С. 191–230.
2. С е н ь а в с к а я Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.

Markov M. B., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MANNERHEIM IMAGE IN SOVIET WAR PROPAGANDA ON KARELIAN FRONT

Evolution of the image of Finnish army commander-in-chief Baron Carl Mannerheim is described in the article. Reasons for the active use of the image by the Soviet propagandists during 1941–1942 and subsequent gradual erosion of the image over the 1943–1944 are clarified. As all images of the enemy leaders it consisted of two main parts. The first one was to inspire hatred in the Red Army soldiers, and the second one – to “lower” its significance in such a way that the soldiers would not lose the will to resist. Both components of the image were built primarily on class principles, which created the foundation for all other features of the image. When the need to oppose ordinary Finns with their government ceased to be valuable, the image of the Finnish army commander-in-chief began to lose its sharpness. Negative characteristics originally used to describe only Mannerheim became applicable to the rest of the Finns. As a result, he no longer was identified as a separate person. His image merged with general image of the enemy. Later, as Finland withdrew from the war under the leadership of Mannerheim, his image was largely forgotten by Soviet propagandists and removed from their agenda.

Key words: WWII, war propaganda, image of enemy

REFERENCES

1. V a s h i k K. Metamorphoses of Evil: German and Russian Enemy Images in the Poster Propaganda during 1930s – 1950s [Metamorfozy zla: nemetsko-russkie obrazy vruga v plakatnoy propagande 30–50-kh godov]. *Obraz vruga* [Image of Enemy]. Moscow: OGI Publ., 2005. P. 191–230.
2. S e n y a v s k a y a E. S. *Protivniki Rosii v voynakh XX veka: evolyutsiya “obraza vruga” v soznanii armii i obshchestva* [Foes of Russia in the Wars of the Twentieth Century: Evolution of “Enemy Image” in Military and Public Mind]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 288 p.

Поступила в редакцию 20.11.2013

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА БАБАКОВА

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и современных образовательных технологий Института педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

babakova@psu.karelia.ru

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СУХОРУКОВ

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и современных образовательных технологий Института педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

suhorand@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ (результаты анкетирования)*

Рассматриваются вопросы организации самостоятельной работы студентов в высшей школе, представлены результаты изучения проблем, возникающих при реализации компетентностного подхода. Основное место занимают характеристика и оценка результатов пилотажного исследования, проведенного в ПетрГУ. Результаты касаются соотношения ожиданий студентов от обучения и реального положения дел, понимания ими значимости самостоятельной работы для полноценного образования, оценки разнообразия видов этой работы. Как ведущий метод исследования используется анкетирование студентов, а также беседы с ними и преподавателями университета. Полученные данные показывают понимание студентами значимости самостоятельной работы, наличие в вузовском образовании традиционных и инновационных видов такой работы и способов контроля ее результатов при доминировании традиционных, недостаточную системность и научную обоснованность организации. Указаны перспективы решения проблемы организации самостоятельной работы.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, компетентностный подход, ожидания студентов от учебы в вузе, традиционные и инновационные виды самостоятельной работы, анкетирование

Сегодня становится аксиомой утверждение о том, что образованность человека определяется его желанием и способностью самого себя образовывать. Поэтому основной задачей является подготовка обучающихся к самообразованию. В связи с этим в высшей школе особое значение имеет качество организации самостоятельной работы студентов. В Письме Минобразования РФ от 27 ноября 2002 года «Об активизации самостоятельной работы студентов высших учебных заведений» целью и основными задачами профессионального образования являются подготовка квалифицированного работника, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Особую значимость приобретает организация самостоятельной работы студентов при переходе высшей школы на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) третьего поколения, ориентированные на реализацию компетентностного подхода в образовании, на становление обще-

культурной и профессиональной компетентности выпускника, что проявляется в готовности и способности личности делать выбор и самостоятельно решать профессиональные задачи.

За последние годы защищен не один десяток кандидатских диссертаций по данной проблеме, посвященных в основном организации самостоятельной работы по отдельным дисциплинам, дистанционному управлению самостоятельной работой, формированию компетенций посредством самостоятельной работы, выявлению значения самостоятельной работы как фактора развития личностных качеств (самоорганизации, самообразовательной компетентности) и т. д. В учебниках и учебных пособиях по педагогике рассматриваются сущность самостоятельной работы, ее виды, общая технология организации. В изданиях нового поколения прослеживается компетентностный подход [3], [4], [5].

Для анализа самостоятельной работы студентов используются понятия: *самостоятельность, самостоятельная работа, самостоятельная деятельность, самостоятельная познавательная деятельность, самостоятельные занятия, самообразование, учебная задача, самообразование, самостоятельная компетенция, самоорганизация, самореализация* и др. Мнения авторов относительно

данных понятий расходятся [1], поэтому будем ориентироваться на общую трактовку, содержащую, тем не менее, существенные признаки.

Самостоятельная работа студентов – это их планируемая работа, выполняемая по заданию и при методическом руководстве преподавателя. Ее признаки: 1) выделение специального времени (аудиторного или внеаудиторного) для проведения самостоятельной работы; 2) наличие задания преподавателя, требующего умственных и физических усилий студентов; 3) самостоятельное выполнение задания обучающимися; 4) наличие результатов работы.

Типы и виды самостоятельной работы студентов выделяются и классифицируются по-разному: 1) по времени и месту проведения – аудиторная и внеаудиторная; 2) по обязательности выполнения – базовая и дополнительная; 3) по возможности выбора – обязательная, по желанию, по инициативе студента; 4) по уровню познавательной самостоятельности, соотношению воспроизводящей и творческой составляющей – ориентированная на репродуктивные (тренировочные), реконструктивные, творческие (поисковые); 5) по содержанию – внутрипредметная и межпредметная; 6) по количеству участников – групповая и индивидуальная; 7) по степени освоенности и внедренности в практику – традиционная и инновационная [1; 12–14].

Внедрение достижений педагогики в практику организации самостоятельной работы студентов невозможно без исследования. Для решения данной задачи кафедрой педагогики и современных образовательных технологий в рамках реализации ПСР ПетрГУ в мае 2013 года было проведено анкетирование студентов 3-го курса и частично магистратуры. Всего было опрошено 290 человек на всех факультетах (кроме исторического).

Анкета состояла из 12 вопросов, большинство из них касались различных аспектов организации самостоятельной работы студентов во время учебы (не учитывая периоды учебной и производственной практики, сессии). Ниже приведены содержательные результаты опроса.

В основании отношения к обучению лежит система ожиданий от него результатов. Для того чтобы выявить ожидания студентов и увидеть их способы оценивания образовательного процесса, в анкете последовательно были предложены вопросы: «*К чему в первую очередь должна готовить учеба в университете?*» и «*К чему готовит учеба в университете?*». В качестве возможных ответов был использован список из 17 общекультурных компетенций (ОК), данных в ФГОС. Результаты ответов на данные вопросы обобщены в таблице (ОК приведены в порядке убывания значимости для студентов; можно было выбрать несколько ответов, поэтому сумма распределения превышает 100 %).

Анализ таблицы позволяет сделать выводы: 1) порядки следования по уровню значимости общекультурных компетенций достаточно близки, что говорит о высокой степени совпадения ожидаемых студентами приоритетов от учебы и тех приоритетов, которые они видят в процессе реальной учебы; 2) навыки самостоятельной работы, саморазвитие и повышение мастерства занимают первое место как среди ожиданий, так и при оценке реальных приоритетов организации учебного процесса в вузе; 3) в наименьшей степени реальность соответствует ожиданиям в таких пунктах, как принятие управленческих решений и сформированность и укрепление навыков профессиональной деятельности; 4) в то же время обучению работе с информацией в компьютерных сетях и владению основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации уделяется больше внимания, чем ожидалось студентами.

По данным таблицы можно предположить направления совершенствования организации самостоятельной работы студентов в университете в направлении увеличения разнообразия заданий, повышения доли заданий, направленных на развитие логического мышления, творческой деятельности, устной и письменной речи, а также заданий, выполняемых в контексте профессиональной деятельности (использование ситуационного анализа, кейс-метода и т. п.).

Согласно ФГОС, доля самостоятельной работы должна составлять по времени примерно половину общих трудозатрат студентов на освоение образовательной программы. Ответы на вопрос: «*Из чего больше состоит ваша учеба – из традиционных лекций или из различных форм вашей самостоятельной работы?*» распределились так: практически полностью из лекций (4,5 %); гораздо больше из лекций, чем самостоятельной работы (13,8 %); лекций несколько больше, чем самостоятельной работы (25,2 %); примерно поровну (27,9 %); самостоятельной работы несколько больше, чем лекций (15,2 %); гораздо больше самостоятельной работы, чем лекций (10,7 %); практически полностью из самостоятельной работы (1,0 %); затрудняюсь ответить (1,7 %). Если отбросить крайние ответы, то приведенные данные говорят о том, что самостоятельная работа, по мнению студентов, занимает заметное место в их образовании.

Ответы на вопрос: «*Сколько должно быть самостоятельной работы для успешного окончания учебы в университете?*» распределились следующим образом: существенно больше, чем сейчас (10,3 %); несколько больше, чем сейчас (22,1 %); столько же, сколько сейчас (34,1 %); несколько меньше, чем сейчас (22,4 %); существенно меньше, чем сейчас (3,8 %); затрудняюсь ответить (7,2 %). Как видим, в целом студентов устраивает количество предлагаемой им само-

Соотношение ожиданий и реальных результатов обучения (в %)

Общекультурные компетенции	Учеба в университете		Разница идеала и реальности
	к чему должна готовить	к чему готовит	
1. Владеть навыками самостоятельной работы, стремиться к саморазвитию и повышению мастерства	57,2	57,2	-15,1
2. Сформировать и укрепить навыки деятельности в выбранной профессии	54,1	35,2	-18,9
3. Повышать культуру мышления, способность к восприятию, анализу, обобщению информации	47,6	34,1	-13,5
4. Уметь логически верно и ясно строить устную и письменную речь	33,1	20,0	-13
5. Принимать управленческие решения и брать за них ответственность	29,7	9,7	-20
6. Готовить к взаимодействию с коллегами, к работе в коллективе	24,1	20,0	-4,1
7. Владеть одним из иностранных языков	24,1	20,3	-3,8
8. Понимать социальную значимость своей будущей профессии	22,8	26,2	+3,4
9. Владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации	19,0	27,6	+8,6
10. Уметь использовать нормативные правовые документы в своей деятельности	17,6	16,9	-0,7
11. Использовать основные положения и методы наук при решении социальных и профессиональных задач	17,6	23,1	+5,5
12. Способность анализировать социально значимые проблемы и процессы	11,7	10,0	-1,7
13. Понимать значение информации в развитии современного общества	11,0	10,0	-1,0
14. Работать с информацией в компьютерных сетях	5,5	19,3	+13,8
15. Ориентироваться в базовых положениях экономической теории и особенно-стях рыночной экономики	8,6	9,7	+1,1
16. Использовать методы физического воспитания и укрепления здоровья для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности	5,2	7,6	+2,4
17. Затрудняюсь ответить	1,7	6,6	

стоятельной работы (32,4 % – нужно больше; 34,1 % – оставить так же; 26,2 % – уменьшить).

При ответе на вопрос: «Какими формами самостоятельной работы при изучении учебных дисциплин вы чаще всего пользуетесь?» были получены следующие ответы (можно было выбрать несколько ответов, поэтому сумма распределения превышает 100 %): конспектирование (66,6 %); подготовка реферата или доклада, в том числе в форме электронной презентации (60,0 %); решение типовых практических задач (37,9 %); подготовка проекта (26,6 %); другое (1,0 %); затрудняюсь ответить (3,4 %). Здесь преобладают традиционные формы работы с теоретическим материалом; практико ориентированные задания (решение типовых практических задач и подготовка проекта) занимают около трети объема самостоятельной работы.

При изучении основных форм самостоятельной работы студентов во время аудиторных занятий (лекций, семинаров, практикумов) выявлено следующее их распределение: выполнение лабораторных работ (56,9 %); опрос по заданному материалу (52,1 %); представление и обсуждение докладов (49,3 %); решение типовых практических задач-упражнений (42,8 %); подготовка конспектов (34,8 %); выполнение мини-тестов (31,4 %); заполнение таблиц (23,1 %); подготовка проектов (22,1 %); изучение материала по учебнику (21,4 %); проблемная дискуссия (21,0 %); «мозговой штурм» (11,0 %); деловые игры, тренинги (4,1 %); самостоятельную работу не организуют (1,0 %); затрудняюсь ответить

(1,4 %). Последние места занимают групповые формы самостоятельной работы (проблемная дискуссия и т. п.).

Исследованию были подвергнуты и формы контроля самостоятельной работы студентов со стороны преподавателей: проверка письменных работ – рефератов, контрольных и т. д., в том числе через электронную почту (61,7 %); балльно-рейтинговая оценка (54,5 %); интернет-тестирование (29,7 %); создание портфолио (16,9 %); групповая оценка или общественная экспертиза (6,6 %); затрудняюсь ответить (5,2 %). Здесь преобладают традиционные формы контроля – проверка письменных работ и тестирование. Позитивно может быть оценено использование преподавателями балльно-рейтинговой оценки. Такие же современные способы контроля, как портфолио и общественная экспертиза, пока редко используются. Полученные данные отражают лишь ознакомленность студентов с такими способами контроля результатов обучения, но не дают представления о соотношении дисциплин с традиционными и инновационными формами контроля (например, балльно-рейтинговая оценка результатов может быть использована лишь в одной из дисциплин за все три года обучения).

Проведенное исследование позволяет сделать выводы: 1) овладение навыками самостоятельной работы является самым значимым ожидаемым для студентов результатом университетского образования; 2) большинство студентов отмечают заметную, большую долю самостоя-

тельной работы в их обучении; примерно треть студентов считают, что долю самостоятельной работы нужно увеличить; 3) во внеаудиторной и аудиторной самостоятельной работе доминируют такие традиционные формы, как конспектирование, подготовка докладов (презентаций), устный опрос, выполнение типовых заданий (упражнений); 4) хотя студенты в большей мере знакомы с традиционными способами контроля результатов обучения (устные и письменные ответы, тестирование), ими отмечены и современные способы оценивания (балльно-рейтинговый контроль, создание портфолио).

Изучение опыта работы преподавателей разных факультетов через методические конкурсы, обсуждение вопросов на курсах повышения

квалификации дает дополнительные данные о накоплении соответствующего требованиям времени методического опыта преподавателей. Однако можно констатировать отсутствие системности в организации самостоятельной работы студентов. Для ее обеспечения требуются обоснованное проектирование этой части работы с выделением содержательного ядра подготовки студентов и способов ее реализации через систему заданий, с учетом трудозатрат преподавателей и студентов через хронометраж времени на выполнение всех видов заданий, с дальнейшим внедрением инновационных, ориентированных на компетентностный подход, видов самостоятельной работы, а значит, серьезная научно- и учебно-методическая работа.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабакова Т. А. Самостоятельная работа студентов университета по педагогике: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 180 с.
2. Бабакова Т. А., Горятнина В. В., Кремнева В. Н. Педагогические технологии в высшей школе: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 176 с.
3. Бородавская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011. 624 с.
4. Организация самостоятельной работы студентов по педагогике: развитие профессиональных компетенций: Учеб.-метод. комплекс: В 3 ч. Ч. III / Под ред. А. П. Тряпицыной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 167 с.
5. Педагогика. Стандарт третьего поколения: Учебник для вузов / Под ред. А. П. Тряпицыной. СПб.: Питер, 2013. 304 с.

Babakova T. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Sukhorukov A. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CHARACTERISTIC FEATURES OF ORGANIZING UNIVERSITY STUDENTS' INDEPENDENT STUDY (SURVEY RESULTS)

The article is concerned with the problem of independent study organization among students taught at higher educational establishments. Characteristics and assessment results of the research carried out at Petrozavodsk State University constitute the focus of the paper. Results of the research and analysis of the problems arising in the course of competency-based approach employment are provided. The obtained results reflect correlations between students' expectations from the university course of study and real learning outcome; understanding of the importance of independent study skills' development for personal competency enhancement; and assessment of different types of self-directed learning. Results of the research are based on the analysis of questionnaires filled out by students and on the analysis of in-group and personal conversations with students and professorial staff. The obtained results revealed the following: university students understand the value and importance of independent study skills development for enhancement of their personal competitiveness; the presence and employment of different forms of independent study inclusive of innovative and traditional types; importance of the means to control and assess results of students' self-directed learning. It was also confirmed that employment of students' independent study is not systematical and lacks theoretical justification. The authors' understanding of the problem in focus and its possible solutions are provided.

Key words: students' independent study, competency-based approach, students expectation from university training, traditional and innovative types of self-directed learning, questioning

REFERENCES

1. Babakova T. A. *Samostoyatel'naya rabota studentov universiteta po pedagogike* [Self-directed learning of university students in Pedagogics]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2013. 180 p.
2. Babakova T. A., Goryatnina V. V., Kremneva V. N. *Pedagogicheskie tekhnologii v vysshey shkole* [Pedagogical technologies in higher educational establishments]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2010. 176 p.
3. Boroдавskaya N. V., Rozum S. I. *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and Pedagogics]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 624 p.
4. *Organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov po pedagogike: razvitie professional'nykh kompetentsiy* [Organization of independent study among students studying Pedagogics: development of professional competency]. Part III. St. Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena Publ., 2009. 167 p.
5. *Pedagogika. Standart tret'ego pokoleniya* [Pedagogics: textbook for higher educational establishments. Standards of the third generation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2013. 304 p.

Поступила в редакцию 05.09.2013

ОКСАНА ЛЕОНИДОВНА ДОБРЫНИНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков технических факультетов, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
oksdobr@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ НАПИСАНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Представлен анализ методических подходов к обучению письменной научной речи на английском языке на примере зарубежного и отечественного опыта, в том числе обучения научно-педагогических работников написанию научной статьи на английском языке на курсах дополнительного профессионального образования в Петрозаводском государственном университете. В отечественной методике преобладает лингвистический (лексико-грамматический) подход в обучении, а также сознательный (когнитивный) подход, включающий четыре стадии усвоения материала: ознакомление → тренировка → применение → контроль, в зарубежной – индивидуальный подход к студенту как субъекту обучения. Сделан вывод о необходимости использования лингвокультурологического подхода, ставящего целью формирование вторичной языковой личности.

Ключевые слова: методические подходы в иноязычном обучении, лингвокультурологический подход, вторичная языковая личность, научный дискурс

Публикация научной статьи в международном научном журнале является подтверждением высокого научного статуса автора и обеспечивает оперативное информирование мировой общественности о научных достижениях. Сегодня 83 % всех научных работ публикуются на английском языке и, по прогнозам [5], два миллиона людей из семи будут изучать английский язык в текущем десятилетии. Способность говорить, читать, думать на английском языке становится в мировом научном сообществе обычным базовым умением.

Однако удельный вес российских публикаций в общемировом числе публикаций на английском языке, по данным Web of Science (Citation Databases), составлял в 2011 году всего 2,12 % (для сравнения: США – 27,13 %, Китай – 13,62 %) [4]. Причины такого отставания во многом состоят в том, что для англоязычного журнала получение новых данных или подтверждение (опровержение) ранее описанных может оказаться не единственным достоинством, позволяющим принять решение о публикации. Нужны еще полноценные свидетельства с использованием признанных методик и, более того, четко изложенная интерпретация полученных результатов в системе уже известных и опубликованных сведений в данной области. Именно слабостью доказательной базы для новых данных (из-за устарелого оснащения) и научной аргументации (из-за отсутствия отечественных программ по языку науки), а также недостаточным уровнем владения английским языком объясняется тот факт, что работы российских ученых редко публикуют в зарубежных изданиях, а если такое и происходит – то почти всегда в соавторстве с за-

рубежными коллегами: доля числа публикаций в международном соавторстве от общего числа публикаций в иноязычных журналах в 2011 году составила 31 % [4].

Ученые российских университетов находятся в еще более неравном положении, так как в России вузы всегда ориентировались на выполнение в первую очередь учебных функций, в то время как ученые в США (профессора университетов) более трети своего рабочего времени посвящают научной деятельности.

Целью данной работы является анализ методических подходов к обучению письменной научной речи на английском языке на примере зарубежного и отечественного опыта, в том числе обучения научно-педагогических работников (НПР) написанию научной статьи на английском языке на курсах дополнительного профессионального образования в Петрозаводском государственном университете.

Контингент обучаемых (НПР вуза) обладает следующими основными индивидуально-психологическими характеристиками: возрастной диапазон 28–55 лет, то есть, пользуясь терминами возрастной психологии, это период зрелости и поздней зрелости. Они обладают: 1) повышенной способностью к анализу и синтезу; 2) большим профессионально-трудовым опытом; 3) более высокой степенью обучаемости; 4) более высоким, осознанным и устойчивым уровнем мотивации к обучению; 5) отличаются преобладанием зрительной памяти над слуховой, логической над механической памятью.

При этом российские НПР в большинстве своем не обучались основам академической письменной речи ни на русском, ни на англий-

ском языках (по результатам анкетирования – из 98 % слушателей курсов только 2 % отметили, что они учились у своих научных руководителей). НПП владеют английским языком на уровнях А2-B1 (по международной классификации уровней владения иностранным языком), при этом многие читают специальную литературу и знают терминологию по своей специальности на английском языке.

Как известно, «результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [1]. Указанная способность определяется как межкультурная компетенция, при формировании которой происходит противопоставление (сравнение) своей собственной культуры, индивидуальной картины мира, существующей в сознании каждого человека, с культурой другого (чужого, иностранного) мира, чужого образа сознания. В диалоге культур происходит не только познание чужой культуры, но и осознание своей собственной. При этом если переводчик, владеющий двумя языками (билингв), при переводе текста с одного языка на другой осознает и транслирует интенциональные смыслы, но не создает их, то научный работник при написании статьи на английском языке и создает смыслы, и транслирует их в соответствии с законами другой картины мира.

Для неопытного человека, впервые приступившего к написанию научной статьи на английском языке, подобная задача представляет огромные трудности. Возможно, поэтому многие НПП предпочитают сначала написать статью на родном языке, а затем перевести ее на английский язык. При этом ими выполняется двойная работа по созданию и шлифовке текста научной статьи на родном языке и переводу его на английский язык, часто с сохранением грамматических и лексических особенностей русского языка, что, естественно, снижает качество текста. Русское предложение, как правило, содержит массу вводных и других слов, которые без ущерба для понимания можно опустить при переводе, поскольку английское предложение строится значительно более экономно. А. Л. Пумпянский, известный советский переводчик технической литературы и автор книг по техническому переводу, указывал, что хороший перевод статьи на английский должен быть короче русского оригинала примерно на 10 %.

Проведенный анализ уровня индивидуально-психологического развития НПП и основных трудностей, с которыми они сталкиваются при написании научной статьи на английском языке, позволяет сформулировать задачи, которые необходимо решить в процессе обучения:

- на лингвистическом уровне: отбор соответствующего лексического, грамматического и текстологического материала;

- на дидактическом уровне: выбор методических приемов и способов обучения;

- на организационном уровне: определение оптимального соотношения объемов аудиторной и самостоятельной работы обучающихся, а также индивидуальной работы с преподавателем.

Для решения указанных задач следует опираться на определенные методические подходы к обучению иностранным языкам. Подход к обучению является базисной категорией в методике преподавания иностранных языков, дающей представление о взглядах как на сам язык, так и на способы овладения им. Он является компонентом системы обучения языку, выступает в качестве самой общей лингводидактической основы овладения языком и дает представление об избранной стратегии обучения, которая служит основанием для выбора методов и приемов обучения. «Подход к обучению – это реализация ведущей, доминирующей идеи обучения на практике в виде определенной стратегии и с помощью того или иного метода обучения» [3].

В отечественной методике принято рассматривать три компонента, определяющих подход к обучению: лингвистические, дидактические и психолингвистические основы обучения. В связи с этим говорят о подходе к обучению в узком и широком смысле. Подход в широком смысле означает наличие всех вышеперечисленных компонентов. Подход в обучении в узком смысле предполагает опору на один из его компонентов и позволяет выделить лингвистический, дидактический, методический и психологический подходы.

Зарубежные психологи выделяют два подхода: бихевиоризм и когнитивный подход. Последний опирается на принцип сознательности в преподавании и на теорию социоконструктивизма, согласно которой учащийся является активным участником процесса учения, а не объектом обучающей деятельности преподавателя [3]. Также в зарубежной методике широко применяется подход, «центрированный на ученике» (student-centered approach), суть которого заключается в максимальной передаче на занятиях инициативы самому учащемуся. Задача учителя при этом состоит в раскрытии личностного потенциала ученика, помощи ему в выборе стратегий овладения языком, в наибольшей степени отвечающих индивидуальным особенностям обучающегося.

Перейдем к анализу научных исследований и практического опыта отечественных и зарубежных преподавателей. Как правило, обучение НПП иноязычному письму предполагает овладение графикой, орфографией, словообразованием, пунктуацией, набором речевых интенций

для выражения идей в связной форме, а также использование текстов на английском языке в качестве образца для продуцирования слушателями собственных текстов.

Например, Т. Н. Рыбина в своем исследовании [6] отмечает необходимость овладения слушателями лексическим и грамматическим языковым материалом, отражающим общие закономерности и специфику построения жанров научной речи: общеупотребительной, общенаучной лексикой, терминологией, номенклатурными знаками, профессионализмами, аббревиатурами, вспомогательными словами (предлогами, союзами, частицами); различными способами словообразования в научном стиле речи; употреблением артиклей с научными понятиями; основными видовременными формами, используемыми в научном стиле речи; модальными и фразовыми глаголами, глаголами с устойчивыми предлогами; безличными, сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями; пунктуацией и т. д. Методической основой организации учебного материала является учебная макроединица – жанровый блок, который включает в себя следующие компоненты: а) введение материала; б) работа с текстом – жанровым образцом; в) создание жанрового сообщения; г) самостоятельная работа по продуцированию текста изучаемого жанра на материале специальности. Подобная организация материала обеспечивает поэтапное нарастание трудностей, а также последовательное и преемственное формирование иноязычных умений научной речи и учебных умений овладения иностранным языком.

Г. Р. Хамитова [9] предлагает использовать модельные тексты и систему упражнений на тренировку: а) навыков стилистически корректного выбора необходимой лексической единицы; б) умений адекватно и максимально полно передавать свою мысль доступными обучающему средствами изучаемого языка; в) навыков и умений корректно и логично строить свое высказывание; г) навыков корректного выбора необходимых лексических единиц из синонимических рядов. Комплекс упражнений включает две группы упражнений: упражнения, направленные на формирование умений в устной и письменной научной речи, и упражнения, направленные на формирование индивидуальной технологии учения слушателей (овладение общеучебными и специальными умениями: умениями выделять (в рецепции) и создавать (в продукции) опоры жанровых сообщений, умениями компенсации языковых средств в устной и письменной научной речи, умениями самостоятельно практиковаться в научной речи, умениями осуществлять самоконтроль и коррекцию). Автор предлагает давать слушателям набор ориентиров и опор в форме языковых памяток, стилистических комментари-

ев, справочных информационных блоков, алгоритмов формирования технологии учения.

Из немногочисленных отечественных учебных изданий, посвященных данной проблеме, можно отметить пособие «Как написать и опубликовать статью в международном научном журнале» [2], которое отражает опыт как преподавателей США и Великобритании, так и самих составителей пособия. Книга носит справочный характер и дает представление о том, как «правильно и логично в соответствии с нормами международного научного сообщества писать научные статьи вообще». В пособии раскрывается структура научной статьи, кратко описываются стилистические и грамматические особенности написания различных разделов (приводятся примеры отдельных фраз и выражений на английском языке), даются советы по выбору журнала для публикации работы.

Что касается западных методистов, то в целом обучение продуктивной письменной речи рассматривается ими как необходимый инструмент формирования современного специалиста, способного к полноценному профессиональному общению. В подавляющем большинстве методических публикаций речь идет в основном об одном фрагменте продуктивной письменной речи – написании сочинений и эссе. Тем не менее существует несколько учебных изданий зарубежных (англоязычных) авторов, посвященных вопросам написания и опубликования научной статьи на английском языке.

Одним из классических учебников является книга Роберта Дэя «How to Write @ Publish a Scientific paper» [12], выдержавшая несколько переизданий. В книге автор подробно рассматривает структуру научной статьи, дает советы по использованию конкретных английских фраз и оборотов, приводит примеры типичных грамматических и лексических ошибок, допускаемых авторами научных статей.

Маргарет Карджил и Патрик О'Коннор в своем учебнике [11], помимо сведений о структуре научной статьи, приводят довольно обширный материал, касающийся процесса представления рукописи статьи в редакцию журнала, подробно рассматривают процесс ее рецензирования, дают советы о том, как правильно отвечать на вопросы и замечания рецензента, даже приводят образцы писем в редакцию.

Учебник Рамона Рибза и соавторов [14] предназначен, во-первых, для авторов, родной язык которых – испанский и которые испытывают понятные затруднения при написании научной статьи на английском языке. Во-вторых, он предназначен для авторов, пишущих на медицинские и биологические темы, поэтому примеры, приводимые в книге, взяты из оригинальных статей по данной тематике. Кроме раздела о написании научной статьи, в учебник включен обширный

справочный материал по основам грамматики английского языка, о подготовке презентации, переписке, ведении научных дискуссий, составлении резюме и подготовке к собеседованию при приеме на работу и т. д. Несомненным достоинством учебника является раздел, посвященный описанию лаборатории и ее оборудования, ведению лабораторных записей и лабораторного журнала наблюдений. Авторы приводят названия и дают характеристики различных приборов, инструментария, расходных материалов, обращая особое внимание на термины, схожие по виду, но обозначающие разные предметы.

Проведенный краткий анализ отечественных научных исследований и учебников по обучению написанию научной статьи на английском языке позволяет сделать вывод о том, что в данной области преобладает лингвистический (лексико-грамматический) подход в обучении, а также сознательный (когнитивный) подход, включающий четыре стадии усвоения материала: ознакомление → тренировка → применение → контроль.

Зарубежные авторы предпочитают предоставлять обучающемуся свободу выбора траектории обучения, давая ему возможность ознакомления с полезной информацией и делясь советами по ее использованию. Упражнения на применение грамматических правил, лексических оборотов, анализ текстов-моделей в указанных учебниках отсутствуют. При этом нельзя забывать, что в подавляющем большинстве случаев субъектом обучения здесь являются студенты, для которых английский язык – родной.

Несмотря на несомненную полезность существующих материалов для обучения, им присущ один общий недостаток: они слабо ориентированы на процессы становления межкультурной компетенции обучающихся и вторичной языковой личности. Поэтому, по нашему мнению, обоснованным будет использование и лингвокультурологического [8] подхода, в котором культура вводится как объект обучения иностранному языку и рассматривается как основное содержание обучения наряду с языком. Поскольку целью написания научной статьи для ее опубликования в англоязычном журнале является достижение адекватного взаимопонимания двух собеседников или людей, обменивающихся информацией, но принадлежащих к разным национальным культурам, необходимо научить слушателей:

- во-первых, понимать, что они (автор и читатель статьи) принадлежат к разным культурам;
- во-вторых, понимать смыслы, заложенные в грамматические конструкции английского языка;
- в-третьих, осознавать полисемию как русских, так и английских слов и научиться вы-

бирать правильные смыслы (значения) слов как в родном, так и в английском языке;

- в-четвертых, понимать логику построения научной статьи как систему аргументированного доказательства.

Чрезвычайно полезным в свете данного подхода является учебник Хилари Гласман-Дил «Science Research Writing for Non-Native Speakers of English» [13]. Как видно из названия, он предназначен обучающимся, для которых английский язык не является родным. Содержание учебника построено по уже известному принципу рассмотрения структуры научной статьи и каждого ее раздела в отдельности. Однако автор стремится помочь читателям разобраться в сложностях построения как всей статьи, так и ее разделов. Автор приводит краткие, почти модельные, примеры разделов и создает возможность для подробного анализа как их лексико-грамматического оформления, так и логической структуры. Одним из примеров такого анализа может послужить предложение из раздела статьи «Introduction» («Введение»):

However, although the effect of the rubber particles on the mechanical properties of copolymer systems was demonstrated over two years ago, little attention has been paid to the selection of an appropriate rubber component.

Внимание обучающихся привлекается к использованию грамматических временных форм (прошедшее время Past Simple *was demonstrated* меняется на использование формы настоящего совершенного времени (Present Perfect) *has been paid*). Выполняемый на занятии анализ смысла употребления указанных грамматических форм в предложении (в сравнении с заменой формы *has been paid* на форму прошедшего времени *was paid*) позволяет слушателям прийти к пониманию смысла (а не просто правильно заученного) употребления грамматических форм английского языка, поскольку указанная замена кардинальным образом меняет смысл предложения. Подобным же образом слушатели анализируют смысл употребления слова *little* (в сравнении с *a little*).

В учебнике большое внимание уделяется логике построения научного текста. Автор помогает читателю проанализировать структуру раздела статьи и самостоятельно создать его примерную модель. Приводимые в учебнике фразы-клише, подобранные автором из различных опубликованных научных статей, существенно облегчают задачу слушателей в написании собственной статьи и служат для них справочным материалом.

Данный учебник послужил основой для создания нашего курса обучения НПП написанию научной статьи на английском языке. Принимая во внимание отсутствие у слушателей умений аргументированной научной письменной речи,

большое внимание на занятиях как в аудитории, так и при самостоятельной работе уделялось вопросам интертекстуальности, которая, по мнению В. Е. Чернявской [10], в научной речи выступает как универсальный принцип построения научного текста на уровне содержания. Любая система существует во внешней среде и связана с ней множеством коммуникаций. По этой причине ни один текст не может возникнуть сам по себе, он связан с уже имеющимися текстами. Произведение, в котором полностью отсутствуют интертекстуальные связи, нельзя назвать текстом, так как оно не будет понято. У адресата не возникнет никаких ассоциаций с прошлым словесным опытом, не произойдет узнавания понятий, не появится понимания ситуаций – то есть цель общения не будет достигнута [7].

Известная мысль Ю. Н. Караулова о том, что за каждым текстом стоит языковая личность, имеет отношение и к современному научному тексту. Научный дискурс – это поток аргументации. В процессе доказательства и интерпретации собственной гипотезы автор статьи использует все имеющиеся в его распоряжении аргументативные средства для убеждения читателя в своей правоте. Он прибегает к многочисленным ссылкам на труды и мнения авторитетных ученых, так или иначе подтверждающих его концепцию. При этом используются различные маркеры интертекстуальности: ссылки, цитаты, косвенная речь, примечания, сноски. Лексические средства, позволяющие установить взаимосвязь аргументов (противопоставление, сравнение, приведение примеров, подтверждение, согласие / несогласие и т. д.), также служат данной цели. Для русскоязычных слушателей очень важным является понимание роли грамматических средств, например глагольных видо-временных форм английского языка, для правильного построения аргументативного текста. Так, при описании собственных результатов эксперимента и сравнении их с известными из

литературы в научном дискурсе принято, как правило, использовать простое прошедшее время (Past Simple) для первых и простое настоящее время (Present Simple) – для вторых. То есть в данном случае грамматика служит для распознавания «своего» и «чужого» знания.

Одним из приемов обучения правильному построению научного дискурса служит анализ «таргетных» статей, то есть статей, опубликованных в научных англоязычных журналах по сходной тематике. Слушатели самостоятельно отбирают подходящие по тематике статьи и анализируют их с точки зрения как лексико-грамматического наполнения, так и последовательности и системности аргументации, согласия тезиса с фактическим материалом, соблюдения принципа достаточного основания и т. д. В результате анализа лексического материала статей слушатели создают свой собственный тематический тезаурус, позволяющий им впоследствии «вписываться» в тезаурус своего адресанта, поскольку необходимым условием понимания является согласованность тезаурусов – совокупности информации, которой располагают вступившие в научную коммуникацию субъекты.

В заключение необходимо отметить, что обучение НПП написанию научной статьи на английском языке является многокомпонентной задачей, требующей использования как известных методических подходов (лексико-грамматический, когнитивный), так и довольно новых (лингвокультурологический). При этом особое внимание необходимо уделять обучению построения содержания научного дискурса в соответствии с принятыми в мировой научной литературе стандартами, созданию собственного тематического тезауруса автора, а также использованию грамматических структур английского языка как набора инструкций по ментальной обработке научного дискурса, которые автор статьи дает своему адресату.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М., 2007. С. 65.
2. Как написать и опубликовать статью в международном научном журнале / Сост. И. В. Сви́дерская, В. А. Кратасюк. Красноярск: СФУ. 2011. 52 с.
3. Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб.: Из-во БЛИЦ: Cambridge University Press, 2001. 224 с.
4. Коцемир М. Н. Публикационная активность российских ученых в ведущих мировых журналах // Acta Naturae. 2012. Т. 4. № 2. С. 15–35.
5. Международный центр EF (Education First – English First) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.englishfirst.ru/efi/
6. Рыбина Т. Н. Методика обучения научной речи на английском языке слушателей факультета повышения квалификации: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 23 с.
7. Скрипак И. А. Интертекстуальность как категориальный признак современного научного дискурса // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 74. № 1. С. 37–49.
8. Халеева И. Н. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М., 1989.
9. Хамитова Г. Р. Формирование иноязычной компетенции научных работников на факультете повышения квалификации: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2002. 22 с.

10. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
11. Cargill M. & O'Connor P. Writing scientific research Articles: strategies and steps. Blackwell Publishers, UK, 2009. 184 p.
12. Day R. A. How to Write @ Publish a Scientific paper. Cambridge University Press, UK, 1989. 205 p.
13. Glasman-Deal H. Science Research Writing for Non-Native Speakers of English. Imperial College London, UK, 2010. 272 p.
14. Ribes R., Palma I., Rafael F. Duarte. English for Biomedical Scientists. Berlin, Springer, 2009. 306 p.

Dobrynina O. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

METHODOLOGICAL APPROACHES TO SCIENTIFIC WRITING TEACHING

The analysis of Russian and English-speaking teachers and scientists' experience in scientific writing teaching to non-native speakers, as well as the author's experience to teach the members of Petrozavodsk state university faculty showed that the most common methodological approaches are linguistic (based on lexis and grammar study) and cognitive ones, the latter including four stages of material learning: familiarization → drill → use → control. English-speaking methodologists apply learner-centered approach, as well as a cognitive one. The author comes to the conclusion that a lingua-cultural approach focusing on the formation of a secondary linguistic personality should be added to the approaches mentioned above.

Key words: scientific paper writing; methods of teaching, non-native speakers; scientific discourse

REFERENCES

1. Gal'skova N. D., Gez N. I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Foreign Languages teaching. Linguodidactics and Methods]. Moscow, 2007. P. 65.
2. *Kak napisat' i opublikovat' stat'yu v mezhdunarodnom nauchnom zhurnale* [How to Write and Publish an Article in an International Scientific Journal]. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2011. 52 p.
3. Kolesnikova I. L., Dolgina O. A. *Anglo-russkiy terminologicheskiy spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [English-Russian Reference Book on Methods of Foreign Languages Teaching]. St. Petersburg, Blits Publ., Cambridge University Press, 2001. 224 p.
4. Kotsemir M. N. Publikatsionnaya aktivnost' rossiyskikh uchennykh v vedushchikh mirovykh zhurnalakh [Publishing Activity of Russian Scientists in Mainstream Journals]. *Acta Naturae*. 2012. Vol. 4. № 2. P. 15–35.
5. *Mezhdunarodny tsentr EF* [International Center Education First – English First]. Available at: <http://www.englishfirst.ru/epi/>
6. Rybina T. N. *Metodika obucheniya nauchnoy rechi na angliyskom yazyke slushateley fakul'teta povysheniya kvalifikatsii. Avtoref. diss. kand. ped. nauk* [Methods of English Language Teaching at Advanced Training Faculty. Dr. Ped. Sci. author's abstract]. St. Petersburg, 2005. 23 p.
7. Skripak I. A. Intertekstual'nost' kak kategoriyal'nyy priznak sovremennogo nauchnogo diskursa [Intertextuality as the Category Feature of Modern Scientific Discourse]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008. Vol. 74. № 1. P. 37–49.
8. Khaleeva I. N. *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi (podgotovka perevodchika)* [The Basics of Foreign Speech Comprehension Theory (Interpreter-Translator Training)]. Moscow, 1989.
9. Khamitova G. R. *Formirovaniye inoyazychnoy kompetentsii nauchnykh rabotnikov na fakul'tete povysheniya kvalifikatsii. Avtoref. diss. kand. ped. nauk* [Researchers' Foreign Language Competence Formation at Advanced Training Faculty. Dr. Ped. Sci. author's abstract]. Ufa, 2002. 22 p.
10. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text Linguistics: Polycoding, Intertextuality, Interdiscourse]. Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM", 2009. 248 p.
11. Cargill M. & O'Connor P. Writing scientific research Articles: strategies and steps. Blackwell Publishers, UK, 2009. 184 p.
12. Day R. A. How to Write @ Publish a Scientific paper. Cambridge University Press, UK, 1989. 205 p.
13. Glasman-Deal H. Science Research Writing for Non-Native Speakers of English. Imperial College London, UK, 2010. 272 p.
14. Ribes R., Palma I., Rafael F. Duarte. English for Biomedical Scientists. Berlin, Springer, 2009. 306 p.

Поступила в редакцию 28.06.2013

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ЦУМАРОВА

аспирант кафедры политологии и международных отношений факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tsumarova@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД*

Анализируются основные направления политики идентичности с точки зрения конструктивистского подхода. Политика идентичности – это деятельность политических элит по формированию образа «мы-сообщества» в существующих административно-территориальных границах. Основные направления политики идентичности: символизация пространства, ритуализация принадлежности к сообществу, формирование представлений о «мы-сообществе» и установление границ «свой – чужой». Символизация пространства происходит посредством принятия и тиражирования официальных символов, а также культивирования природных и культурных особенностей сообщества. Ритуализация принадлежности к сообществу предполагает установление официальных церемоний и регулярных празднеств, во время которых члены сообщества начинают ощущать свою принадлежность к нему. Формирование образа о «мы-сообществе» включает в себя совокупность представлений о том, кто такие «мы». Важную роль в этом процессе играют средства массовой информации. Наконец, установление границ «свой – чужой» имеет целью закрепление в сознании членов сообщества представлений об его административных и символических границах.

Ключевые слова: политика идентичности, изобретение традиций, политическое сообщество, символизация пространства

Процесс формирования устойчивой идентификации индивидов с определенного рода сообществом или социальной группой в исследовательской литературе получил название «политика идентичности». Однако единой трактовки данного понятия не существует. Так, термин «политика идентичности» употребляется в связи с формированием территориальной идентичности жителей разных регионов (от субъектов федераций до макрообразований, например Европейского Союза) (см., напр.: [7], [11]). Зачастую это же понятие используют при анализе общественных движений для обозначения процесса оформления общих идеологических установок членов движения (см., напр.: [12]). В данной статье предпринимается попытка анализа основных направлений политики идентичности как особой политической деятельности, осуществляемой властными институтами.

Как указывает О. Малинова, политику идентичности проводят не только социальные группы, но и все современные государства с целью интеграции «стоящих за ними сообществ, на поощрение солидарности, формирование определенного представления о “Нас”, опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры» [4]. Подобное использование термина «политика идентичности» стало возможным благодаря распространению конструктивистского подхода в социальных науках, основатели которого, П. Бергер и Т. Лукман, определяют идентичность в качестве ключе-

го элемента субъективной реальности, формирующегося посредством социальных процессов [2; 279].

Таким образом, политика идентичности может быть определена как деятельность политических элит по формированию представлений о «мы-сообществе» в рамках административно-территориальных границ, будь то границы национального государства или региона. При этом основная цель политики идентичности заключается в обеспечении легитимности существующих властных институтов.

Анализ исследовательской литературы позволил выделить четыре основных направления политики идентичности:

1. Символизация пространства

Одним из главных элементов политики идентичности является символизация пространства, в границах которого действуют властные институты: «...вместе с национальными движениями и государствами возникли и совершенно новые символы и эмблемы: государственные гимны, государственные флаги...» [9; 54]. Официальные символы становятся теми инструментами, «посредством которых независимая страна заявляет о своей идентичности и суверенности» [9; 58].

Выбор официальной символики имеет принципиальное значение для политики идентичности, так как позволяет сформировать историческую традицию, показать преемственность и объединить людей вокруг «нации и флага».

Как показывает В. Ачкасов, «мотивированная политическая деятельность, направленная на вычленение старых и создание новых... символов и образов», которые внедряются в «массовое сознание (через СМИ, выступления политиков, ученых), формирует принципиально новые задачи по конструированию политического пространства» [1; 207–208]. Символы должны вызывать устойчивую ассоциацию с сообществом, причем эта ассоциация должна включать в себя большую совокупность представлений о нем.

2. Ритуализация принадлежности к сообществу

Процесс символизации пространства тесным образом связан с ритуализацией принадлежности к сообществу, так как именно посредством официальных церемоний, регулярных празднеств и мероприятий члены сообщества начинают ощущать свою причастность к нему. По мнению Э. Хобсбаума, ситуации, напоминающие людям об их принадлежности к политическому сообществу, «постоянно ассоциируются с символами и полуритуальными действиями» [9; 58–59]. К подобного рода ритуалам относятся установленные властями официальные мероприятия, праздники, в которые вовлекаются все члены сообщества и которые призваны продемонстрировать единство последнего. В качестве примера можно назвать празднование Дня независимости государства, новогоднее обращение главы государства к гражданам и т. д.

Ритуализация принадлежности к сообществу включает в себя деятельность по «добыванию истории» [6; 158]. Аппелляция к истории является, с одной стороны, важным ресурсом для легитимации существующего режима, а с другой стороны, способствует мобилизации коллективной солидарности и формированию (национальной) идентичности [5; 118].

3. Формирование представлений о «мы-сообществе»

Еще одним элементом политики идентичности является формирование образа «мы-сообщества», то есть совокупности представлений о том, кто такие «мы». По мнению Б. Андерсона, любое политическое сообщество является воображенным, так как члены даже самого маленького сообщества никогда и ни при каких обстоятельствах не будут знать большинства таких же членов данного сообщества. Но, несмотря на то что люди не будут знать друг друга, в их умах будет «существовать» образ этой общности как единого целого.

Процесс формирования представлений о сообществе подробно анализировался в рамках концепции ментальной карты, под которой понимается «созданное человеком изображение части окружающего пространства» [10; 4].

Данная концепция предполагает, что существующий образ того или иного пространства во многом является результатом дискурсивной деятельности политических элит, которые «создают специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира» [10; 5], включающие в себя «совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов» [3; 7].

4. Установление границ «свой – чужой»

Важным элементом политики идентичности является также установление границ «свой – чужой». В данном случае речь, прежде всего, идет о закреплении границ сообщества.

Согласно теории границ, установление дихотомии «свой – чужой» возможно в случае, если происходят постоянные контакты между представителями различных общностей. Кроме этого, как показывают М. Ноженко и Н. Яргомская, границы между «своими» и «чужими» устанавливаются не только изнутри, но и извне. В случае конструирования границ извне основными способами являются «те политические решения, в результате которых возникают обозначенные на карте границы». Это в первую очередь демаркация и титуализация («официальное закрепление названия того территориального пространства, которое находится в пределах демаркированных границ») [7; 125]. Одним из главных механизмов формирования границ изнутри является «карта-как-логотип», то есть «символическое цветовое обозначение на карте того территориального пространства, которое в результате демаркации оказывается «закрепленным» за тем или иным сообществом» [7; 127]. Такая карта может быть легко использована практически в любых ситуациях, наглядно демонстрируя пространственные границы «своего сообщества».

Таким образом, в рамках конструктивистского подхода политика идентичности может рассматриваться как особый вид политической деятельности, направленный на формирование представлений о «мы-сообществе» в рамках существующих административно-территориальных границ. Основными направлениями политики идентичности являются символизация и ритуализация принадлежности к пространству, формирование представлений о «мы-сообществе» и установление границ «свой – чужой».

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов В. А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. 232 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. 323 с.
3. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.
4. Малинова О. Ю. Конструирование макropolитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/662/30/>
5. Малинова О. Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // *Pro et Contra*. 2011. Май – август. С. 106–122.
6. Ноженко М. В., Яргомская Н. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // *Политическая наука*. 2005. № 3. С. 119–141.
7. Нойманн И. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. 336 с.
8. Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // *Центр и региональные идентичности в России* / [В. Гельман, Т. Хопф (ред.)]. СПб.; М., 2003. С. 125–186.
9. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1 (8). С. 47–62.
10. Шенк Ф. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // *Политическая наука*. 2001. № 4. С. 4–17.
11. Checkel J. T., Katzenstein P. J. The politicization of European Identities in: *European Identity* / Ed. by Jeffrey T. Checkel and Peter J. Katzenstein. Cambridge University Press, 2010. P. 1–25.
12. Knouse J. From Identity Politics to Ideology Politics // *Utah Law Reviews*. 2009. № 3.

Tsumarova E. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR POLICY OF IDENTITY

The article deals with the issues of methodological analysis in reference to the policy of identity. Political elites, that strive to legitimize their position, are key actors of identity policy. The basic elements of identity policy are the following: symbolization of space, ritualization of community affiliation, formation of the “we-community” image, and determination of the “we – other” borders. Symbolization of space occurs through acceptance and distribution of official symbols as well as through cultivation of natural and cultural peculiarities of the community. Ritualization of community affiliation implies establishment of official ceremonies and regular feasts. During these practices, members of the community develop a feeling of community affiliation. Formation of the “we-community” image includes a composite of perceptions regarding characteristics of the “we” concept. Mass media play an important role in this process. Finally, determination of the “we – other” borders aims at fixation of administrative and symbolic boundaries of the community in the mindset of its members.

Key words: identity policy, invention of traditions, political community, symbolization of space

REFERENCES

1. Achkasov V. *Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problem bezopasnosti* [Identity politics of multiethnic states in the context of the security problem decision]. St. Petersburg, 2012. 232 p.
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow, 1995. 323 p.
3. Zamyatin D. N. *Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti: geograficheskie obrazy v politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Power of Space and Space of Power: geographic images in politics and international relations]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 352 p.
4. Malinova O. Yu. *Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoy Rossii* [Construction of makropolitical identity in post-soviet Russia]. Available at: <http://www.politex.info/content/view/662/30/>
5. Malinova O. Yu. Past in the rhetoric of President in Russia [Tema proshlogo v ritorike prezidentov Rossii]. *Pro et Contra*. 2011. May – August. P. 106–122.
6. Nozhenko M. V., Yargomskaya N. In Search for New Regional Community: Possible Perspective of Federal District Studies [V poiskakh novogo regional'nogo soobshchestva: vozmozhnaya perspektiva rassmotreniya federal'nykh okrugov]. *Politicheskaya nauka*. 2005. № 3. P. 119–141.
7. Noyman I. *Ispol'zovaniye “drugogo”. Obrazy Vostoka v formirovaniye evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other. “The East” in European Identity Formation]. Moscow, 2004. 336 p.
8. Petrov N. Regional identity forming in contemporary Russia [Formirovaniye regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii]. *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii* [Center and Regional Identities in Russia]. St. Petersburg; Moscow, 2003. P. 125–186.
9. Hobsbaum E. Invention of Tradition [Isobretenie traditsiy]. *Vestnik Evrazii*. 2000. № 1 (8). P. 47–62.
10. Shenk F. Mental maps: construction of the geographic space in Europe [Mental'nye karty: konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva v Evrope]. *Politicheskaya nauka*. 2001. № 4. P. 4–17.
11. Checkel Y. T., Katzenstein P. Y. The politicization of European Identities in: *European Identity* / Ed. by Jeffrey T. Checkel and Peter Y. Katzenstein. Cambridge University Press, 2010. P. 1–25.
12. Knouse Y. From Identity Politics to Ideology Politics. *Utah Law Reviews*. 2009. № 3.

Поступила в редакцию 13.05.2013

ЛАРИСА ЯКОВЛЕВНА КОСТЮЧУК

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Псковский государственный университет (Псков, Российская Федерация)
anh57@yandex.ru

ПСКОВСКОЕ СЛОВО В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ (вспоминая традиции И. В. Ягича)

Обращение к наследию известного ученого И. В. Ягича важно для проверки того, насколько направления современной филологии соответствуют заветам филолога-слависта. Знакомство с традицией Ларинской лексикографической школы происходит на примере «Псковского областного словаря с историческими данными». Прием полной выборки материала, методы лингвогеографии, этнолингвистики, описательный, сравнительно-сопоставительный в результате помогают обоснованно отражать участки диалектной картины мира в синхронном и диахронном аспектах. Подробное и продуманное описание слов в современной и исторической частях словарных статей сообщает серьезные сведения о разных уровнях народной речи. В результате лексикографического исследования обнаруживается путь образования отдельных народных слов; выявляется словообразовательное гнездо с корнем *весн-*; выясняется, что слово *весна* имело два профессиональных значения, характерных для псковского региона (ни один исторический словарь этого не фиксирует, кроме «Псковской судной грамоты»). Изучение и представление слова с учетом синхронии и диахронии при соотношении с внеязыковыми фактами – это верный путь к решению актуальных практических и теоретических проблем в области лексико-грамматической (иногда даже фонетической) судьбы народного слова.

Ключевые слова: лексикография, диалектный, синхрония и диахрония, словарь полного типа с историческими данными, местный и общерусский, современная и историческая части словарной статьи

Юбилей, связанный с жизнью и титанической деятельностью И. В. Ягича в области славянской филологии, заставил снова обратиться к трудам ученого, постараться еще раз понять значимость его наследия и вслед за его заключительными словами к «Истории славянской филологии» вспомнить непреходящие советы и оценки достижений в области славистики. Это прежде всего касается: 1) изучения письменных памятников, что неизбежно связано с палеографией (знать временные этапы развития графики – значит иметь возможность оценить и определить на временной оси соответствующие языковые факты); 2) следования сложившимся актуальным исследовательским направлениям (сравнительному и сопоставительному) в изучении языкового и литературного материала, причем с учетом системного подхода к грамматике и лексике. В этих направлениях неизменно важен исторический акцент. Нельзя забывать исследования в области «исторической древнерусской диалектологии» [8; 895], при этом должна быть связь грамматических и фонетических исследований материала, что, естественно, помогает оценивать и познавать лексику языка. В новейшее время, уже в XX веке, успешны были «диалектологические исследования на почве славянских наречий» [8; 896]. И. В. Ягич подчеркивал, что необходимо продолжить создание диалектных словарей, причем рядом ставил и работу по выбору материала из памятников, и работу по «обогащению», например, «Словаря русско-

го языка» областными словами [8; 902]. Однако И. В. Ягич видел еще «хрупкость слав.[янских] этимологических исследований» [8; 903], хотя твердо надеялся на продолжение лучших традиций в исследованиях славянской филологии и верил в непрерывную связь и развитие научных школ и направлений.

Так, в середине XX века Б. А. Ларин предложил проект и вдохновил своих учеников и последователей на создание новаторского в мировой лексикографии особого типа областного словаря на материале уникальных псковских говоров. «Псковский областной словарь с историческими данными» [5] – это словарь полного типа, включающий не только диалектные слова, но и бытующие в народной речи общерусские лексемы (однако с диалектной системой значений), зафиксированные собирателями, а также слова из псковских памятников письменности (т. е. это диалектный и исторический словарь). Так было обеспечено наблюдение за динамикой псковского слова в пространственном и, самое главное, во временном аспектах. Согласно инструкции, созданной Б. А. Лариным [3], а затем уточненной после большого опыта работы над словарем [2], проводится многоаспектное лексикографическое изучение и представление в словарной статье псковского слова. Б. А. Ларин как глубокий исследователь и преподаватель в своих лекциях по истории русского литературного языка показал образцы изучения слов прошлого с учетом буквально всех языковых уровней: ре-

зультат таких наблюдений дает право и на обобщающие теоретические исследования в области лексикологии и фразеологии, периодизации непрерывной истории языка вообще и литературного языка в частности [4].

Обратимся к конкретным примерам, связанным с «Псковским областным словарем с историческими данными». Внимание к многофункциональной нагрузке, например, у слова *быть* позволило лексикографу тщательно разработать словарную статью с современной и исторической частями, отразив сложную лексико-грамматическую структуру слова [5, в. 2; 236–243]. В современных говорах встречается фактически подчеркнутое значение в сложном прошедшем времени, выраженном наиболее известной формой (глагольная связка на -л-, тип *жил-был*: *Тогда **был** **жыл** мая **связк**р*) и обнаруженной гораздо реже формой настоящего времени *е* для 3-го лица ед. ч. в сочетании с формой бывшего причастия на -л- (*Мая **к**ошка в **ыст**ёнке **е** **катя**н^илася*) [5, в. 2; 238]. Форма *е*, по свидетельству М. Фасмера, древняя, редко встречающаяся и в старославянском языке [7, т. II; 5, 28].

Полная по возможности выборка материала из псковских памятников обнаружила удивительное сочетание связки *быть* в форме не только сложных прошедших времен, но и простых аориста и имперфекта (!): в «Псковской первой летописи» 1510 года (л. 59 об.): *псковичи **ударили челом** в землю* (в перфекте отсутствует связка); *исполнися **б**яше очи слез* (сочетание с аористом при нарушении согласования предиката с подлежащим); в той же летописи 1607 года (л. 754–754 об.) [Литва]: ***б**и **м**ногое **м**ножество **имя**ху **з**лата и **с**ребра и **ж**емчугу* (сочетание с имперфектом при нарушении согласования); в «Послании Корнилия» XVII века: ***б**яху **м**нози люди и **с**вященники **прихождаху*** (в сочетании с имперфектом соблюдается согласование предиката с подлежащим) [5, в. 2; 239].

Объяснение такому удивительному явлению (связочная функция у *быть* в сочетании с простыми прошедшими временами в древности) нашлось только у В. В. Колесова. Ученый старается связать этот факт с перестройкой видо-временной системы древнего языка в направлении к современной, когда усиливается перфектное значение и у простых времен, а видовая система еще не сложилась [1; 311].

Знакомство с системами значений у современного псковского слова и у аналогичной лексики из псковских памятников выявляет разные соотношения их на протяжении веков. Например, местное слово *летье* имеет значение летнего времени по отношению к будущему году (*А **э**та на **л**етье **а**ставляють, **в**от **ка**к **б**удит **д**ругой **г**от, **да** **л**ета – **в**от и **л**етье*); в прошлом же значение предполагало сему 'текущий год' по отношению к семе 'урожай'. В «Данной грамоте на землю»

читаем: *Игумену з братиею и присылицомъ его по всемъ быть послушными и всякие хлѣбные доходы съ **л**хтья нынѣшняго [1689] году, июля съ 31 [17] числа, отдавать и издѣля дѣлать в тот Николаевской Песоцкой монастырь* [5, в. 17; 44]. Преобладание в значениях наблюдается, и очевидно приспособление их к соответствующим ситуациям с закреплением значений в употреблении. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» не зафиксировано слово *летье*, но отмечено *слетье* (которое тоже известно русскому языку как возможный результат объединения с предлогом) в двух примерах, один – из «Псковской второй летописи» (*от того **сл**хтья **р**ожь*); однако определяется значение обобщенно: 'урожай одного года' [6, в. 25; 83].

Лексемы современных говоров при развитой словообразовательной системе однокоренных дериватов сохраняют основную сему. В гнезде с корнем *весн-* значения всех слов объединяются семой 'время года между зимой и летом'. Исходная сема может осложняться конкретизирующими: *весну́ха*, *весну́шка*, *весновáватый*, *весну́чатый* и пр. – семой 'бурые пятна на коже'; *весну́на* – семой 'шерсть'. В многозначном слове значения с конкретизирующими семами следуют обычно в словарной статье после наиболее типичного и актуального; ср. *весну́шка*: сначала 'бурые пятна на коже', затем 'подснежная клюква', 'болезненное состояние...', 'туберкулез' и т. д. Оправдание многозначности в том, что имплицитно связь с исходной семой объясняется тем, что проявление соответствующей реалии обусловлено весной [5, в. 3; 115–117].

Подобное развитие семантики обнаруживалось и в прошлом. Так, только «Псковская судная грамота» 1462–1471 годов зафиксировала специальные значения у слова *весна* ('право сезонного лова', 'арендная плата') на фоне общеизвестного значения: *А **к**оторой **к**отечникъ **з**аложи **в**есну* ('право'. – Л. К.), или *исполовникъ у **г**осударя, **и**но **е**му **з**аплатить **в**есна* ('плата'; причем форма винительного падежа совпадает с формой именительного на -а. – Л. К.) *своему **г**осударю* [5, в. 3; 115]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» вообще нет слова *весна*.

У псковских слов *вѣшница*, *вѣшник*, вероятно, с некоторым затемнением внешнего вида исходного корня в связи с историческим чередованием *с* // *ш* (слова мотивированы словом *вѣшний*) на первый план по актуальности и употребительности в народной речи выступает значение 'луг, лужайка около дома, сарая, гумна'. Это значение эксплицитно почти потеряло исходную сему, но на периферии системы значений, после других подобных значений, отошедших от исходной семы ('заливной луг, обычно вблизи деревни', 'земля для посева ярового хлеба' – в слове *вѣшница*; 'юго-восточный ветер' – в слове *вѣшник*), все-таки оказывается значение с проявлением исхо-

дной семьи: 'весенняя пахота, сразу после таяния снега' (в слове *вѣшница*); 'весенний снежок, скоро сходящий' (в слове *вѣшник*) [5, в. 3; 140].

Слово *вѣсница*, синоним слову *вѣшница* во втором значении 'заливной луг, обычно вблизи деревни', в современных говорах отмечено только в Гдовском районе, но оно древнее – было известно на псковской территории еще в XV веке, судя по грамоте 1469–1485 годов, касающейся земельных участков, которые доставались по «жеребьям» ряду хозяев: заливной луг, видимо, делился между всеми «жеребьями» (*А что вѣсница, то вопче вѣшмъ жеребьямъ*) [5, в. 3; 115]. Так удастся проследить непрерывность семантического статуса русских слов.

Системность в организации лексики речи диалектоносителей проявляется и в попытках противопоставить названия, отражающие объективно почти полярно различающиеся реалии (с признаками «плюс» / «минус»), подобно тому как хорошо различаются сферы действительности по восприятию «свое» / «чужое». Местоименные слова объектного, обстоятельственного, безлично-предикативного содержания в псковских говорах употребляются для указания на отсутствие или наличие соответствующего понятия и хорошо передают систему значений с учетом объективной и очевидной антиномии.

Отсутствие кого-нибудь или чего-нибудь (объектное содержание) выражают прежде всего слова *нѣкого* / *ѣкого*, причем с проявлением такой особенности народной речи, как неразличение одушевленного и неодушевленного понятий при общем местоименном корне *к-* (в литературном языке используются два корня *к-* и *ч-*, этимологически восходящие к одному). На фоне первого значения отрицательного слова *нѣкого* ('указывает на отсутствие лица или лиц, необходимых для осуществления действия; нет никого, кто (мог бы сделать что-н.)'), аналогичного и литературному языку, еще ярче выступает второе значение ('указывает на отсутствие объекта, действия; нет ничего, что бы (можно было делать, сделать)'): *Нигдѣ, дацѹш, ня была; умрувѣт скѣфъ, и рѣсказать нѣкъвъ* [5, в. 21; 133]. Для противопоставления этим двум значениям псковские говоры знают одно местоимение в значении 'указывает на наличие кого-, чего-н.', используемое в безличных предложениях в сочетании с инфинитивом: *Мне ѣкъвъ сказать, да луччы прѣмалчу; Берѣч-та мяня ѣкаму* [5, в. 10; 122].

Отрицательное местоименное слово *нѣкого* выступает и как наречие со значением 'нет места, где можно расположиться кому-н.; негде' (*начивать нѣкава*). Но такое использование лексемы нечастотное. В псковских памятниках обнаружено только общерусское значение у отрицательной местоименной лексемы *нѣкого* [5, в. 21; 133].

Для передачи обстоятельственного и безлично-предикативного содержания семой 'время', как и в общерусском языке, псковские говоры широко используют слово *нѣкогда*, во-первых, как наречие, если оно сочетается с инфинитивом и стоит в постпозиции по отношению к нему (в толковании значения 'нет свободного времени' это не подчеркивается, но все примеры свидетельствуют об этом, особенно при сопоставлении со вторым значением); во-вторых, как безлично-предикативный член в значении 'об отсутствии времени': *бáловаца нѣкогда – Пѣпрасѹ што здѣлать [внука] – нѣкъды* [5, в. 21; 132]. Противопоставление отрицательной лексеме со вторым (безлично-предикативным) значением выполняет утвердительное слово *ѣкогда*: *Нам [в старину] ѣкъгда былъ гулять*. Показателен пример *Не ходѹ ко мне тогды, Когды мне шыпко нѣкъды, А ходѹ ко мне тогды, Когда мне время е когды* (с отражением складывания положительного диалектного деривата по модели антиномии, но с усилением противопоставления) [5, в. 10; 122]. В псковских памятниках такие лексемы не были обнаружены.

Почти полным синонимом к *нѣкогда* (с некоторой детализацией в значениях) в современных говорах является слово *нѣколи* с рядом фонетических вариантов: 1) *Аддохнѹть нѣкали, и памярѣть нѣкали будя* (наречие в значении 'нет свободного времени'); 2) *Йим нѣкыли тапѣрь; Нáдо дѣлать фсѣ талѹ, калѹ е калѹ, а не талѹ, калѹ нѣкали* (безлично-предикативная единица в значении 'об отсутствии свободного времени'; в контексте тоже отражается складывание положительного компонента в антиномии) [5, в. 21; 134]. Противопоставление данной лексеме составляет лексема *ѣколи* в качестве безлично-предикативной единицы прежде всего в значении семой 'наличие времени': *Мне была нѣкали, а тапѣрь ѣкали*. Из положительных компонентов антиномии только эта лексема многозначна: как и *нѣколи*, слово *ѣколи* приобрело значение модальности семой возможности, ярко осложненной наречной временной семой 'когда-н.' (формулировка значения 'когда-н., при возможности'): *Я ѣкали пѣкажѹ нáшы пѣлатѣнцы и вѣшыфки*. В «Русско-немецком разговорнике» Т. Фенне, составленном немецким купцом во Пскове в 1607 году, зафиксирован вариант *неколь* как безлично-предикативное слово в значении 'об отсутствии свободного времени' [9; 399]. Все это хорошо демонстрирует непрерывность лексико-семантического языкового пространства на протяжении веков.

Учет типичных бытовых значений, отражающих картину мира сельского жителя, и терминологических значений, ограниченных соответствующими сферами жизни, показывает у однокоренных (с более или менее ясной этимоло-

логией) слов в современных говорах или в древнем языке выбор соответствующего варианта как наиболее распространенного и продуктивного и в словообразовательной деривации. Изучение особенностей народного слова требует и сопоставления диалектного и общерусского, современного (синхронного) и прошлого (диахрон-

ного с учетом развития языкового факта) на протяжении времени в одном регионе. Местные и общерусские черты, выясняемые на синхронном и диахронном срезах народной речи (в частности, при фиксации в памятниках письменности), способствуют решению многих практических и теоретических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: СПбГУ, 2008. 512 с.
2. Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 5–67.
3. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Труды Первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков: ПГПИ, 1962. С. 252–271.
4. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X–XVIII вв.). М.: Высшая школа, 1975. 327 с.
5. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л.: ЛГУ; СПб.: СПбГУ, 1967–2013.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М.: Наука, 1975–2011.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.
8. Ягич И. В. История славянской филологии. Репринтное издание. М.: ИНДРИК, 2003. 960 с.
9. Fenne's T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1970. 488 p.

Kostyuchuk L. Ya., Pskov State University (Pskov, Russian Federation)

PSKOV WORD IN DIACHRONIC ASPECT (RECALLING IGNATIY YAGICH'S TRADITIONS)

The literary legacy of the renowned researcher Ignaty Yagich is crucial for verification of modern philology trends' compliance with the precepts formulated by this Slavonic scholar. The aim of the article is to acquaint readers with traditions of Larin's lexicography school on the example of the Pskov Regional Dictionary Containing Historical Data. A method of complete material sample, methods of linguistic geography and ethnic linguistics, as well as descriptive and comparative methods contribute to a substantiated representation of the dialect worldview in synchrony and diachrony. The article demonstrates how detailed and elaborate systematic description of the words in modern and historical parts of the dictionary entries provide valid data about various levels of the folk language. As a result of lexicographical research, the formation pathway of certain folk words was revealed; the family of words with *весн*-base were detected. With the help of the historical part of the dictionary it was found out that the word *весна* had two professional meanings characteristic of Pskov region (none of the historical dictionaries provide such information, but the Pskov Court Letter does). Thus, a research and presentation of the words in synchronic and diachronic aspects correlated with extralinguistic facts are key factors to a solution of practical and theoretical problems related to lexical and grammatical (even sometimes phonetic) nature of a folk word.

Key words: lexicography, dialect, synchrony and diachrony, complete dictionary with historical data, local and all-Russian, modern and historical parts of a dictionary entry

REFERENCES

1. Kolesov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Russian Language Historical Grammar]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008. 512 p.
2. Specification of Pskov Regional Dictionary with Historical Data (Edition 2) [Instruktsiya "Pskovskogo oblastnogo slovary s istoricheskimi dannymi" (2-ya redaktsiya)]. *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. Is. 15. P. 5–67.
3. Larin B. A. Specification of Pskov Regional Dictionary [Instruktsiya Pskovskogo oblastnogo slovary]. *Pskovskie govory. I. Trudy Pervoy Pskovskoy dialektologicheskoy konferentsii 1960 goda* [Writings for the first Pskov dialectological conference of 1960]. Pskov, PGPI Publ., 1962. P. 252–271.
4. Larin B. A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X–XVIII vv.)* [Lectures on History of the Russian Literary Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 327 p.
5. *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad, LGU Publ.; St. Petersburg, SPGU Publ., 1967–2013. Is. 1–24.
6. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [XI–XVII Century Russian Language Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2011. Is. 1–29.
7. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Russian Language Etymology Dictionary]. Moscow, Progress Publ., 1964–1973. Vol. 1–4.
8. Yagich I. V. *Istoriya slavyanskoy filologii* [History of the Russian Philology]. Moscow, INDRIK Publ., 2003. 960 p.
9. Fenne's T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1970. 488 p.

Поступила в редакцию 20.10.2013

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kiam@onego.ru

АНТРОПОЗООНИМЫ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАРЕЛИИ XV–XVII ВЕКОВ*

Карелия является сложной этнической зоной, и потому в документах XV–XVII веков на русском и шведском языках выявлены славянские и прибалтийско-финские, саамские антропозоонимы, являющиеся важной единицей ономастического донационального периода. В зоонимической «парадигме» представлена иерархия животных (домашних и диких), которая отражает их значимость в картине мира в древности. При сопоставлении систем именования в разноязычных ономастических установлениях совпадающие элементы – свидетельства ономастических и культурных универсалий. При этом славянский именник наиболее полно отражает процессы интерференции на ономастическом и апеллятивном уровнях, дает представление об особенностях взаимоотношений русских и прибалто-финнов на территории Карелии. Показано влияние писцов, как проводников христианского мировоззрения, в корректном отражении данного явления. Исследуемый период в ономастической системе – время развития и закрепления новых ориентиров в выборе мотива именования, поэтому в славянских и прибалтийско-финских по происхождению антропозоонимах следует предполагать расширение мотивационных рядов от древнейших, отражавших мифологическое сознание, которые ставили антропонимы в ряд некалендарных личных имен, до переносных, дающих оценку денотату и переводящих именование в ономастический разряд прозвищ. Таким образом, зоофорный ономастикон отражает этноязыковые процессы в региональной картине мира и динамику мотивационной парадигмы.

Ключевые слова: историческая региональная антропонимия, некалендарные имена, антропозооним, языковая интерференция, мотив именования

Антропозоонимы – это имена, которые восходят к названиям животных, рыб, птиц, насекомых, пресмыкающихся. Такие имена собственные в ономастике называют еще зоофорными (зооморфными) именами, зооантропонимами, антропонимами зоонимического типа. Наряду с некоторыми другими древними именами, призванными выполнять магическую функцию, они входят в группу апотропеических имен.

Антропозоонимы фиксируются в системах именований многих народов мира, а в некоторых до сего дня являются фактом современного официального ономастикона¹. И потому они справедливо признаются древнейшей ономастической универсалией, восходящей к эпохе тотемизма, анимализма и зоолатрии, когда через имя происходило слияние личности с природой, что обуславливало представления о сущности имени в далеком прошлом: отождествление имени и его носителя или убеждение в существовании сокровенной связи между именем и человеком, вера в способность имени «замещать» человека и т. д. [3; 16].

Обратимся к анализу зоофорных антропонимов, зафиксированных в письменных (русскоязычных и шведских) документах Карелии XV–XVII веков. При учете расширяющейся и занимающей все большее ономастическое про-

странство христианизации именника список зоофорных именований следует признать широким. Вместе со шведскими материалами по Кексгольму насчитывается более 200 названий животного мира, которые фиксируются в основах именований жителей средневековой Карелии² (см. статистические данные в табл. 1).

Таблица 1

	Документы, составленные	
	русскими писцами	шведскими писцами
Животные	58 названий в основах 270 антропонимов	21 ↔ 173
Птицы	57 ↔ 169	22 ↔ 126
Рыбы	17 ↔ 68	7 ↔ 46
Насекомые	13 ↔ 37	4 ↔ 18
Прочие	6	–
Всего	151 ↔ 550	55 ↔ 363

Как видим, большая часть именований восходит к названиям животных и птиц, в меньшей мере – к названиям рыб и насекомых, единичны названия пресмыкающихся. Такая зоонимическая «парадигма» отражает иерархию животных в картине мира в древности, их роль в жизни народа, населявшего определенную территорию, то мифологическое сознание, сохранившееся

в различных элементах в более позднее время и, вероятно, повлиявшее на последующие переосмысления различных особенностей животных, связанных с переносом **животное** → **человек**.

Отметим относительность региональных статистических данных, поскольку в территориальном и временном планах исследуемые регионы несопоставимы. Кексгольм – это лишь часть бывшей Карелии (Водская пятина), представлен документами конца XVI – I пол. XVII века. Следовательно, и количество лиц, бывших жителей Карелии, и тех, кто пришел на эти земли после завоевания их Швецией, несопоставимо³. Книжки, оформленные русскими писцами, относятся в основном к XVI веку. Информация о русском именнике XVII века извлечена из актовых материалов (сост. Р. Б. Мюллер), где содержится малая часть сведений о данной группе именований, заключенных, прежде всего, в патронимах.

По русским и шведским документам составлены отдельные ономастики. При этом шведские документы содержат по преимуществу прибалтийско-финский материал, но процессы интерференции в них нивелированы. Выделяется немногочисленная группа антропонимов со славянскими апеллятивными основами. Ср., например, в 1618 – **Contza** Mikiforof, **Muras** Ondrief, Sordowolski; 1631 – Oxentiko **Bebroi**, Salmis, Timoska **Utkin**, Pelgi Järfwi; 1637 – Иевко **Кашута** / Jiefko **Kesuton**, Соломенский п.; Максимко **Козел** / Maximko **Kassel**, Тогмозерский и др., носителями которых были русские, оставшиеся на шведской стороне после Столбовского договора, поэтому такие именования единичны в документах Кексгольмского лена: с 1590 по 1637 – 80 случаев (без учета повторяемости лиц).

Этноязыковые контакты наиболее полно отражаются в русскоязычных документах, что подтверждается примерами типа Гридка **Быков**, Егорьевский в Коигушах, ПКОВ, 1496 / Юрий **Каргуйев**, XV в., Гейман (ср. *фин.*, *карел.* **härkä**, *карел.* **härgä**, **härge**, *вепс.* **härğ** ‘бык’⁴); Иванко **Лисица**, Олонецкий, ПКОВ, 1563 / Данилко **Ребуев**, Пиркинический, КЗПОП, 1582/83 (ср. *фин.*, *карел.* **геро**, *карел.*, *вепс.* **reboi** ‘лиса’); Иванко **Жеравлев**, Сакульской, ПКВП, 1568; Гридка **Кургин**, Важинский, ПКОВ, 1563; Якимко **Кургач**, Пиркинический, ПКОВ, 1563; Василий Козмин сын **Кургоев**, Выгозерская вол., 1565, Гейман (ср. *фин.*, *карел.* **kukki** ‘журавль’, *карел.* **kurgi**, *вепс.* **kuřg**), а также Васюк **Гуйкиев**, Олонецкий, 1563, ПКОВ (ср. *фин.*, *карел.* **kuikka** ‘гагара’, *карел.* **guikka**, **guikk**); Тимошка **Тиккель**, Шуезерский, ДКЛП, 1597; дер. на Низу **Тикуевская** на реке на Мегре, Олонецкий, КЗПОП, 1582 (ср. *фин.*, *карел.* **tikka**, **tikku** ‘дятел’); Минька **Мугуй**, Панозерский, ДКЛП, 1597 (ср. *фин.* **muhju** ‘мелкий окунь’; Ф., 2, 669). Ср. подобные именования в документах Кесгольмского лена (**Härkä** Mätti, Tiurala, КЛ, 1618; Jören **Repäi**, Ру-

hajerffnoj, КЛ, 1631; Peter **Kuikanen**, Ugo Niemi, КЛ, 1631; Larka **Tickui**, Soojärfwi, КЛ, 1631 (он же **Tikuief**, 1618); Anders **Tickele**, Tiurala, КЛ, 1631; Anders **Kurki**, Sordowala, КЛ, 1631; Pawilko **Muhie**, Iougio, КЛ, 1631) и др.

При этом совпадающие элементы в антропонимиконах – нередкое явление (табл. 2).

Таблица 2

Примеры	
из русских документов	из шведских документов
Еремка Федоров Волк , Важенский, ПКОВ, 1563	Hendrich Susi , Rautus, КЛ, 1631
Ивашка Выдра , Пудожский, КЗПОП, 1582	Anders Saukoin , Kurcki Jocki, КЛ, 1631
Жеребец , Никольский Готслав волок, ПКОВ, 1496	Ossipko Warsu , Salmis, КЛ, 1631
Заец Парфеньев, Сакульской, ПКВП, 1568	Jwan Jänis , Kiriansk Bohărăditzk, 1618
Иванко Кротов , Андомский, ПКОВ, 1563	Кормилка Мухряев / Cornillka Mychrief , Китежский, ПК, 1637
Родивонко Лосев , Шуныгский, ПКОВ, 1563	Jessipko Hirwoin , Libelis, КЛ, 1631
Фомка Медведь , Шальский, КЗПОП, 1582	Jören Karhu , Sackula, КЛ, 1631
Иванко Овцын , Важенский, ПКОВ, 1563	Lammas Pecko, Jougis, КЛ, 1618
Гришка Собака , Выгозерский, КЗПОП, 1582	Jwan Hurtanen , Sordowolski, 1618
Ворон Юрьев, Кижский, КЗПОП, 1582	Sawa Korpainen , Suistamo, КЛ, 1618; Микко Корпиев / Miko Korprien , Китежский, ПК, 1637
Ворона Костин, Выгозерский, ПКОВ, 1563	Peer Wariss , КЛ, 1631
Онцифор Кулик Леонтьев сын, 1547, АСМ	Rijko Wilkenen , Sordowolski, КЛ, 1590
Синица Юрькин, Ровдужский, ПКВП, 1568	Lauri Tiainen , Rautus, КЛ, 1631
Осифко Сокол , Варзуга, АСМ, 1575	Simon Haucka , Rautus, КЛ, 1631
Сменко Сорока , Городенский, ПКВП, 1568	Иванко Гаракин / Iwanka Harakin , Иломанский п., ПК, 1637
Федот Утка Матвеев, Сакульской, ПКВП, 1568; Степан Кряквин , Шуерецкая вол., не ранее 1556/57, АСМ	Dimitriko Sorssa , Suistamo, КЛ, 1631
Еремка Ортемов Ерш , Андомский, ПКОВ, 1563	Fedorko Kijskin , Ugo Niemi, КЛ, 1631
Олексейко Григорьев Шука , Паданский, ДКШВ, 1597	Степанко Гавкоев / Stepanko Haukoief , Китежский, ПК, 1637
Чурак Вошков , Выгозерский, 1577, АСМ	Hinrich Kirpu , Sackula, КЛ, 1631
Жук Васильев сын, Кижский, КЗПОП, 1582	Peer Pörö , Sackula, КЛ, 1631
Комар Исаков, Важенский, КЗПОП, 1582	Michill Hyttinen , Sackula, КЛ, 1631
Семен Муха , Шуерецкая вол., 1556/57, АСМ	Maunus Kärpänen , Jougis, КЛ, 1618

Общие названия животных, выявленные в основах антропонимов, традиционны для любого этноса, они – свидетельства существования ономастических и культурных универсалий, которые и на сегодняшний день сохраняют в мифологиях разных народов языческий шлейф.

Более того, представленные примеры являются подтверждением того, что ономастические системы накладывались друг на друга, давая эффект интерференции и усложнения. Наиболее полно диалог разных этнических культур можно проследить при анализе антропозоонимов, вошедших в русскоязычные документы, где наряду со славянскими основами отмечаются именованья прибалтийско-финского и саамского происхождения (**Кукой**, **Ребуй**, **Кургаль**, **Кяр-га**, **Гуйка**, **Сорка** и т. д.). В славянский антропонимикон они проникали в течение нескольких столетий, в количественном отношении это все же немногочисленные имена. Именно они придают славянской ономастической системе особый колорит.

Однако, как представляется, имена с прибалтийско-финскими основами следует разделить на две группы. Первая – антропонимы, носителями которых могло быть как русское, так и прибалтийско-финское население края: апеллятивные основы у таких собственных имен находим в нарицательной лексике и донационального периода, и в современной лексической системе русского языка и диалектов. Например, антропоним **Лох** (**Лох** Матфеев, Толвуйский, 1582/83, КЗПОП) восходит к апеллятиву *лох*, которое в др.-русс. языке имело значение 'отощавший после нереста в реках лосось' (СлРЯ XI–XVII, 8, 287–288), сохранилось в современных говорах где *лох* – 'исхудалая рыба', «*лох* во время метания икры» (Алатырев, 37). Заимствовано из *фин.*, *карел.*, *вепс.* *lohi* 'лосось'. Всего 14 подобных примеров.

Носителями второй группы имен могли быть только представители неславянского этноса. Так, основы именованья **Каргуй**, **Кетгуй**, **Кукой**, **Кургин**, **Ребуй**, **Тиккуй**, **Товкой**, также извлеченные из русских письменных источников, в своем нарицательном употреблении не стали фактом русской языковой системы. Названные имена отмечены по памятникам письменности преимущественно на территориях основного расселения карел, вепсов, ср., например: 1563 – Гридка **Кургин**, *Важинский*; **Товкой** Литвин, *Важинский*; 1582/83 – Ларка **Каргуев**, *Остречинский*; Данилко **Ребуев**, *Пиркинический*; Дер. **Кургинская**, в ней Васка **Кургин**, *Оштинский*; 1597 – След Тимошки **Тиккель**, *Шуезерский*; 1675 – Ооска Исаков **Кукой**, *Олонецкий* и т. д.

Таким образом, сначала заимствовались и на всех языковых уровнях осваивались названия реалий, с которыми русские не сталкивались до своего прихода на север, а потом по разным при-

чинам, скорее всего, уже не связанным с древними верованиями, такие названия они мизировались. Так, в основах именованья выявлены такие названия животных, как **вашкал** 'рыба': «**Вашкал** – маленькая рыбка, сантиметров десять, на плотву похож маленькую; **ва́шкал** сушат» *вашк.*; «Мелкая, мелкая рыба **ва́шкал**, она горькая» *подп.* (СРГК, 1, 166); **кёрча**, **керчак** 'рыба бычок' *белом., кем., канд., тер.* (СРГК, 2, 341); **кунжа**, **кумжа** 'род лосося, лососевая форель' *севмор.* (СРГК, 3, 58), *арх.* (Ф., 2, 416); **нерп** 'ластоное млекопитающее семейства тюленевых' *канд.* (СРГК, 4, 11); **турбак** 'рыба *Leuciscus cerphalus*' *лужск.* (Ф., 4, 123).

На наш взгляд, фиксация зоонимов в основах имен собственных, отраженная именно в русских документах, – свидетельство тесных, мирных отношений русских и прибалто-финнов, саамов на территории Карелии исследуемого времени, а также того, что не только русская языковая система, но и русское сознание оказались более открытыми в плане заимствования, наиболее готовыми и терпимыми к принятию фактов других культур, их активному переосмыслению. Пожалуй, в условиях сурового севера и накопленного опыта контактов с другими народами на территории Руси по-другому быть не могло.

Представляется, что у данного явления есть и оборотная сторона. Учитывая немногочисленность таких имен в обоих ономастиконах, можно предположить следующее: писцы могли калькировать часть имен – русские писцы заменяли прибалтийско-финские антропонимы именованьями с понятной основой или календарными, а шведы «подгоняли» славянские имена под более известные им финский, карельский языки.

Так, шведские документалисты в книге 1637 года, которая, как известно, имеет шведскую и идентичную ей русскую часть, оставили свидетельства того, когда один и тот же человек в разных частях данной книги был записан под разными именами, ср.: Анты Гирвонен – он же Anti Siwojnen, дер. Сяргисюр, Китежский; Ганнуш Тикканен – он же Hannus Ziokainen, дер. Сигасалма, Либелицкий и т. д.

Вероятно, произволом писцов можно объяснить и то, что в ономастиконе, составленном по шведским документам, отсутствуют такие имена, как **Нерпа**, **Габун**, **Вашкал**, **Керчуй**, **Кунжа**, **Лох**, **Тинда**, **Товкой**, имеющие прибалтийско-финскую основу и представленные в русскоязычных памятниках письменности. Возможно, это объясняется тем, что XV–XVII века – это время двуименности, и писцы, призванные вести одновременно христианскую миссионерскую деятельность, в официальный документ включали именно календарное имя, а некалендарные и прозвищные имена оставались в бытовом употреблении из-за свойственной им семантической и стилистической модальности.

XV–XVII века – это еще и время, в которое развились и закрепились новые ориентации в выборе мотива именования, возникшие на основе древней сложной мотивационной природы антропозоонимов и имен собственных, подобных им.

Доказательством может служить частотность зооименований. Предполагаем, что чем чаще имя отмечено в документах, тем более сложным набором предполагаемых мотивов именования оно обладает (от древних языческих до характеризующих).

Так, анализ списков показал, что в русскоязычных документах в основах именований «лидируют» следующие названия животных: **баран** (25 употреблений), далее следуют **волк** и **судок** (по 24), **заяц**, **медведь** (по 16), **ерш**, **козел** (по 15), **бобр**, **бык**, **зуй** (по 12), **кот**, **кукой** (*kukko* ‘петух’), **лисица** (по 11), **кошка** (10).

Именно эти имена функционируют в текстах памятников письменности в качестве личных именований, составляя с некоторыми другими некалендарными именами собственными конкуренцию календарным именам, ср. в Обонежье фиксируются в 1563: **Боранко** Васильев, Вытегорский; **Волк** Романов, Кижский; **Кот** Ларюков, Толвуйский; **Козел** Григорьев, Выгозерский и др.; в 1582/83: **Заец** Иванов, Пудожский; **Ерш** Михайлов, **Ворон** Юрьев, **Чиж** Ондреев, Кижский; **Мураш** Федко Семенов, **Лох** Матфеев, Толвуйский; **Бобр** Дмитриев сын Чевакин, **Ворона** Костин, **Курица** Денисов, Выгозерский; **Паук** Панкратов, Остречинский и др.

Частотность наиболее «культуроносных» зоонимов, нашедшая отражение в прибалтийско-финском ономастиконе, несмотря на ряд совпадений, иная: **härkä** (бык) – 31, **kurki** (журавль), **kuikka** (гагара) – 24, **kettu** (лисица), **karhu** (медведь) – 20, **hirvi** (лось), **kiiski** (ерш) – 16, **saukko** (выдра) – 15, **orava** (белка), **tikka** (дятел) – 14, **susi** (волк) – 13, **hyttynen** (комар), **kukko** (петух) – 11, **ahven** (окунь) – 10, что свидетельствует о разном видении исследуемого фрагмента языковой картины мира у разных этносов, о разной роли тех или иных представителей животного мира в жизни народа, населявшего определенную территорию.

Если говорить о конкретном, но все же гипотетическом мотиве именования, то он амбивалентен: следует назвать охранную и одновременно пожелательную функции у таких имен в обоих ономастиконах. Практически за всеми антропонимами стоит или большое сильное животное – защитник именуемого, или животное, связанное с нижним миром злых духов, обитающих на небе, на земле, в воде, под землею, а следовательно, те же мотивы наречения актуальны. Менее вероятными видятся древнейшие мотивы, относимые исследователями к самым ранним в мифологических представлениях наших пред-

ков, связанные с тотемизмом, хотя, основываясь на данных фольклористов, этнолингвистов (см. работы [2], [4], [5] и др.), и такие мотивы могли быть, но их связь с появлением имени достаточно отдаленная.

Так, наиболее частое имя в русскоязычных документах Карелии – **Баран** (дер. Олферьевская: Иванко Иванов **Боран** да в том же дворе Иевко **Боранов**, Кижский, ПКОП, 1563; дер. на Ундозере Карпиковская: в ней **Боранко** Васильев, Мегрежский, КЗПОП, 1582 и т. д.) может свидетельствовать о переплетении дохристианских верований с христианскими: баран в библейских представлениях славян считается чистым, благословенным животным, угодной Богу жертвой (СД; 3; 502). Безусловно, популярность имени могла быть обусловлена еще и прагматическими установками: это одно из самых неприхотливых в северном хозяйстве домашних животных.

В самом частотном имени Кексгольма **Härkä** (*Härkä Mätti*, Tiurala; Michkaill *Härkäinen*, Kitäga, КЛ, 1618 и т. д.) можно усмотреть отсылку к мифологическим представлениям финно-угров, например, жертвоприношение большого быка для общего пира находит аналогию в святочных – новогодних – обрядах карел, близкое к указанному отношение к быку отмечено у эстонцев, описано в рунах «Калевалы». Предполагается, что культ жертвенного быка восходит к охотничьему культу жертвенного оленя или лося и имеет очень древние истоки [8; 70–72]. Немаловажными для доказательства являются космогонические представления вепсов, которые связывают образ быка с созданием его из плодородной водной стихии [2; 295].

При этом имя **Бык** входит в число частотных и в русском ономастиконе Карелии (и всей Руси), что опять же связано с почитанием животного в народной традиции, в том числе на Русском Севере. Ср. с обычаем олонечских крестьян в Ильин день закалывать быка, кость которого, доставшаяся во время трапезы, якобы утраивает добычу, и т. д. (СД; 1; 273).

А вот имя **Lammas** (*lammas* ‘овца’, ‘баран’) не является частым в прибалтийско-финском ономастиконе конца XVI – середины XVII века, не более 5–6 употреблений типа **Lammas** Pecko, Jougis, КЛ, 1618; **Lammas** Tääpi, Sackula, КЛ, 1631. Это связано с меньшей ролью барана и овцы в мифологических представлениях прибалто-финнов, хотя известно, что в раннем Средневековье у веси было достаточно развито овцеводство; овцы, бараны играли определенную роль и в мифоритуальном комплексе и т. д. [2; 322–329].

Как видим, несмотря на то что в данной универсальной антропонимической группе имеется определенное количество совпадающих единиц, конкретный выбор имени, особые предпочтения обусловлены верованиями народа. Например,

для прибалто-финнов особое значение имел культ птиц. Так, в ономастике Кексгольмского лена частотны имена, восходящие к названиям журавля и гагары (ср.: Nils **Kurkj**, Kurcki Jocki, КЛ, 1631; Федорко **Курки** (Fedårko **Kurcki**), Уго-немский; Богдан **Курки** (Iwan **Kurcki** bobell), Шуйстомский, ПК, 1637 и т. д.; Demitko Deniseff **Kuika**, Kitåga, КЛ, 1618; Оллы **Куйка** (Olli **Kuika**), Куркиекский, ПК, 1637 и т. д.). Объяснение уходит в глубокую древность и связано с верой в птицу – творца мира и одновременно в птицу – часть мироздания, способную оберегать и вредить. Например, гадара «в мифах разных финно-угорских народов оказывается воплощением злого творца: Омоля у коми, Куль-отыра у манси; даже у саамов она считается женой черта» [8; 337]. Отсюда возможное предположение, что имя **Куйка** (**Kuika**) в средневековые времена имело охранную функцию, а имя **Курки** (**Kurcki**) – пожелательное, поскольку в исследованиях по мифологии журавль ассоциируется со счастливыми семейной жизнью, его образ связывают с поклонением предкам, плодородием [2; 58–63].

Другим доказательством существования древнего мотива могут служить отдельные факты, отмеченные в ономастической системе XV–XVII веков. Например, соименования, которые обычно используются при именовании членов одной семьи. Однако обращают на себя внимание такие материалы, где имена одной тематической группы наблюдаются между жителями одного населенного пункта, ср.: дер. на Святе озере, в ней Гридка **Меринов** внук, сосед его **Жеребец**, Никольский Готслав волок, ПКОП, 1496; дер. в Наволоке под погостом, в ней **Мураш** Федко Семенов, **Лох** Матфеев, Толвуйский, КЗПОП, 1582; поч. в Лигачи на горе надо мхом: в ней Федко Максимов **Волк**, Куземка **Боранов**, Мегрежский, ПКОП, 1563; За рекою за Федоровкого на Спаской улице дворы тяглые... в них Никифорко Иванов **Теляшов**, Гриша Яковлев сын **Коровина** стекольник, Корела, ПКВП, 1568 и др.

Кроме того, до сих пор бытуют предания об оборотничестве. Интересным в данном случае является пример, отмеченный в русских документах, – Васка **Медвежья Голова**, Шуньгский, ПКОП, 1496. Ср. у восточных славян на севере существуют представления об оборотнях-медведях – рассказы о колдунах, принимающих облик медведя, об обращении ими в медведя людей, чаще всего участников свадеб, об обнаружении охотниками под шкурой убитой медведицы бабы в сарафане, невесты или свахи. Ряжение медведем встречается в свадебном обряде поляков. Представления о людях, способных обращаться в медведя, отмечены также у лужичан (СД; 3; 212). Подобные поверья сохранились в легендах вепсов [2; 106] и других финно-угорских народов: коми, мордвы [8; 196–197, 218, 298, 300],

а следовательно, не случаен пример из документов, относящихся к Кексгольму: Jusko **Karhapå**, Pomantsi Pogost, 1631, где = Медвежья голова.

Безусловно, к указанному времени древнейшие мотивы именовании, связанные с отражением названий животных в основах антропонимов, получили другой оттенок – характеризующий внешние или внутренние качества человека и, вероятно, другие особенности имянаречения [1], [7], [9], [10]. Иначе невозможно объяснить такое большое количество антропозоонимов. Ср. в русскоязычных документах Карелии XV–XVII веков отмечено достаточное количество имен собственных, имеющих фиксацию менее 10 употреблений в основах антропонимов (в порядке убывания): **Жук**, **Сокол**, **Воробей**, **Лебедь**, **Сорока**, **Щука**, **Комар**, **Конь**, **Кречет**, **Лунь** и др., еще реже **Бучень**, **Дятел**, **Селезень**, **Таракан**, **Гоголь**, **Кобыла**, **Коза**, **Корова**, **Кряква**, **Лось**, **Мошник**, **Сиг**, **Соболь**, **Хорь**, **Басарга**, **Гадара**, **Гусь**, **Кобель**, **Коппала**, **Мураш**, **Паскач**, **Рак**, **Свинья**, **Строка**, **Тетера**, **Ярец** и др. Более 50 антропозоонимов являются единичными: **Голубь**, **Еж**, **Курица**, **Паук**, **Потка**, **Снегирь**, **Соловей**, **Сом**, **Чиж**, **Щегол** и др. Представляется сомнительным, что многие из перечисленных имели мотивы, связанные с языческими верованиями.

Так, имя **Комар** (**Комар** Рудаков, Андомский, 1563, ПКОП) к указанному времени уже вряд ли отражало древнейшие представления. Известно, что в разных мифах комары близки злым духам; в фольклорной традиции сохранились мотивы, связанные с превращением героя в комара, чтобы, уменьшившись в размерах, иметь возможность проникнуть сквозь щель в нужное место. В фольклорных текстах комар выступает как юмористический персонаж, наделенный мужской символикой, комариному укусу приписывается эротизм и проч. Думается, что на основе сходства с внешним видом насекомого комаром могли назвать худощавого, невысокого человека [6; 238].

Подобное можно отметить и в прибалтийско-финской языковой системе. Ср. в русскоязычных документах отмечен Василей Родионов сын **Кеттуева**, 1571, АСМ. Основа антропонима в конечном итоге восходит к фин. **kettu** ‘лиса’ (СКЯ, Ливв., 136). Возможность прозвищного мотива именовании, возникшего по модели животное → человек, может быть подтверждена карел. **kettu** ‘пленка’, ‘кожура’, ‘кожа, наружный покров тела’ (там же), откуда предполагается мотив, отражающий внешность именуемого (цвет волос, кожи) или качества характера, ср. в карельской фразеологии **kettu küpsenšü** ‘расправятся, всыплют (= шкура испечется)’ и пр. (см. Федотова, 75). Следовательно, подобные именовании переходили в другую антропонимическую единицу – прозвище.

Таким образом, для исследуемого периода такие антропонимы – это свидетельства расширяющейся мотивационной парадигмы имени. Антропозоонимы, во-первых, отражают веру в силу имени – это имена-обереги или имена-пожелания; во-вторых, это имена-характеристики, появив-

шиеся по метафорической модели, дающие оценку денотату, подтверждая развитие новых мотивационных признаков и переводя известное ранее имя в другой ономастический разряд – разряд прозвищ. Как следствие, наблюдается изменение взглядов наших предков на картину мира.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Большое внимание таким именам уделяется в тюрко-татарской ономастике, где антропозоонимы до настоящего времени являются фактом ономастической системы.
- ² Отметим, что в общие подсчеты зооантропонимов включены личные имена, прозвища, патронимы, посессионные ойконимы, хотя последние могли в ряде случаев отражать места преимущественного обитания зверей, птиц, рыб.
- ³ В документах по Кексгольму в 1590 году упомянуто 337 человек, в 1618-м – 3140, в 1631-м – 5597, в 1637-м – 4437, ср. в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 года упомянуто более 10 000 человек.
- ⁴ Перевод по: Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.

СОКРАЩЕНИЯ

Алатырев – Алатырев В. И. Словник-вопросник по изучению заимствованных карельских, вепсских и финских областных слов в русских говорах КФ ССР. Петрозаводск, 1948.

АСМ – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого мон. 1479–1571 гг. / АН СССР. Ин-т истории СССР, Ленингр. отд. / Сост. И. З. Либерзон. М.: Наука, 1988.

Гейман – Материалы по истории Карелии XII–XVII веков / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

ДКЛП – Дозорная книга Лопских погостов, 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 186–233.

ДКШВ – Дозорная книга Шуерецкой волости // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 234–254.

КЗПОП 1582/83 – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341.

КЛ 1590 – Переписная книга Корельского уезда 1590 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 265–274.

КЛ 1618 – Переписная книга Корельского уезда 1618 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 284–387.

КЛ 1631 – Переписная книга Корельского уезда 1631 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 388–568.

Мюллер – Карелия в XVII веке / Сост. Р. Б. Мюллер; под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948.

ПК 1637 – Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Йоэнсуу, 1991. 758 с.

ПКВП – Писцовые книги Водской пятины 1539 г., 1568 г. // История Карелии в XV–XVI вв. Сборник документов. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 19–178.

ПКОП 1496 г., 1563 г. – Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 г., 1563 г. Л., 1930.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012 (Т. 1. 1995; Т. 3. 2004).

СКЯ, Ливв. – Словарь карельского языка. (Ливвиковский диалект) / Под ред. И. В. Сало и Ю. С. Елисеева; Сост. Г. Н. Марков. Петрозаводск: Карелия, 1990.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008 (Вып. 8. 1981).

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6. (Вып. 1. 1994; Вып. 2. 1995; Вып. 3. 1996; Вып. 4. 1999).

Ф. – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.

Федотова – Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахвалова Т. В. Лексические и фразеологические средства характеристики человека в русском языке (на материале орловских говоров): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1995. 40 с.
2. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
3. Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2009. 40 с.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
5. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.
6. Кюргунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. 672 с.
7. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986. 231 с.
8. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с.

9. Ч а й к и н а Ю. И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. С. 43–49.
10. Ч е р е м и с и н а М. И., С о п п а Н. С. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа ‘петух’) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. Новосибирск, 1973. С. 55–69.

Kyurshunova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ANTHROPOZOONYMICS IN MULTI-ETHNIC AREA OF KARELIA IN XV–XVII CENTURIES

Karelia is a complicated ethnic zone and, therefore, the Slavic, Baltic-Finnish, and Lappish anthroponymics, an important unit of onomastics of the pre-national period, are revealed in multiple documents of the XV–XVII centuries written in Russian and Swedish. The hierarchy of animals (domestic and wild) that reflects their importance in the world picture of ancient times is presented in the zoonimic “paradigm”. Congruent elements – the evidence of onomastic and cultural universals – are revealed by comparison of the naming systems in multilingual onomastics. Thus, the Slavic onomastics reflects most fully the interference processes on onomastic and appellative levels, and gives an idea of the features characterizing relationships of the Russians and the Baltic-Finns on the territory of Karelia. The influence of scribes (copyists), as the bearers of Christian beliefs, is shown through correct reflection of this phenomenon. The studied period in onomastic system is the time of development and establishment of new orientations of choosing motives for naming. It is necessary to foresee the expansion of motivational ranks in Slavic and Baltic-Finnish anthroponymics: from the most ancient, reflecting mythological consciousness that ranks anthroponyms with the non-calendar personal names, to figurative, giving assessment to the denotat and transferring naming into the onomastic category of nicknames. Thus, anthroponymic onomastics reflects ethno-linguistic processes in the regional picture of the world and dynamics of motivation paradigm.

Key words: historical regional anthroponymics, non-calendar names, anthroponymics, linguistic interference, motive of naming

REFERENCES

1. B a k h v a l o v a T. V. *Leksicheskie i frazeologicheskie sredstva kharakteristiki cheloveka v russkom yazyke (na materiale orlovskikh govorov)*. Avtoref. diss. d-ra. filol. nauk [Lexical and phraseological ways of the characterizing a person in Russian (on a material of the Orel region dialects). An abstract of a Doctor of Philology dissertation]. Orel, 1995. 40 p.
2. V i n o k u r o v a I. Ju. *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)* [Animals in traditional worldview of Veps (experience of reconstruction)]. Petrozavodsk, 2006. 448 p.
3. G a l i u l l i n a G. R. *Tatarskaya antroponimiya v lingvokul'turologicheskom aspekte*. Avtoref. diss. d-ra. filol. nauk [The Tatar antroponimiya in lingvocultural aspect. Abstract dokt. philological sci. diss.]. Kazan', 2009. 40 p.
4. G u r a A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolism of animals in Slavic national tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p.
5. K r i n i c h n a y a N. A. *Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: World of images of folklore]. Moscow, Akademicheskiiy proekt: Gaudeamus Publ., 2004. 1008 p.
6. K y u r s h u n o v a I. A. *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvyshch i famil'nykh prozvaniiy Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.* [Reference book (dictionary) of non-calendar personal names, nicknames and family pro-ranks of the North Western Russia of the XV–XVII centuries]. St. Petersburg, Dmitry BULANIN Publ., 2010. 672 p.
7. L u k ' y a n o v a N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya* [Expressive vocabulary of colloquial use]. Novosibirsk, 1986. 231 p.
8. P e t r u k h i n V. Ya. *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finn-Ugrs]. Moscow, 2005. 463 p.
9. Ч а й к и н а Ю. И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора // Севернорусские говоры. Вып. 6 [The North Russian dialects. Is. 6]. St. Petersburg, 1995. P. 43–49.
10. Ч е р е м и с и н а М. И., С о п п а Н. С. To a question of semantics of zoocharacteristics (on a material of the image of the Russian word ‘rooster’) [K voprosu o semantike zookharakteristik (na materiale russkogo obraza ‘petukh’)]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. Vyp. 2 [Actual problems of a lexicology and word formation. Is. 2]. Novosibirsk, 1973. P. 55–69.

Поступила в редакцию 16.07.2013

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА СУХАРЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)
npsucharewa@yandex.ru

КОГНИТИВНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОТНОШЕНИЯ НЕМЦЕВ К РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(на материале труда В. Хута «Russland und der deutsch-russische Waren-Austausch»)

Раскрывается проблема трактовки отношения немцев к России в начале XX века в русле когнитивно-концептуального подхода. Предметом исследования являются лексические средства, номинирующие указанное отношение на материале немецкого языка, рассматриваются их лингвокультурологические характеристики.

Ключевые слова: когнитивно-концептуальный подход, понятие «отношение», германо-российские взаимоотношения, лингвокультурологическое моделирование

Настоящее исследование посвящено выявлению и описанию языковых способов и средств актуализации концепта отношения немцев к России в начале XX века на материале труда В. Хута «Russland und der deutsch-russische Waren-Austausch».

Актуальность данного исследования определяется тем, что оно выполнено в русле исторической лингвокультурологии – междисциплинарного направления, посвященного комплексному изучению языка, сознания, культуры и истории, а также тем фактом, что Россию и Германию связывают особые взаимоотношения, что обусловлено тесными историческими переплетениями.

Интерес со стороны ученых (К. Майер, Ю. Нида-Рюмелин, Е. Хефнер, Ё. Рау, К. Шнайдер и др. [10]) в германо-российским отношениям проявляется в различных сферах и на различных уровнях, в частности в области межкультурных взаимоотношений, научного и образовательного сотрудничества, в сфере языка и во многих других областях.

Международные, межэтнические отношения представляют собой сложный конструкт различных проблемных, разрешенных или решаемых ситуаций. Исследования в сфере языка как выразителя национальных представлений о другом народе позволяют увидеть себя, свою страну глазами другой нации, предвидеть сложности в общении и предупредить многие конфликтные ситуации. К числу таких работ можно отнести «Антологию концептов» [1], где представлены среди прочего описания концептов *Америка* [7], *Россия* [4], *встреча, приветствие, прощание, расставание* [9], *путешествие* [8] и др.

В связи с обсуждением ряда актуальных вопросов в рамках таких взаимодействий, как «человек и текст», «язык и человек», «язык и личность», в лингвистике происходит обогащение функционального подхода к анализу текста

как продукта речевого творчества когнитивно-концептуальным подходом. Признание предметом лингвистических исследований языковой личности привело к осознанию в качестве языкового этноса как совокупности языковых личностей носителей определенной, обусловленной этническими, психологическими, социологическими, общественно-политическими и другими факторами картины мира. Концептуализация как общее происходит при создании картины мира определенным менталитетом, свойственным тому или иному этносу. Здесь имеет место концепт-инвариант. Концептуализация как частное существует в языковой картине представителей данного этноса. В этом случае речь идет о концептах-вариантах, конституирующихся в речевой деятельности языковой личности и в тексте как результате этой деятельности [5; 114–119].

Концепту свойственно, по мнению В. И. Карасика и Е. А. Ярмаховой, национально-культурное содержание, «поскольку оно эмоционально маркировано и воплощается в определенные речеповеденческие тактики (дискурсивное проявление концепта). К числу концептов особого типа можно отнести коллективные представления о личностях, собирательных образах, типажах» [2; 24–25]. Содержание концептов, как отмечает Н. А. Красавский, с определенной интенсивностью меняется во времени, что определяется многочисленными культурными изменениям, происходящими в том или ином человеческом сообществе на разных этапах его существования, из чего вытекает необходимость изучения «всей истории жизни» концептов, нашедших обозначение в языке [3; 21].

Лингвокогнитивный подход к изучению отношения немцев к русским обладает определенной объяснительной силой, поскольку он позволяет получить необходимые сведения, откуда и ка-

ким образом формировалось такое отношение, то есть обладает объективно-прикладным характером. Эти данные важны как для собственно лингвистического описания этого объекта, так и для смежных научных дисциплин (истории, психологии, социологии, педагогики и др.), что обусловлено задачами лингвистики как науки о закономерностях использования языка, служащего средством общения, хранения и передачи информации самого разного рода. Без описания языка, сопровождающего любые действия человека, невозможна правильная интерпретация этих действий.

Обратимся к понятию «отношение», под которым понимается связь между кем-нибудь, возникающая при общении, контактах. Таким же образом трактуется соответствующее понятие в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой, в котором представлена система современной русской общеупотребительной лексики [6; 493]. Понятие отношения характеризуется в классе «Социальные связи, отношения; связанные с ними действия, состояния». Выделяются отношения между людьми в общем и в частности (семейные, дружеские, близкие, неприязненные, враждебные, деловые, дипломатические отношения).

Вопросы о том, каким образом происходило формирование отношения немцев к России и на основе каких факторов в тот или иной временной период, рассматриваются на примере конкретных произведений публицистического стиля, претендующего на определенную адекватность подачи материала, без художественного вымысла. В данном случае практическим материалом послужило издание 1920 года В. Хута «Russland und der deutsch-russische Waren-Austausch von Dr. Walter Huth» [11].

Как вытекает из названия, основной темой издания являются экономические взаимоотношения: *Es schildert uns Russland in dem Aufschwunge seiner Volkswirtschaft vor dem Kriege und in seinen Beziehungen zu Deutschland, und es wird helfen zum Wiederaufbau des Handels und Wandels zwischen beiden Nachbargebieten. Durch den unseligen Krieg wurde diese Entwicklung gehemmt, wurden die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und dem Osten jäh unterbrochen* [11; 5]. Актуализация концепта Россия *Russland* в указанном издании В. Хута происходит путем наименования реального объекта России как стороны света *Osten* 'Восток', а также с помощью слов и словосочетаний, отображающих Россию и российские реалии начала XX века: *Aufschwunge seiner Volkswirtschaft* 'подъем сельского хозяйства перед войной'. Признаки, характеризующие непосредственно взаимоотношения двух государств, выражаются с помощью атрибута *ersprieflich* 'плодотворный, выгодный'. Особенностью пред-

ставления концепта отношения немцев к России в начале XX века является персонификация. Так, война (речь идет о Первой мировой войне) наделяется антропоморфными чертами, например: *Durch den unseligen Krieg wurde diese Entwicklung gehemmt* 'злосчастная война сдерживала развитие'. Германия и Россия называются автором *Nachbargebieten* 'государства-соседи'.

Вместе с тем указывается на необходимости проведения большого объема работы с обеих сторон: *Schwerer Arbeit freilich wird es bedürfen auf beiden Seiten* [11; 6]. Вводное модальное слово *freilich* ('однако, правда') и футуральность данного высказывания подчеркивают озабоченность автора сложившейся ситуацией.

Также выражается опасение, что немецкая сторона ценит сложившиеся до войны экономические отношения выше, чем было раньше, и больше, нежели российский партнер: *Dazu gehören auch, dass Deutschland die Eigenart der Produktionsverhältnisse Russlands, die Bedeutung Deutschlands für die Verwertung der osteuropäischen Erzeugnisse und die Wichtigkeit des russischen Absatzgebiets für deutsche Fabrikate sorgfältiger erforscht und würdigt, als es früher der Fall gewesen ist* [11; 6]. На основе метонимии Германии, подобно человеку, присваивается способность к различным действиям, например: *Deutschland die Eigenart der Produktionsverhältnisse Russlands... sorgfältiger erforscht und würdigt, als es früher der Fall gewesen ist* 'Германия тщательнее изучает самобытность производственных отношений России и считает, что раньше было от случая к случаю'. В рассматриваемом примере подчеркивается важность российского рынка сбыта для немецких фабрикантов. В связи с этим автора издания поддержало именно немецко-российское объединение: *Der deutsch-russische Verein hat daher das vorliegende Werk von Dr. Walter Huth... gern gefördert* [11; 6].

Целью данного издания было не только описание существовавших до войны отношений, но и изучение влияния мировой войны на российскую экономику, а также нахождение благоприятных условий для создания немецко-российских торговых отношений: *Wenn der Verfasser in seiner Darstellung naturgemäß in erster Linie die vor dem Kriege bestehenden Verhältnisse behandelt, so erörtert er doch auch den Einfluss des Weltkrieges auf die russische Volkswirtschaft, wie er auch der günstigen Gestaltung der deutsch-russischen Handelsbeziehungen näher zu kommen sucht* [11; 6]. Признаки, характеризующие отношение немцев к России в начале XX века, выражаются как атрибутивом с экономической семантикой (*die wirtschaftlichen Beziehungen, an den deutsch-russischen Wirtschaftsbeziehungen, auf den deutsch-russischen Handelsverkehr, die beiderseitigen Handelsbeziehungen*), так и с помощью сложных существительных (*Handelsbezie-*

hungen, Wirtschaftsbeziehungen, Handelsverkehr, die Handelsbeziehungen).

Это издание задумывалось для купечества и фабрикантов: *Das Handbuch "Russland und der deutsch-russische Waren-Austausch" ist seiner ganzen Anlage nach in erster Linie für den Gebrauch des an den deutsch-russischen Wirtschaftsbeziehungen beteiligten Kaufmannes und Fabrikanten bestimmt* [11; 7], что подчеркивает экономическую основу отношения немцев к России в начале XX века.

При этом автор обращается своим изданием и к многочисленным властям, понимая, что очень многое зависит именно от них: *Gleichzeitig wird es weit über die Kreise der Geschäftswelt hinaus auch für jeden Volkswirt und für zahlreiche Behörden ein wertvolles Hilfsmittel sein* [11; 7].

Немецкой стороне приписывается способность немецкой торговли и промышленности приспосабливаться к своеобразию и потребностям российского рынка и отмечается существенный прорыв в торговых отношениях по сравнению с другими странами: *Dank der großen Anpassungsfähigkeiten des deutschen Handels und der deutschen Industrie an die Eigenheiten und die Bedürfnisse des russischen Marktes war es Deutschland gelungen, in den letzten Friedensjahren vor allen anderen Ländern einen gewaltigen Vorsprung auf dem russischen Markte zu erlangen* [11; 204]. Посредством ориентационной метафоры, поясняющей внутренние пространственные характеристики объекта, в частности движение вперед, превосходство на российском рынке *einen gewaltigen Vorsprung auf dem russischen Markte*, усиленное атрибутивом *gewaltig*, подчеркивается важность экономической составляющей в отношениях с Россией в начале XX века.

Мы видим опасения автора, что негативное влияние войны в национально-политической сфере существенным образом затронет немецко-российские торговые отношения: *Die großen Veränderungen, die sich in Russland unter den Einflüsse des Krieges auf national-politischen Gebiete vollzogen haben, werden naturgemäß nicht ganz ohne Einwirkung auf den deutsch-russischen Handelsverkehr bleiben, zwar sind die politischen Verhältnisse in Russland noch nicht geklärt genug, um die Einwirkungen des Krieges auf die beiderseitigen Handelsbeziehungen schon heute überblicken zu können, doch lässt sich jedenfalls so viel sagen, dass, wie groß auch die Veränderungen sein mögen, die sich in dem benachbarten Russland auf national-politischem Gebiete vollziehen, die deutsch-russischen Wirtschaftsbeziehungen durch diese aller Wahrscheinlichkeit nach nicht entscheidend beeinflusst werden* [11; 260]. Пространственная модель выражения отношения «Германия – Россия» характеризуется семантическим рядом с ядерной семьей «соседний» в синтаксической позиции локатива: *in dem benachbarten Russland, zwischen beiden Nachbargebieten, ein freundschaftlich-nachbarliches Verhältnis*.

Отчетливо подчеркивается мысль о доминирующей роли экономики, нежели разнополярных политических взглядов: *Der deutsche Kaufmann und Fabrikant wird sich in Zukunft allerdings nicht mehr einer einzigen, sondern voraussichtlich mehreren Regierungen gegenübersehen, deren Verwaltung nach verschiedenen wirtschaftspolitischen und verkehrstechnischen Gesichtspunkten orientiert sein wird* [11; 260]. Синекдоха *der deutsche Kaufmann und Fabrikant*, обозначающая отдельного представителя всего круга немецких коммерсантов и фабрикантов, подчеркивает тематическую направленность и целевую аудиторию издания.

Выражается надежда на создание добрососедских отношений с Востоком, на возобновление немецко-российского товарообмена, на восстановление порядка в России: *Man kann daher mit ziemlicher Bestimmtheit annehmen, dass, falls es uns gelingen sollte, in der Tat ein freundschaftlich-nachbarliches Verhältnis zum Osten herzustellen, der deutsch-russische Warenaustausch wieder aufleben wird, sobald einmal geordnete Verhältnisse in Russland zurückgekehrt sind. Die Wiederaufnahme der beiderseitigen Handelsbeziehungen dürfte sogar recht bald wieder erfolgen, da ebenso sehr wie Deutschland unter dem Mangel an Nahrungsmitteln und industriellen Rohstoffen leidet, auch der russische Markt von Industrieerzeugnissen aller Art fast völlig entblößt ist* [11; 260]. На основании анализа использования метафор *in der Tat ein freundschaftlich-nachbarliches Verhältnis zum Osten herzustellen* 'создать в действительности добрососедские отношения с Востоком', *der deutsch-russische Warenaustausch wieder aufleben wird* 'германо-российский товарооборот снова оживет', *sobald einmal geordnete Verhältnisse in Russland zurückgekehrt sind* 'как только возобновится (букв. вернется) порядок в России', можно проиллюстрировать особенности концептуализации немецким языковым сознанием экономических явлений в России в начале XX века.

За более чем 20-летнюю историю существования немецко-российского объединения к наиболее успешным видам деятельности автор относит среди прочего службу информирования, торгово-политическую деятельность, транспортную, установление новых контактов, поддержку членов объединения в сложных обстоятельствах, правовую помощь, защиту кредиторов, создание представительств, переводы: *Der Verein ist in seiner bald zwanzigjährigen Arbeit insbesondere auf nachstehenden Gebieten erfolgreich tätig: 1. Nachrichtendienst. Die Mitglieder des Vereins werden über alle wichtigen Fragen der wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und Russland unterrichtet, sei es durch unmittelbare Mitteilungen, durch Rundschreiben oder durch das Vereinsorgan*. Немецко-российское объединение, к которому апеллирует В. Хут, было призвано помочь в урегулировании проблем в германо-

российских торговых отношениях. Частотность употребления лексемы *Der D.-R.V.* в позиции субъекта свидетельствует о наличии антропоморфных признаков: *Der Verein ist tätig* 'объединение работает', *bringt die Wünsche zur Geltung* 'выполняет желания', *der D.-R.V. gewährt* 'гарантирует' и т. д.

Во 2-м пункте сфер деятельности немецко-российского объединения «Торгово-политическая деятельность» интерес вызывает сочетание *zwischen Deutschland und den russischen Staaten* 'между Германией и российскими государствами', имея в виду Украину, Прибалтику и Финляндию: 2. *Handelspolitische Tätigkeit. Der D.-R.V. ist bei der Vorbereitung und der Durchführung der Wirtschaftsverträge zwischen Deutschland und den russischen Staaten tätig und bringt die Wünsche der Mitglieder auf diesem Gebiete an den zuständigen Stellen nachdrücklichst zur Geltung.*

В 3-м и 4-м пунктах деятельности немецко-российского объединения следует выделить тематический ряд «Связи, отношения» в вопросах сбыта и транспортировки: 3. *Neue Verbindungen vermittelt der D.-R.V. seinen Mitgliedern durch Auskunftserteilung auf Grund der reichen Archive oder anzustellender Ermittlungen über die Absatzfähigkeit bestimmter Artikel und Beschaffung gangbarer Muster; desgleichen über Bezugsquellen für Rohwaren und für Fabrikate.* 4. *In Verkehrfragen gewährt der D.-R. V. Unterstützung bei der Ermittlung der künftigen Frachtverhältnisse für bestimmte Relationen und Vermittlung billigster Transportmöglichkeiten.*

Необходимость поддержки как членов объединения, так и поставщиков или покупателей в случае спорных ситуаций, а также урегулирование возникших экономических конфликтов подчеркиваются в 5-м и 6-м пунктах деятельности немецко-российского объединения: 5. *Unterstützung der Mitglieder bei Schwierigkeiten, welche ihnen aus ihrem geschäftlichen Verkehr mit Zoll-, Verkehrs- und sonstigen Verwaltungsbehörden des anderen Landes entstehen.* 6. *Schlichtung von geschäftlichen Streitigkeiten zwischen Mitgliedern und Lieferanten oder Abnehmern.*

Лексемы с юридической семантикой в 7-м и 8-м пунктах свидетельствуют о важности правовой грамотности, контроля и корректности осуществления деятельности с обеих сторон: *Rechtshilfe* 'правовая помощь', *Rechtsbeistände* 'поверенные', *Gläubigerschutz* 'правовая защита кредиторов', *Rechtsabteilung* 'правовой отдел' и др.: 7. *Rechtshilfe wird geleistet durch ständige Rechtsbeistände in allen wichtigeren Plätzen Russlands unter sachkundiger Unterstützung und Kontrolle durch die Rechtsabteilung der Hauptgeschäftsstelle.* 8. *Gläubigerschutz. Der D.-R.V. ist seinen Mitgliedern in dem Inkasso aller Forderungen behilflich. Er bildet zusammen mit dem Verein der Fabrikanten und Exporteure für den Handel*

mit Russland, Remscheid, den Deutsch-Russischen Wirtschaftsausschuss, dessen Abteilung "Gläubigerschutz", Berlin SW 11, Königgrätzer Straße 104 (Telephon: Kurfürst 5784), als Abteilung "Russland" des "Deutschen Gläubigerschutzvereins für das feindliche Ausland" die vor dem Kriege entstandenen Forderungen deutscher Firmen in Russland zu regulieren hat. Der "Deutsche Gläubigerschutzvereins für das feindliche Ausland" ist von der Regierung errichtet und unterstützt. В 8-м пункте привлекает внимание словосочетание *Der "Deutsche Gläubigerschutzvereins für das feindliche Ausland"*, представляющее собой название немецкого объединения по защите прав кредиторов для букв. *das feindliche Ausland* 'враждебной заграницы' – *feindlich*: 1) враждебный, неприязненный; 2) вражеский, неприятельский. Данное объединение было создано и поддерживалось правительством Германии.

В заключительных трех пунктах деятельности немецко-российского объединения речь идет о корректном и своевременном информировании членов объединения, о создании представительств для этой цели по России, а также о переводах для членов объединения: 9. *Auskunfts-wesen. Auf Grund der in zwei Jahrzehnten angesammelten Erfahrungen und durch Verbindung mit Auskunfteien sowie durch zahlreiche Mitarbeiter in Russland ist der D.-R.V. in der Lage, Mitgliedern Auskünfte über russische Firmen zu erteilen.* 10. *Beschaffung von Vertretern und Vertretungen. Der D.-R.V. weist seinen Mitgliedern landes- und branchenkundige Vertreter in allen Orten Russlands nach; die durch den D.-R.V. nachgewiesenen Vertreter bieten die größtmögliche Gewähr bester Wahrung der Interessen ihrer Auftraggeber.* 11. *Übersetzungen (russische, ukrainische, finnländische, polnische, estnische usw.) erfolgen für Mitglieder, soweit sie der Geschäftsstelle ausgeführt werden können, kostenlos, im Übrigen gegen Erstattung der Selbstkosten* [11; 265].

Таким образом, в исследуемом произведении выделяются следующие наиболее важные компоненты, отражающие отношение немцев к России в начале XX века: 1) в немецком источнике доминирует лексика, связанная со сферой «Экономика» и в меньшей степени представлены слова-наименования политических понятий; 2) в континууме преобладает пространственная модель выражения отношения «Германия – Россия», характеризующаяся семантическим рядом с ядерной семьей «соседний»: метафорическая модель «Россия – Восток», «Россия – сосед», в которой Германия и Россия наделяются антропоморфными чертами, а посредством ориентационной метафоры подчеркивается важность экономической составляющей в отношениях с Россией в начале XX века; 3) для анализируемого материала характерны прямые номинации с семьей «отношение» с преобладанием выра-

жения надежды на восстановление прежнего уровня торговых взаимоотношений, на продолжение существования германо-русского объединения для осуществления торгово-экономической деятельности. На основе полученных результатов следует подчеркнуть, что

в языке отражается этническое своеобразие. Исследования в области языка как выразителя национальных представлений о мире, другом народе являются важной составляющей при выстраивании международных, межэтнических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.
3. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
4. Орлова О. Г. Россия // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 446–458.
5. Поповская (Лисоченко) Л. В. Лингвистический анализ художественного текста. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 512 с.
6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
7. Урусова О. А. Америка // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 254–268.
8. Цзюань Лю. Путешествие // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 425–434.
9. Шемарова В. А., Гайсина Р. М. Встреча, приветствие, прощание, расставание // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 277–293.
10. Die deutsch-russischen Kulturbeziehungen seit 1991. Literaturauswahl mit einer Einführung von Prof. Dr. Wolfgang Eichwege. Stuttgart: Institut für Auslandsbeziehungen, 2003. 49 s.
11. Russland und der deutsch-russische Waren-Austausch von Dr. Walter Huth. 1920, Nieder-Ramstadt bei Darmstadt: Verlagsbuchhandlung. 358 s.

Sukhareva N. P., Cherepovez State University (Cherepovez, Russian Federation)

COGNITIVE-CONCEPTUAL APPROACH AS INTERPRETATION BASIS OF GERMANS' ATTITUDE TOWARD RUSSIA IN EARLY XX CENTURY (BASED ON "RUSSLAND UND DER DEUTSCH-RUSSISCHE WAREN-AUSTAUSCH" VON DR. WALTER HUTH)

The article is devoted to the problem of describing Germans' attitude toward Russia in the early XX century. The cognitive-conceptual approach is used as a basic methodological approach of the research. Lexical semantics reflecting the Germans' attitude is the subject of the study. Lingvocultural features are also considered.

Key words: cognitive-conceptual approach, concept "relation", German-Russian relations, lingvocultural modeling

REFERENCES

1. *Antologiya konceptov* [The anthology of concepts] / Under the editorship of V. I. Karasik, I. A. Sternina. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 512 p.
2. Karasik V. I., Jarmahova E. A. *Lingvokul'turnyi tipazh "angliyskiy chudak"* [Lingvocultural type "the English odd fellow"]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 240 p.
3. Krasavskiy N. A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh. Monografiya* [Emotional concepts in German and Russian lingvocultures. Monography]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 374 p.
4. Orlova O. G. Russia [Rossiya]. *Antologiya kontseptov*. Moscow, Gnozis Publ., 2007. P. 446–458.
5. Popovskaya (Lisochenko) L. V. *Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of the art text]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 512 p.
6. *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy. T. 3. Imena sushchestvitel'nyye s abstraktnym znacheniem. Bytiye. Materiya, prostranstvo, vremya. Svyazi, otnosheniya, zavisimosti. Dukhovnyy mir. Sostoyaniye prirody, cheloveka. Obshchestvo* [Russian semantic dictionary. The definition dictionary systematized on classes of word's meaning. Vol. 3. Nouns with abstract value. Life. Matter, space, time. Communications, relations, dependences. Inner world. State of nature, person. Society]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 720 p.
7. Urusova O. A. America [Amerika]. *Antologiya kontseptov*. Moscow, Gnozis Publ., 2007. P. 254–268.
8. Tszyuan' Lyu. Traveling [Puteshestviye]. *Antologiya kontseptov*. Moscow, Gnozis Publ., 2007. P. 425–434.
9. Shemarova V. A., Gaysina R. M. Meeting, greeting, farewell, parting [Vstrecha, privetstviye, proshchaniye, rasstavaniye]. *Antologiya kontseptov*. Moscow, Gnozis Publ., 2007. P. 277–293.
10. Die deutsch-russischen Kulturbeziehungen seit 1991. Literaturauswahl mit einer Einführung von Prof. Dr. Wolfgang Eichwege. Stuttgart: Institut für Auslandsbeziehungen, 2003. 49 s.
11. Russland und der deutsch-russische Waren-Austausch von Dr. Walter Huth. 1920, Nieder-Ramstadt bei Darmstadt: Verlagsbuchhandlung. 358 s.

Поступила в редакцию 14.08.2012

МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА ДЕГТЯРЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры культуры и журналистики гуманитарного факультета, Вятский государственный университет (Киров, Российская Федерация)

marina_kor2012@mail.ru

НИНА ФЕДОРОВНА ЕРМАКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)

ninanina21@yandex.ru

ТАЙНА СЛОВА НЕВОЗМОЖНО

(к филологическому комментарию стихотворения И. Ф. Анненского «Невозможно»)

Представлено одно из прочтений стихотворения И. Ф. Анненского «Невозможно». Филологический комментарий стихотворения И. Ф. Анненского «Невозможно» выполнен с опорой на анализ изобразительного потенциала концептуально значимой единицы «*невозможно*». Характеристика звукового ряда стихотворения и такого стилистического приема усиления звуковой выразительности художественной речи, как аллитерация, исследование смысловой значимости поэтического окказионализма «*бело-тревожно*», значения и конструктивной роли оксюморона «*невозможное возможно*» позволили уточнить содержание понятия «*поэтический гипноз*», введенного в филологическое пространство И. Ф. Анненским.

Ключевые слова: И. Ф. Анненский, слово в поэтическом тексте, аллитерация, звукоярд, оксюморон, поэтический окказионализм

Жизнь и творческая судьба поэтов складываются по-разному. Есть фигуры поистине трагические: даже наиболее просвещенные читатели остаются чужды их стихам, они подвергаются нападкам «литературной черни», они остаются «неузнанными» в этой жизни. По выражению С. К. Маковского, мы мало ценим и не бережем «больших людей», они уходят почти незаметно, и, «когда их уже нет, спохватившись, мы сплетаем венки на траурных годовщинах...» [5; 319]. Эти слова в полной мере могут быть отнесены к личности Иннокентия Федоровича Анненского, которая осталась во многом загадкой для современников. И, может быть, потому, что он был одним из первых. Анненский, по собственному признанию, начал писать стихи в 1870-е годы, когда слово *символист* было еще неизвестно. Критики от литературы, его современники называли Анненского мистиком в поэзии. По достоинству его своеобразная, сложная, парадоксальная, изысканная, «воздушная» лирика, его вклад в развитие русской поэзии XX века и становление принципов эстетики символизма как литературного направления были оценены посмертно. Ключом к пониманию его жизни и творческих принципов, значения его личности и поэзии для русской литературы и культуры могут быть слова А. А. Ахматовой из стихотворения «Учитель» (Памяти Иннокентия Анненского):

Кто был предвестьем, предзнаменованьем
Всего, что с нами после совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленье...
[2; 152–153].

В посмертной статье «Что такое поэзия?» сам Анненский дает определение поэзии, которое во многом раскрывает принципы и методы его творчества. Поэзии приходится «говорить» словами, сила, ценность и красота которых «заключается в *поэтическом гипнозе*», и этот поэтический гипноз «*оставляет свободной мысль человека и даже усиливает в ней ее творческий момент*» (выделено нами. – М. Д., Н. Е.)» [5; 345]. «Ни одно великое произведение поэзии, – подчеркивал И. Ф. Анненский, – не остается досказанным при жизни поэта, но зато в его символах надолго остаются как бы вопросы, влекущие к себе человеческую мысль» [5; 345]. Ценность, красоту и «тайну» поэтического слова разгадывает сам читатель.

Таким стихотворением, тайну слов которого продолжают постигать современные читатели и исследователи, является стихотворение «Невозможно». Приведем его текст:

Есть слова – их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,
Но меж них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, *невозможно*.
Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.
Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Эти ве, этих зэ, этих эм
Различить я сумел дуновенья.
И, запомнив, невестой в саду

Как в апреле тебя разубрали, –
 У забитой калитки я жду,
 Позвонить к сторожам не пора ли.
 Если слово за словом, что цвет,
 Упадает, белея тревожно,
 Не печальных меж павшими нет,
 Но люблю я одно – *невозможно* [1; 243].

Центральным поэтическим образом стихотворения является само слово *невозможно*. Лирический герой и поэт разгадывают его тайну и рассматривают это слово с разных сторон. Вынесенный в заглавие и дважды повторяемый в тексте стихотворения безличный предикатив *невозможно* наполняется особым эмоциональным содержанием, стягивает к себе единицы, связанные единством фонических элементов, и взаимодействует с ними на фонетическом и смысловом уровнях. В 1–4-й строках раскрываются магия заклинания, «поэтический гипноз» звукового облика слов. Повторение сонорных плавных [н-н'], [м-м'], фрикативных [в-в'], [з], [ж], порядок слов, ритм и тон: *Есть слова – их дыханье, что цвет, / Так же нежно и бело-тревожно, / Но меж них ни печальнее нет, / Ни нежнее тебя, невозможно* погружают читателя в сферу звуковых ассоциаций, «делают музыку» поэтической строки, совпадающую с образной структурой стихотворения. Среди слов, объединенных приемом аллитерации, концептуально значимым является поэтический окказионализм *бело-тревожно*. Его первый компонент со значением цвета соотнесен и с образом невесты: ее белые одежды и венец символизируют чистоту и невинность, а *белевшие руки* указывают на то, что лирическая героиня умерла, и с образом белой хризантемы – «прекрасное прекрасной» [7; 209] – символа смерти, похоронного обряда, грусти и печального настроения: *Мне явились мерцанья могил / И сквозь сумрак белевшие руки; Но лишь в белом венце хризантем; ...Что цвет, / Упадает, белея тревожно, / не печальных меж павшими нет...* Необходимо подчеркнуть, что лексические единицы, содержащие сему 'белый', в поэтических текстах И. Ф. Анненского наполнены особым авторским смыслом и связаны с символикой смерти, забвения, тоски [6; 382–388, 503 и др.]: *Нам с тобой, елинка, / Забыть под снегом* («Ель моя, елинка») [1; 167]; *А в стражах бледного Эреба / Окаменело столько мук...* («Сирень на камне») [1; 93]; *Уж вот они, снежные дымы, / С них глаз я свести не могу: / Сейчас разминутся должны мы / На белом, на мертвом снегу* («Тоска миража») [1; 124] и др. Что касается второго компонента, то он передает внутреннее душевное состояние лирического

героя, которого тревожит сама мысль о том, что умершая возлюбленная может быть забыта им.

10-я, 11-я, 12-я строки стихотворения *Перед первой угрозой забвенья, / Эти ве, этих зз, этих эм / Различить я сумел дуновенья...* дают читателю возможность подойти к раскрытию «тайны» значения слова *невозможно* через осмысление меняющегося лишь на короткое время отношения лирического героя к лирической героине. Из слова *невозможно*, передаваемого поэтом набором букв, «выпадает» первая эн, и складывается, «читается» слово *В-о-З-М-о-ж-н-о*. Рождается оксюморон «*невозможное возможно*», отражающий сложность души человека, живущего между памятью и забвением.

Сам поэт хорошо знал, как много дает любовь, поэтому нам понятно, почему, пусть на короткое время, лирический герой допускает мысль об измене памяти умершей возлюбленной. Эту мысль, еле ощутимую, неосознанную, «воздушную», передает у Анненского слово *дуновение* 'легкое движение (воздуха)' [3; 425]. Возможность забвения проскальзывает в душе героя, однако «сторожа памяти» (*Позвонить к сторожам не пора ли...*) напоминают ему: забыть возлюбленную невозможно. Значимым оказывается выбор последнего слова стихотворения: *Но люблю я одно – невозможно*, потому что лирический герой выбирает память.

В. И. Анненский-Кривич отмечал особенность И. Ф. Анненского – требовательность, упорную работу над тем, что в поэзии традиционно называют формой [5; 348–349]. Замена одного слова или целой строки в беловых вариантах и более поздних списках, поиск «незаказанной заранее рамы», вмещающей глубокую мысль и сильное чувство [4; 26], служили одному – живой звук выбранных слов не преобладал над смыслом, а передавал смысл всего сущего, выстраданного и осмысленного поэтом. И. Ф. Анненский – поэт глубокого дарования – сумел не только найти то единственное слово, которое отражало его душевный порыв, но и дал нам, читателям, возможность самим размышлять, домысливать, угадывать, насыщать слово смысловыми приращениями и, по выражению поэта, «тоже быть немножко поэтами» [5; 345].

С полным правом стихотворение «Невозможно» Иннокентия Федоровича Анненского мы относим к лучшему, что написано поэтами о вечной любви: в нем «слезы наших воспоминаний... лучи наших грез... силуэты милых нам лиц...» [5; 345].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненский И. Ф. Кипарисовый ларец. М.: Книга, 1990. 368 с.
2. Ахматова А. А. Венок мертвым. I. Учитель (Памяти Иннокентия Анненского) // Ахматова А. А. Избранное. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2012. 176 с.
3. Большой академический словарь русского языка. Т. 5. М.; СПб.: Наука, 2006.

4. Дегтярева М. В., Ермакова Н. Ф. Оппозиция «близкий – далекий» как художественный прием интерпретации текста (на материале стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон») // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2012. № 5. С. 25–30.
5. Маковский С. К. Портреты современников <фрагменты> // Иннокентий Анненский глазами современников / К 300-летию Царского Села: [Сборник]. СПб.: ООО «Изд-во Росток», 2011. С. 319–353.
6. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во Русские словари»; ООО «Транзиткнига», 2004. 666 [6] с.
7. Шекспир В. Гамлет, принц датский // Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 8. М.: ТЕРРА, 1994. С. 5–238.

Degtyareva M. V., Vyatka State University (Kirov, Russian Federation)
Ermakova N. F., Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation)

SECRET OF THE WORD “IMPOSSIBLE” (TO PHILOLOGICAL COMMENTARY OF I. F. ANNENSKY’S POEM “IMPOSSIBLE”)

The philological commentary of I. F. Annensky’s poem “Impossible” is executed by means of the analysis of graphic potential of such conceptually significant unit as “impossible”. The study and characterization of a sound number of elements in the poem facilitated in advancing philological commentary of the poem. Such stylistic methods of strengthening sound expressiveness of the speech as alliteration, research of semantic importance of such poetic nonce word as “the white is disturbing”, the value and constructive role of the oxymoron “impossible is possible” allowed us to specify the content of the concept “poetic hypnosis” initially introduced into philological space by I. F. Annensky.

Key words: I. F. Annensky, the word in the poetic text, alliteration, a sound row, an oxymoron, a poetic nonce word

REFERENCES

1. Annenskiy I. F. *Kiparisovyy larets* [Cypress larets]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 368 p.
2. Akhmatova A. A. Wreath of the dead. I. Teacher (Innokenti Annensky’s Memories) [Venok mertvym. I. Uchitel’ (Pamyati Innokentiya Annenskogo)]. *Akhmatova A. A. Izbrannoe* [Favourites]. Moscow, 2012. 176 p.
3. *Bol’shoy akademicheskij slovar’ russkogo yazyka* [Big Academy dictionary of the Russian language]. Vol. 5. Moscow; St. Petersburg, Nauka Publ., 2006.
4. Degtyareva M. V., Ermakova N. F. Opposition “close – far” as an artistic device of text interpretation (on M. Lermontov’s “Dream”) [Oppozitsiya “blizkiy – dalekiy” kak khudozhestvennyy priem interpretatsii teksta (na materiale stikhotvoreniya M. Lermontova “Son”)]. *Vestnik MGOU. Ser. “Russkaya filologiya”* [The Messenger of MGOU. Russian Philology series]. 2012. № 5. P. 25–30.
5. Makovskiy S. K. Portraits of contemporaries <fragments> [Portrety sovremennikov <fragmenty>]. *Innokentiy Annenskiy glazami sovremennikov* [Innokenti Annensky eyes of contemporaries]. St. Petersburg, 2011. P. 319–353.
6. *Slovar’ yazyka poezii (obraznyy arsenal russkoy liriki kontsa XVIII – nachala XX v.* [The poetic diction dictionary (a figurative arsenal of the Russian lyrics of the end of XVIII – the beginning of the XX century)]. Moscow, 2004. 666 [6] p.
7. Shkspir V. Hamlet, Prince of Denmark [Gamlet, prints datskiy]. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 14 t. T. 8* [Shakespeare. Complete works: In 14 vol. Vol. 8]. Moscow, TERRA Publ., 1994. P. 5–238.

Поступила в редакцию 12.11.2013

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
vnz01@yandex.ru

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ АВТОГРАФ ДОСТОЕВСКОГО: Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И С. П. КОЛОШИН*

В архиве русского историка, издателя и журналиста М. П. Погодина, который хранится в Российской государственной библиотеке, находится неопубликованный автограф Достоевского. Это текст Ф. М. Достоевского на записке Погодина, поступившей в редакцию «Эпохи» во второй половине (скорее всего, в декабре) 1864 года. По рекомендации Ивана Аксакова и Михаила Погодина к участию в журнале был привлечен журналист и критик Сергей Колошин (1825–1868), живший в то время в Италии. Всего в «Эпохе» были напечатаны две его статьи. В сентябре – октябре 1864 года Достоевский безуспешно пытался добиться цензурного разрешения на публикацию статьи Колошина о польском вопросе. Другие материалы не были приняты к печати. По запросу Погодина редакция вернула отклоненные статьи Колошина. В своем ответе Достоевский информирует Погодина о том, что после июня 1864 года была опубликована лишь одна статья Колошина об иезуитах (7 страниц), за которую он назначает 15 рублей гонорара «по роду статьи». Расчет был произведен 25 февраля 1865 года. Ответ Достоевского раскрывает драматические обстоятельства сотрудничества Колошина с журналом «Эпоха». В записных книгах писателя за 1864–1865 годы имя Колошина упоминается 13 раз за шесть месяцев, была редакционная переписка, но сохранились лишь письма Колошина Михаилу и Федору Достоевским, не известны их письма Колошину. Что стало с архивом русского литератора, умершего во Флоренции 27 ноября (9 декабря) 1868 года? Необходимы поиски писем Достоевского Колошину.

Ключевые слова: Достоевский, неопубликованный автограф, журнал «Эпоха», Сергей Колошин, Михаил Погодин

Неопубликованный автограф Достоевского лежит у всех на виду: он давно внесен в опись М. П. Погодина в РГБ¹, но на него не обратили внимания исследователи. Это текст Достоевского на записке Погодина в редакцию журнала «Эпоха». Записка не датирована, но можно указать хронологические границы, когда она написана и когда дан ответ Достоевского. Об этом позже, сначала по порядку.

10 февраля 1864 года И. С. Аксаков обратился к издателю и редактору «Эпохи» М. М. Достоевскому с просьбой привлечь к сотрудничеству разорившегося издателя журнала «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» (1861–1863), журналиста и критика Сергея Петровича Колошина. Тот по болезни жил и бедствовал в Милане, в Италии, нуждался в заработках.

Получив согласие, И. С. Аксаков 20 марта 1864 года выслал две статьи Колошина, позже его статьи поступали в редакцию от М. П. Погодина.

Последняя передача состоялась летом 1864 года, когда проездом за границу М. П. Погодин на несколько дней остановился в Петербурге.

Сначала он обратился к редактору «Эпохи» с просьбой о личной встрече:

«Неугодно ли будетъ Милости<во>му Государю Михаилу Михаил<овичу> или Ѳедору Михайловичу повидаться со мною и получить отъ меня статью Г<осподина> Колошина? Я остановился въ Бассейно<й>, въ домѣ Кокорева. Нынѣ, *Середа*, весь день дома. Завтра утромъ и вечеромъ. А въ пятницу думаю выѣхать за границу.

Я былъ бы у ва<съ> самъ, но съ бумагами неудобно. Извините и безъ церемоній пожалуйста.

Вашъ

Покор<ный> слуга

М<.> Погодинъ» (РГБ. Ф. 231.1. К. 45. Ед. хр. 124).

Судя по всему, письмо написано в 20-х числах июня, когда Михаил Михайлович уже был смертельно болен, а Федор Михайлович выехал в Москву и не мог заменить брата. Слева на полях сделана приписка М. М. Достоевского, вместе с письмом отосланная И. Г. Долгомостьеву:

«Сдѣлайте одолженіе, добрѣйшій Иванъ Григорьевичъ, сѣздите къ М. П. Погодину и скажите ему, что мнѣ очень жаль лишиться случая познакомиться съ нимъ. Я бол[е]/ѣ/нь и прїѣду въ городъ развѣ дня черезъ три. Весь Вашъ М. Дост<оевскій>» (Там же).

По каким-то причинам и эта встреча не состоялась, и, уезжая, М. П. Погодин оставил статьи Колошина, которые тот ранее печатал в «Современной летописи» Каткова:

«На всякой случай оставляю письма Колошина, которая до сих поръ печатались въ Современной Лѣтописи».

Первое, 37; послѣднее 49.

Недостаётъ 46, вѣроятно по опискѣ, [пото] судя по числамъ послѣ 45 тотчасъ слѣдуетъ 47.

Т. е. авторъ написалъ 47 вмѣсто 46.

Ихъ надо печатать и особыми оттисками 1200 по прилагаемому образцу, начатому въ Современной Лѣтописи, съ новой нумераціей. Разсчитать сдѣлаете послѣ.

О Деньгахъ я писалъ вамъ. Прошу и теперь.

Благоволите послать Milan, poste restante, рублей 300. Въ прилагаемыхъ письмахъ, съ прежними старыми, вы имѣете уже оригиналу болѣе этой суммы.

Только прошу васъ не медлить: человѣку, и больному, крайность!» (Там же).

Публикация не состоялась, редакция вернула статьи Колошина. По этому поводу появилась еще одна записка Погодина, которая начинается с недоразумения. За лето тот явно забыл об описке С. П. Колошина в нумерации писем и запутался сам:

«Изъ возвращенныхъ статей Г<осподина> Колошина недостаётъ письма 47, и нѣсколькихъ листиковъ изъ прочихъ статей.

За напечатанныя статьи благоволятъ редакція Эпохи отправить деньги <нрзб.> или въ Миланъ, или къ Ив. Серг. Аксакову.

Получилъ онъ только за первую статью напечатанную в началѣ года, 65 р. с.» (РГБ. Ф. 231.1. К. 45. Ед. хр. 124).

Просьба и напоминание Погодина касались денежных расчетов. Достоевский обратился за разъяснениями. На полях записки дана справка сотрудника редакции (скорее всего, секретаря И. Г. Долгомостьева):

«о Іезуитахъ упоминаніе объ одномъ иностранномъ сочиненіи» (Там же).

На обороте содержится ответ Достоевского Погодину. Этот текст не привлек внимание исследователей – он не опубликован:

«Кромѣ маленькой статейки в 7 страничекъ с Іюня 1864 ничего не было напечатано.

За эт[о]/и/ 7 страницъ по роду статьи, полагаю 15 руб.

Федоръ Достоевскій

<подпись с росчерком. – В. 3.>» (Там же).

Казалось бы, деловой текст, никакой философии, эстетики. Что стоит за этими словами? Каков их смысл?

В журнале «Эпоха» С. П. Колошин опубликовал две статьи.

В мартовском номере, который вышел 3 мая 1864 года, напечатана статья «Рим, Папа и Антонели. Политический Очерк»², за которую автору сразу был выписан и выдан гонорар.

Другая статья, за которую ко времени запроса Погодина гонорар не был выплачен, – «Иезуиты и их уложение», опубликованная в шестом номере «Эпохи» (ц. р. 20.VIII.1864; вых. 30.VIII.1864)³.

Справка Долгомостьева отсылается именно к этой статье.

Примерно в то же время, когда статья об иезуитах благополучно миновала цензуру, Достоевский получил письмо Колошина, высланное из Милана 11 августа.

В этом письме Колошин выражает свои соболезнования по поводу смерти Михаила Михайловича и просит в виду стесненных обстоятельств выслать ему «хоть сколько-нибудь денег»:

«Миланъ 11го авг<уста> 64.

Въ редакцію «Эпохи»

Увидѣвъ въ *Siècle* извѣстіе о кончинѣ М. М. Достоевскаго, я бы этому не повѣрилъ, но такъ какъ я въ два мѣсяца не могъ дожидаться на нѣсколько писемъ отвѣта отъ редактора «Эпохи», то долженъ допустить, что на этотъ разъ французская газета не соврала. Душевно сожалью о смерти М. М., если онъ умеръ, я тѣмъ не менѣе, не имѣя въ П<етер>бургѣ корреспондента и находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, [нахожусь] вынужденъ [<нрзб.>] просить Ѳедора Михайловича или то лицо, которое завѣдываетъ теперь «Эпохою»: 1) увѣдомить меня продолжать ли мнѣ доставку статей для журнала, 2) если какіе-либо рукописи мои напечатаны, или даже еще и не напечатаны, выслать мнѣ хоть сколько-нибудь денегъ. Пусть просьба моя выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, я надѣюсь, что «Эпоха» не вмѣнитъ мнѣ ее, ради исключительности моего заграничнаго положенія, и съ своей стороны обязуюсь употребить всѣ силы, чтобы отплатить ей за чрезвычайное одолженіе, котораго буду ожидать съ нетерпѣніемъ.

С. Колошинъ

Адресъ. Regno d'Italia Milano. Via San-Martino 3. rosso. Sergio Koloscin» (РГБ. 93.II. К. 5. Ед. хр. 87).

В редакционном дневнике по журналу, которым стала его записная книжка, начиная с 22 августа одна за другой появляются записи:

«22 Августа. Написать: Колошину» (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 145).

«/26, 3 часа ночи/ — <...> Прочесть Колошина о литературѣ по польскому вопросу» (Там же. С. 143).

4 сентября помета: «— О Колошинѣ» (Там же. С. 140).

6 сентября: «О Колошинѣ. Отвѣчать на его письмо» (Там же. С. 140).

27 сентября: «Колошину непременно» (Там же. С. 137).

6 октября: «Колошину непременно» (Там же).

В июльский номер, который был в производстве в конце августа и в сентябре (ц. р. 19. IX. 1864; вых. 29. IX. 1864), Достоевский ставил статью Колошина о польском вопросе, что указано в программе номера:

«Колошинѣ о польскихъ книгахъ 2 <листа>» (РГБ. Ф. 93.I. К. 2. Ед. хр. 7. С. 32).

Статья Колошина планировалась и в августовском номере (ц. р. 22. X. 1864; вых. 27. X. 1864). Она указана в его оглавлении:

«NB — Колошина —» (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 4).

В сентябре – октябре 1864 года Достоевский пытался опубликовать Колошина, однако ни в одном из вышедших номеров статья не появилась. Почему она не была опубликована, ответ очевиден. Польский вопрос – опасная тема для «Эпохи», цензоры старались избегать его, чтобы лишний раз не напоминать о судьбе «Времени».

15 сентября Достоевский отмечает в записной книжке:

«Польша и ея конфедерация<,> черезъ 3 недѣли отвѣтъ» (Там же. С. 14).

Вероятно, это и есть название статьи Колошина. Запись явно относится ко времени рассмотрения статьи в цензурном комитете и объясняет, почему статья не вышла в июльском номере, была перенесена в августовский – и не вышла совсем. Цензурного разрешения не было ни «через три недели», ни позже⁴.

Когда появилась записка Погодина и был дан ответ Достоевского? Текст имеет четкие хронологические границы: он мог быть написан после 20 августа, но до 5 января 1865 года. Можно уточнить: вряд ли окончательный расчет был актуален в сентябре – октябре, когда решалась судьба статьи о польском вопросе, шла переписка редактора с автором, но это обращение стало неизбежным после запрета статьи цензурой и выхода в конце октября августовской книжки «Эпохи».

Учитывая время доставки писем по маршруту Петербург – Москва – Милан – Москва – Петербург, неопубликованные статьи и расчет

могли быть затребованы Погодиным в декабре 1864 года.

В начале января в «редакционном дневнике» появилась запись:

«5 Января — Деньги *Колошину*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 134).

Когда возникло это обязательство? Вероятно, вскоре после назначения гонорара, после выяснения, какие статьи Колошина были опубликованы в «Эпохе», то есть после обращения Погодина.

2 февраля Достоевский снова заносит в книгу:
«Деньги — Калошину

_____ Бунакову
_____ Гериху
_____ Оедорову» (Там же.

С. 133).

Расчет был произведен 25 февраля 1865 года, о чем имеется запись, предпоследняя в гонорарной книге:

«Февр<алю> 25. За статью Г<осподина> Колошина напечатанную въ Юньской книжкѣ Эпоха 1864 г. получилъ для доставленія Г<осподину> Колошину пятнадцать рублей И. Золотаревъ 15» (РГБ. Ф. 93.I. К. 3. Ед. хр. 22. Л. 18 об.).

Эта выплата подтверждена в приходно-расходном журнале по изданию журналов «Время» и «Эпоха»:

«25 Колошину за ст<атью> въ Юнѣ 15» (РГБ. Ф. 93.I. К. 3. Ед. хр. 21. Л. 74).

Так закончилось сотрудничество Колошина с редакцией «Эпохи».

Журнал доживал последние дни.

За невыразительным канцеляритом деловой речи скрывалась драма автора и редактора. Редактор хотел, но фатально не мог помочь человеку, оказавшемуся в беде: неудачно складывались обстоятельства, неумолимо надвигалась катастрофа журнала.

Из редакционной переписки сохранились лишь письма С. П. Колошина М. М. и Ф. М. Достоевским. Не известны письма Достоевских Колошину. Они касались его сотрудничества с «Эпохой», публикации статей, расчетов за них. Что стало с архивом умершего на чужбине русского литератора? Нужно искать архив Колошина, письма Достоевского и начинать поиск нужно во Флоренции, где Колошин умер 27 ноября (9 декабря) 1868 года.

Примерно в те же дни, когда умер Колошин, во Флоренцию приехали Достоевские. О планах перебраться «в конце ноября» из Милана во Флоренцию, где были русские газеты и жизнь казалась дешевле, Достоевский писал С. А. Ивановой 26 октября (7 ноября). Переезд и состоялся

в конце ноября – начале декабря. 5 (17 декабря) Достоевский уже оплатил месячный абонемент Флорентийской библиотеки. Встреча Федора Михайловича с умирающим литератором маловероятна, практически исключена. Впрочем, русская диаспора во Флоренции была мала, в то время там были два русских домовых храма: один в палаццо графа Бутурлина, второй – в палаццо Сан-Донатто Демидовых, у которых в Ни-

кольском храме служил постоянный священник. Вполне возможно, что Достоевский участвовал если не в отпевании, то в поминальных службах по усопшему товарищу. Вполне возможна и даже неизбежна эта зауспокойная встреча Достоевского с Колошиным.

Чтобы ответить на вопрос, что стало с письмами Достоевского Колошину, нужны новые исследования.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ссылки на рукописные и архивные источники содержат указание на место, фонд, единицу хранения со следующими сокращениями: РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусств; РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

² С. П. <Колошин С. П.>. Рим, Папа и Антонели. Политический Очерк // Эпоха. 1864. № 3. С. 98–119.

³ С. К-нь <Колошин С. П.>. Иезуиты и их уложение // Эпоха. 1864. № 6. С. 257–263.

⁴ Статьи С. П. Колошина трудно проходили цензуру. См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. С. 90.

Zakharov V. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

UNPUBLISHED AUTOGRAPH OF DOSTOYEVSKY: FYODOR DOSTOYEVSKY AND SERGEY KOLOSHIN

The archive of Mikhail Pogodin, a Russian historian, publisher and journalist, deposited in the Russian State Library, contains an unpublished autograph of Dostoevsky. This is a text written by Dostoevsky upon a note by Pogodin, which was received by the editorial board of the *Epoch* magazine in the second half (most probably in December) of 1864. Sergey Koloshin (1825–1868), a journalist and critic living at that time in Italy, was invited to contribute to the magazine upon recommendation of Ivan Aksakov and Mikhail Pogodin. In total, two of his articles were published in *Epoch*. In September–October of 1864 Dostoevsky tried to get a censor's permit to publish Koloshin's article on the Polish question. His other materials were not accepted for publication. On Pogodin's request, the editorial board returned the turned-down articles to Koloshin. In his response Dostoevsky informed Pogodin that only one article written by Koloshin, the one about Jesuits (7 pages), was published after June 1864 and that the fixed fee for the article was 15 rubbles "in accordance with the genre of the article". The payment was settled on February 25, 1865. Dostoevsky's response uncovers dramatic circumstances of Koloshin's collaboration with the *Epoch* magazine. The name of Koloshin is mentioned 13 times over the period of six months in the writer's notebooks for 1864–1865. From all editorial correspondence, only letters written by Koloshin to Mikhail and Fyodor Dostoevsky have survived. Their answer letters to Koloshin were not found. What happened to the archive of the Russian man of letters who died in Florence on November 27 / December 9, 1868? Dostoevsky's letters to Koloshin may still be waiting to be found.

Key words: Fyodor Dostoevsky, unpublished autograph, Epoch magazine, Sergey Koloshin, Mikhail Pogodin

Поступила в редакцию 18.11.2013

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verses@onego.ru

ВАЛЕРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА САКСА

магистр Межфакультетской магистерской группы по истории стран Северной Европы, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
saksa00@mail.ru

КОНЦЕПТ ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК*

Проведен сравнительный анализ наиболее значимых фрагментов текста (оригинала и перевода), раскрывающих один из ключевых концептов творчества Платонова – концепт детства – на лексическом, повествовательном, сюжетном и образном уровнях. Сделан вывод, что перевод К. Линдстен ориентирован на сохранение не только платоновского слова и словосочетания, но и образа. К. Линдстен удалось донести до шведского читателя главные значения концепта детства в художественной философии автора: социально-историческое, этическое, сакрально-футурологическое, онтологическое; передать метафорический план содержания концепта детства у Платонова как в его утопическом, так и антиутопическом значениях.

Ключевые слова: художественный концепт, метафора, поэтика, перевод на шведский язык, «Котлован» А. Платонова

Интерес к творчеству русского писателя-мыслителя XX века А. П. Платонова в Швеции начала нового столетия значительно вырос: за последние восемь лет три произведения автора (повести «Котлован» и «Джан», роман «Счастливая Москва») были переведены на шведский язык. Эти переводы принадлежат перу критика и журналиста, эксперта по детской литературе, переводчика художественной литературы с русского и белорусского языков Кайсы Линдстен (Kajsa Lindsten), прекрасно знающей русскую литературу и историю. Творчество Платонова – сфера ее особых читательских и переводческих увлечений. Повесть «Котлован» в переводе К. Линдстен вышла в 2007 году (Platonov Andrey. Grundgropen / Övers. Kajsa Öberg Lindsten, 2007. 191 s.).

Перевод литературных произведений с одного языка на другой – важнейший способ взаимодействия культур. Особая трудность перевода произведений А. Платонова на другие языки заключается в том, что его образно-понятийный язык характеризуется максимальным нарушением речевой практики и литературной нормы русского языка, а также предельно высокой смысловой «нагруженностью» каждого слова. Необычайно широка концептосфера творчества А. Платонова, в которой особое место занимает концепт детства. Л. Карасев полагает, что «принцип... “детского” в мире Платонова утверждался автором настойчиво и повсеместно – к нему может быть сведен любой из постоянных мотивов писателя» [4; 124]. Именно в художественном

развертывании концепта детства наблюдается предельная метафоризация платоновского текста. Исследователи считают «Котлован» одним из «самых загадочных и самых трудных для интерпретации текстов писателя» [2; 605]. Поэтому адекватный и максимально точный перевод концепта детства в «Котловане» на другой язык так важен для понимания произведения. Актуальна сама проблема определения художественного концепта. В анализе мы исходили из того, что в художественном концепте сложно взаимодействуют универсальное, национальное и индивидуально-авторское начала. Исследователи сходятся в том, что это «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества... универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [6; 41–42].

В «Котловане» были рассмотрены наиболее значимые фрагменты, раскрывающие концепт детства на лексическом, повествовательном, сюжетном и образном уровнях. В ходе анализа были выявлены следующие семантические планы концепта детства: 1. Онтологический: детство как начальный акт «драмы великой... жизни» [9; 253]. 2. Социально-исторический: метафора «детства», развернутая на начало строительства социализма в СССР. 3. Этический: судьба ребенка – нравственный индикатор общества.

4. Сакрально-футурологический: детство как более совершенная модель человечества.

Представляется важным гендерное содержание концепта детства в повести: как в системе детских персонажей, так и в повествовательной стратегии автора. В системе детских персонажей доминируют женские. Это позволило автору сюжетно и повествовательно связать концепт детства с культурно-историческим содержанием концептов «жизнь», «родина» и «Россия», а также придать ему сакрально-футурологическое содержание. Необходимо отметить, что в русском языке все три лексемы: «Россия», «родина», «жизнь» – имеют женский род, в то время как в шведском языке они принадлежат к среднему роду. Существенную роль здесь играет формальная категория рода: в шведском языке все существительные принадлежат либо к среднему, либо к общему роду. Названия городов, провинций, стран и континентов относятся к среднему роду, поэтому К. Линдстен перевела данные существительные, руководствуясь грамматическими правилами согласования шведского языка. Слово «родина» может переводиться на шведский язык несколькими вариантами: «hemland», «hembygd», «hemtrakt» или только наречием «hemma». При этом все они имеют общий корень «hem» («дом»). Это свидетельствует о том, что понятие «родина» в шведском языке (и шире – шведской культуре) тесно связано с темой дома и цивилизации, в то время как в русском языке лексема «родина» имеет общий корень с существительными «природа» и «народ». Строители в повести Платонова роют котлован для будущего «общепролетарского дома». Образ дома имеет расширенное символическое значение: это и дом «для детей», и город будущего, и социализм как новая политическая формация в рамках не только одной страны, но и в мировом масштабе. Так, чрезвычайно важная у А. Платонова идея дома как эквивалента нового жизнеустройства сохраняется и усиливается в шведском языке.

Мотивы сиротства, отсутствия семьи и дома – из постоянно звучащих в творчестве А. Платонова. «Бессемейные» (шв. «föräldralösa») – осиротевшие дети появляются уже на первых страницах повести и лейтмотивом проходят через все произведение. Первая массовая сцена детства, изобилующая в описании метафорами, – марш сирот-пионеров. В экспозиции эпизода Платонов показывает детей, родившихся в годы Гражданской войны: «Любая из этих пионерок родилась в то время, когда в полях лежали мертвые лошади социальной войны, и не все пионеры имели кожу в час своего происхождения, потому что их матери питались лишь запасами собственного тела; поэтому на лице каждой пионерки осталась трудность немощи ранней жизни, скудность тела и красоты выражения» [8; 24]. Метафора «трудность немощи ранней жизни» говорит не только

о тяжелых условиях, в которых дети растут, но и о «тяжести» самого роста: физического, психического и духовного. Сравнивая данную метафору с переводом на шведский язык: «präglades varje pionjärflickas ansikte av sjuklighet tidigt i livet» [10; 13] (дословно: «на лице каждой пионерки отпечаталась болезненность ранней жизни»), можно отметить, что в нем сохраняется платоновская двусмысленность: это не только физическая болезненность, но и психологическая неустроенность, а также «болезненность» социальных обстоятельств. Платоновское «не все дети имели кожу в час своего происхождения» трансформируется в «некоторые девочки были невыношенными в момент своего рождения» [10; 12]. Здесь уменьшается экспрессивность выражения. Прилагательное «невыношенный» по сфере употребления тяготеет к медицине, теряя тем самым эмоциональность. В то же время, как и в тексте оригинала, подчеркивается лютый голод социальной войны, когда матери пионеров «питались лишь запасами собственного тела». Существительное «происхождение» заменено в переводе на «рождение», тем самым акцент сделан на биологическом начале жизни. В таком варианте теряется коннотация социального происхождения, исторической связи / конфликта поколений. Писателю важно показать, что пионерки – сироты, сиротством «пролетаризированные» и очищенные от возможно классово чуждого прошлого. Это девочки, удочеренные революцией. Они, ровесницы Страны Советов, уже включены в социально-политическую жизнь: они – пионерки (в шведском переводе – «pionjärflickor»). Переводчица поняла и передала мысль писателя, усилив женское начало путем сложения двух лексем – пионеры и девочки, в то время как русско-шведский словарь дает одинаковый перевод лексемы «пионеры» как в мужском, так и в женском варианте – «pionjäg». Идут они военным «точным маршем», словно мальчишки, в матросках и беретах – все, как одна: идея равенства, полноценности, символически осуществленная в мужском гендере. При переводе на шведский язык прилагательное «точный» опускается, а существительное заменяется глаголом «маршировать». Глагол заменил номинативную конструкцию, но главное содержание сохранено: «марширующие девочки» передают «мужское», «милитаристское» содержание революционного движения общества в социалистическое будущее. Передан К. Линдстен и процесс деиндивидуализации. Менее удачно переведено словосочетание «мужающие тела», где не сохранен оксюморон (в переводе: «рано созревшие тела»). Образ «мужающих девочек» в оригинале – это и страховка природы, и социальный образец. Именно таким хочет государство видеть свое будущее.

Инвалид Жачев видит в девочках «нежность революции». Эта метафора в переводе на швед-

ский трансформирована в «*revolutionens ömtåliga plantor*» (нежные/хрупкие ростки революции). Переводчик сравнивает детей с нежной молодой порослью, хрупкости девочек придан флоральный оттенок. При переводе словосочетания К. Линдстен учитывает контекст: в марше пионеров есть эпизод, когда одна девочка выбегает из строя и срывает полевой цветок. Главный герой Вошев хочет «жить впереди детей, быстрее их смуглых ног, наполненных твердой нежностью». Метафора «твердая нежность» относится по классификации О. Ахмановой к метафоре ломаной, то есть противоречивой (смешанной), приводящей к объединению логически несовместимых понятий [1; 54]. Платонов прибегает к использованию оксюморона («твердая нежность») для того, чтобы обозначить всю сложность жизни и ее восприятия. К. Линдстен использует словосочетание «*beslutsam mjukhet*» (решительная мягкость). Мягкость, в отличие от нежности, – свойство более физическое, нежели душевное. Однако перевод данного оксюморона можно рассмотреть и с другой точки зрения. Мягкость – вполне платоновский эквивалент слова «нежность». Ярко выраженная в переводе физическая характеристика важна в платоновском понимании и изображении детства. Необходимо также заметить, что лексема «мягкость» в переносном значении имеет психологический смысл (мягкосердечный человек, мягкий характер), а решительность поступков – вполне детское свойство. Детство совмещает в себе оба качества. И с этой позиции найденный переводчицей вариант точно передает концепт детства в повести «Котлован».

Главным детским персонажем повести и персонафицированной надеждой строителей на осуществление счастья и истины является девочка Настя. Она для них – живой символ будущего. Образ Насти соотносится с образом Божественного вестника, ангела, покровительствующего человеку. В атеистическом мире с ней и ее поколением строители связывают надежду на свое научное воскрешение в социалистическом будущем. Настя живет на котловане, «покинутая без родства среди людей». На социалистической стройке девочка вынуждена все время отрекаться от своего происхождения, скрывать, что ее мать Юлия – «буржуйка» (шв. – «*kvinna från borgarklassen*», дословно: «женщина из буржуазного класса»). Характеристика «покинутая без родства среди людей» на шведский язык переведена как «*ensam och övergiven bland människorna*» (одинокая и брошенная среди людей). Очевидно, что Настю нельзя считать брошенной: все строители без исключения заботятся о ней. Отступая от дословного перевода, К. Линдстен возвращается к основному мотиву Платонова – сиротству. Однако при переводе теряется важное в смысловом отношении платоновское «без родства»,

сигнализирующее о том, что государство, как ни старалось, не смогло заменить Насте родную семью и материнскую любовь.

Имя Анастасия с греческого переводится как «воскресшая / воскрешающая», означает возвращение к жизни [7; 48]. Однако судьба девочки трагически противоречит смыслу имени. Изначально образ Насти контекстуально оформлен семантикой смерти: это подвал, где умирает Юлия и вслед ей обречена и дочь буржуйки. Символичность этой ситуации отмечали многие исследователи, Н. Дужина пишет: «...повесть А. Платонова посвящена судьбе России: умершая и оставленная лежать под спудом мать Насти символизирует вечную Россию, Россию историческую, ушедшую в прошлое без возврата; сама же Настя является символом новой советской России, ставшей “сиротой” без России исторической и по этой причине погибающей» [3; 94]. По мнению Н. Малыгиной, «в метафорическом разрывании концепта детства жертвой “будущей гармонии” становится самое будущее, воплощенное в образе Насти» [5; 40].

В эпилоге «Котлована» писатель выстраивает публицистически прямую образную параллель «девочка Настя – страна-эсесерша». Платонов выражает сомнение в правильности «генеральной линии», навязанной стране: «Погибнет ли эсесерша подобно Насте...» Все детали Настиной биографии, обстоятельства появления на котловане и смерть в аллегорической форме изображают безысходность разрыва национальной истории, тревогу автора за будущее родины и социализма. В переводе на шведский сравнение, итожащее образный параллелизм «Настя – эсесерша», сохранено не в полном объеме. Вместо неологизма «эсесерша» дано официальное название страны – *Sovjetunionen* (Советский Союз), хотя в целом образная параллель: судьба девочки Насти – судьба Страны Советов в переводе К. Линдстен передана.

Очевидно, что в своей работе К. Линдстен пользовалась научным академическим изданием повести «Котлован» (2000), на что указывают наличие публицистического эпилога и полнота концепта детства в ее переводе. В этом смысле «поздний» шведский перевод К. Линдстен выгодно отличается от первых переводов повести на английский язык, так как сделаны они были с сокращенных, текстологически не выверенных публикаций «Котлована». При переводе К. Линдстен отдает предпочтение буквальному переводу, стремясь, однако, сохранить и донести до шведского читателя уникальный платоновский словообраз.

Наиболее частотно концепт детства реализован в «Котловане» посредством метафоры, которая становится концептуальным тропом, главным поэтическим механизмом в развитии темы детства. В процессе исследования были

выявлены замены переводчицей метафоры другим тропом, например эпитетом или сравнением, а также пропуск отрывка, содержащего метафору. Однако случаи, когда метафора была не переведена тем же художественным приемом, обусловлены, как показал анализ, разным культурно-историческим опытом и соответственно языковым логосом двух народов.

Художественный перевод способствует диалогу культур, и роль переводчика здесь трудно переоценить. Насколько глубоко и точно пере-

водчик овладеет не только языковой конкретикой произведения, но и «образным кодом» народа, с языка которого он переводит, а также «символическим пространством» языка автора, настолько успешен или неуспешен будет процесс культурной коммуникации. И здесь перевод К. Линдстен можно признать высококачественным, ибо в ее переводе до шведского читателя донесен очень важный у Платонова метафорический план концепта детства как в его утопическом, так и антиутопическом значении.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 576 с.
2. Вьюгин В. Ю. Чевенгур и Котлован: становление стиля Платонова в свете текстологии // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000. С. 605–624.
3. Ду ж и н а Н. И. Вымысел, основанный на реальности. Приметы сталинского быта в повести А. Платонова «Котлован» // Вопросы литературы. 2008. № 2. С. 79–114.
4. К а р а с ё в Л. В. Движение по склону: о сочинениях А. Платонова // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 123–143.
5. М а л ы г и н а Н. М. Спасти навек в пропасти «Котлована» // Русская словесность. 1997. № 4. С. 36–41.
6. М и л л е р Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
7. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966. 385 с.
8. Платонов А. П. Котлован: текст, материалы творческой истории. СПб.: РАН ИРЛИ: Наука, 2000. 384 с. (Текст оригинала цитируется по этому изданию.)
9. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000.
10. P l a t o n o v A. Grundgropen / Övers. Kajsa Öberg Lindsten. Stockholm, Ersatz, 2007. 191 s. (Шведский перевод цитируется по этому изданию.)

Spiridonova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Saksa V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONCEPT OF CHILDHOOD IN A. PLATONOV'S SHORT NOVEL "THE PIT": PROBLEM OF TRANSLATION INTO SWEDISH

The focus of the research is the concept of childhood in Andrey Platonov's short story "Kotlovan (The Pit)" and a problem of translating the work into Swedish (Grundgropen. Övers. Kajsa Öberg Lindsten, 2007). Comparative study of the most significant text parts (original and translation) unfolding one of the key concepts of Platonov's works – the concept of childhood – was carried out on the lexical, narrative, plot, and image levels. A conclusion was drawn that K. Lindsten's translation was targeted not only at preservation of Platonov's words and phrases but also at preservation of the author's image. K. Lindsten succeeded in delivering to the Swedish reader the main values of the author's childhood from the stand point of artistic philosophy: social-historical, ethical, sacral-futurological, ontological. He also succeeded in reproducing a metaphoric plan of Platonov's concept of childhood both in its utopian and anti-utopian meanings.

Key words: artistic concept, metaphor, poetics, translation into Swedish language, "Kotlovan (The Pit)" by Andrey Platonov

REFERENCES

1. A h m a n o v a O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 576 p.
2. V ' y u g i n V. Yu. "Chevengur" and "the Pit": the formation of Platonov's style in light of textology [Chevengur i Kotlovan: stanovlenie stilya Platonova v svete tekstologii]. "Strana filosofov" Andrey Platonov: Problemy tvorchestva. Vyp. 4 ["The country of the philosophers" Andrey Platonov: Problems of creation. Is. 4]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. P. 605–624.
3. D u z h i n a N. I. Invention, based on reality. Signs of Stalin way of life in the narrative by A. Platonov "The Pit" [Vymysel, osnovanny na real'nosti. Primety stalinskogo byta v povesti A. Platonova "Kotlovan"]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2008. № 2. P. 79–114.
4. K a r a s e v L. V. Motion along the slope: on A. Platonov's compositions [Dvizhenie po sklonu: o sochineniyakh A. Platonova]. *Voprosy filosofii* [Questions of the of the Philosophy]. 1995. № 8. P. 123–143.
5. M a l y g i n a N. M. To rescue forever in the precipice of "The Pit" [Spastis' naveki v propasti "Kotlovana"]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature]. 1997. № 4. P. 36–41.
6. M i l l e r L. V. Artistic concept as a semantic and aesthetical category [Hudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya]. *Mir russkogo slova* [Peace of the Russian word]. 2000. № 4. P. 39–45.
7. P e t r o v s k i y N. A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, 1966. 385 p.
8. P l a t o n o v A. P. *Kotlovan: tekst, materialy tvorcheskoy istorii* ["The Pit": text, creative story materials]. St. Petersburg, RAN IRLI: Nauka Publ., 2000. 384 p.
9. P l a t o n o v A. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. The biography]. Moscow, Nasledie Publ., 2000.
10. P l a t o n o v A. Grundgropen / Övers. Kaysa Öberg Lindsten. Stockholm, Ersatz, 2007. 191 s.

Поступила в редакцию 01.11.2013

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ovzakh05@yandex.ru

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ ДОСТОЕВСКОГО В ПЕЧАТИ*

Исследуется вопрос о том, когда в русской печати впервые было названо литературное имя Ф. М. Достоевского, с этой точки зрения рассмотрены обстоятельства публикаций его перевода романа О. де Бальзака «Евгения Гранде» (1844), его знакомство с В. Г. Белинским летом 1845 года, объявления о выходе альманаха «Зубоскал» и романа «Бедные люди» (1846), дан сравнительный анализ мемуарных источников, в которых описана первая встреча писателя с Белинским («Дневник Писателя» Достоевского за 1877 год, воспоминания П. В. Анненкова, биографические реминисценции в незавершенном произведении Н. А. Некрасова). В рецензии В. Г. Белинского на стихотворения П. Штавера высказаны суждения о задачах поэзии и роли поэта, которые повторяют слова критика, обращенные к Достоевскому по поводу его первого романа. Впрочем, в рецензии имя Достоевского и название его романа не упомянуты. Впервые литературное имя Достоевского было названо в печати в декабре 1845 года, но прозвучало оно не по поводу романа «Бедные люди», а в связи с повестью «Двойник».

Ключевые слова: Достоевский, литературный дебют, «Бедные люди», «Двойник», критика, литературное имя

Исследователей творчества Достоевского давно интересует, когда впервые было упомянуто литературное имя писателя. Летом 1844 года в журнале «Репертуар и Пантеон» был опубликован переведенный Достоевским роман Бальзака «Евгения Гранде» без указания имени переводчика. Как отмечает В. Н. Захаров, перевод не принес ему «ни денег, ни славы, ни известности в литературных кругах» [1; 73]. В мае 1845 года Достоевский отдал роман «Бедные люди» в альманах Некрасова «Петербургский сборник». От романа пришли в восторг Григорович, Некрасов, Белинский, Панаев и др. Слух о «новом Гоголе» разнесся по литературному Петербургу, но печатные отзывы о романе появились лишь в январе 1846 года. В письме к брату Достоевский писал: «Слава моя достигла до апогеи. В 2 месяца обо мне, по моему счету было говорено около 35 раз в различных изданиях. В иных хвала до небес, в других с исключениями, а в третьих руготня напропалую»¹. Е. И. Кийко полагает, что первым скрытым упоминанием имени Достоевского была рецензия Белинского на стихотворения П. Штавера, опубликованная в июльском номере «Отечественных записок» 1845 года [2; 106]. Она отмечает, что Белинский писал рецензию «не столько ради разбора не имеющих никакого эстетического значения стихотворений начинающего автора, сколько для того, чтобы высказать свои мысли по поводу насущных задач русской литературы». К суждениям критика, в которых имя Достоевского не названо, но которые написаны «несомненно под влиянием мыслей, навеянных чтением “Бедных людей”» [2; 107], исследовательница относит следующие рассуждения Белинского: «Вообще, люди, по своей натуре,

более хороши, нежели дурны, и не натура, а воспитание, нужда, ложная общественная жизнь делают их дурными. Почти во всяком из них, даже в самом дурном, есть своя прекрасная, человеческая сторона, только трудно подсмотреть и открыть ее. Последнее составляет благороднейшую миссию поэта: ему принадлежит по праву оправдание благородной человеческой природы, так же, как ему же принадлежит по праву преследование ложных и неразумных основ общности, искажающей человека, делающей его иногда зверем, а чаще всего бесчувственным и бессильным животным. Люди – братья друг другу, хотя неразумность их отношений и делает их естественными врагами. Благородно, велико и свято призвание поэта, который хочет быть провозвестником братства людей»².

Отрицательно оценивая дебют поэта, Белинский повторяет в своих наставлениях то, что он сказал Достоевскому: «В наше время поэт, как поэт, не может обещать себе великого успеха, потому что наше время от каждого, – следовательно, и от поэта, – требует, чтоб он прежде всего и больше всего был – *человеком*. Не заботьтесь же о себе, как о поэте, и воспитывайте в себе человека. <...> Обратите прежде всего внимание на самого себя и постарайтесь познакомиться, сблизиться и разумно подружиться с самим собою, чтоб со временем не найти в себе собственного своего врага, – а это самый опасный, самый жестокий из врагов! <...> Жизнь, природа, человек, человечество, наука, искусство – какое обширное, великое, бесконечное поприще для борьбы благородной, для упражнения юных и свежих сил!» (7; 594–596). Слова Белинского запомнились Достоевскому на всю жизнь: «Это была самая вос-

хитительная минута во всей моей жизни. Я в картине, вспоминая ее, укреплялся духом. Теперь еще вспоминаю ее каждый раз с восторгом» (25; 31). Белинский встретил писателя «чрезвычайно важно и сдержанно», но, по воспоминаниям Достоевского, «важность была <...> из уважения его к тем чувствам, которые он хотел мне излить как можно скорее, к тем важным словам, которые чрезвычайно торопился мне сказать» (25; 30). Достоевский так передает слова Белинского: «Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? <...> Да ведь этот ваш несчастный чиновник – ведь он до того заслужился и до того довел себя уже сам, что даже и несчастным-то себя не смеет почесть от приниженности и почти за вольнодумство считает малейшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смеет признать, и, когда добрый человек, его генерал, дает ему эти сто рублей, – он раздроблен, уничтожен от изумления, что такого как он мог пожалеть “Их Превосходительство”, не его превосходительство, а “их превосходительство”, как он у вас выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, а эта минута целования генеральской ручки, – да ведь тут уж не сожаление к этому несчастному, а ужас, ужас! В этой благодарности-то его ужас! Это трагедия! Вы до самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали. Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг все понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возведена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..» (25; 30–31; заглавная буква исправлена по прижизненному изданию). Эти слова подтверждаются свидетельством Некрасова, неизвестным ни Достоевскому, ни современникам поэта. Их источник – черновые рукописи незавершенной повести Некрасова «В тот же день часов в одиннадцать утра...». На сходство некоторых эпизодов его повести с воспоминаниями Достоевского в «Дневнике Писателя» и мемуарами его современников указывал К. И. Чуковский [4], подробно этот аспект раскрыт в комментариях к Полному собранию сочинений Н. А. Некрасова [3; 766–780].

Современники Достоевского по-разному передавали впечатление Белинского от романа «Бедные люди». Вспоминая отзыв Белинского о «Бедных людях» как о первой попытке «социального романа», П. В. Анненков передает слова критика, которые созвучны размышлениям в рецензии на Штавера: «...нашлись добродушные чудачки, которые полагают, что любить весь мир

есть необычайная приятность и обязанность для каждого человека. Они ничего и понять не могут, когда колесо жизни со всеми ее порядками, наехав на них, дробит им молча члены и кости. Вот и все, – а какая драма, какие типы!»³ И все же в рецензии нет ни имени Достоевского, ни критики романа «Бедные люди», но есть рецензия на неудачный сборник стихов и нотации начинающему поэту, что такое искусство.

1 ноября 1845 года в «Отечественных записках» опубликовано анонимное объявление об издании юмористического альманаха «Зубоскал», написанное Достоевским. По его словам, оно «наделало шуму», но имя Достоевского снова не упомянуто в печати (28.1; 115). Представленная вскоре рукопись первого выпуска была запрещена цензурой. Альманах не состоялся.

Нам удалось обнаружить первое упоминание имени Достоевского в русской печати, которое относится к 1845 году. В анонсе журнала на 1846 год, вышедшем в рубрике «Библиографические и журнальные известия» декабрьского номера «Отечественных записок» (цензурное разрешение от 30 ноября, вышел в свет 2 декабря), была упомянута повесть Достоевского «Двойник»: «Въ “Отечественныхъ Запискахъ” 1846 года помѣщены будутъ, между прочимъ, слѣдующія статьи, изъ которыхъ большая часть появится въ первыхъ книжкахъ журнала:

Двѣ Минуты, повѣсть графа В. А. Соллогуба; *Андрей*, поэма въ двухъ частяхъ, въ стихахъ, И. С. Тургенева; *Княгиня*, повѣсть графа В. А. Соллогуба; *Небывалое въ быломъ*, повѣсть В. И. Даля (Луганскаго); *Старушка*, повѣсть графа В. А. Соллогуба; *Двойникъ*, повѣсть Ѳ. М. Достоевскаго; *Наперсникъ*, повѣсть Сто-Одного; Повѣсть князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.»⁴.

Примечательно, что впервые литературное имя Достоевского прозвучало в печати не по поводу романа «Бедные люди», а в связи с предстоявшей в 1846 году публикацией повести «Двойник» в журнале «Отечественные записки».

До января 1846 года литературная известность автора «Бедных людей» была изустной. Первое объявление о «Петербургском сборнике» появилось в печати лишь в январском номере «Отечественных записок» (цензурное разрешение от 31 декабря 1845 года, вышел в свет 2 января 1846 года). Этому были свои причины. Работа по составлению «Петербургского сборника» продолжалась до начала января 1846 года. Н. А. Некрасов передал последние материалы в Санкт-Петербургский цензурный комитет 3 января. Цензурное разрешение было получено 12 января, цензоры – И. Ивановский, А. Никитенко, А. Крылов. Такой состав цензоров объяснялся тем, что рукописи цензурировались по мере поступления их Некрасову. В этом состоял его хитрый расчет: альманах могли запретить и в целом, и из-за одной статьи, одного произведения,

но почти невозможно было запретить сборник, составленный из одобренных цензурой материалов. Так, рукопись романа «Бедные люди» была сдана в Санкт-Петербургский цензурный комитет 4 сентября, была одобрена цензором Фрейгангом 8 октября (6; 100–101). 6 ноября Н. А. Некрасов представил в цензурный комитет верстку романа, которую одобрил И. Ивановский (6; 102). Корректра «Бедных людей» ходила по рукам с конца ноября (6; 103), в декабре началась печать «Петербургского сборника».

Рекламировать в 1845 году неразрешенный цензурой альманах было бы рискованной затеей. Некрасов уже имел отрицательный опыт рекламы альманаха «Зубоскал». Возможно, именно поэтому первое объявление об издании альманаха по-

является тогда, когда цензурное одобрение получили почти все его материалы. 12 января 1846 года было получено цензурное разрешение на выход альманаха в целом. 19 января цензор А. Никитенко подписал билет на выпуск «Петербургского сборника» из типографии, 24 января он поступил в продажу. Одновременно в январе 1846 года идет верстка и корректра «Двойника». 1 февраля Достоевский пишет брату: «...до самого последнего времени, т<о> е<сть> до 28-го числа кончал моего подлека Голядкина» (28.1; 117). В конце января в газетах и журналах началась полемика вокруг «Петербургского сборника» и «Бедных людей», но это уже другая история.

Достоевский с триумфом и скандалом вошел в русскую литературу.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28.1. Л.: Наука, 1985. С. 119. Далее тексты Ф. М. Достоевского цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.
- ² Белинский В. Г. Стихотворения Петра Штавера. Санкт-Петербург. В тип. Эдуарда Праца. 1845. В 12-ю д. л., 42 стр. // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 595. Далее тексты В. Г. Белинского цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.
- ³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1960. С. 240. (Литературные мемуары).
- ⁴ Библиографические и журнальные известия // Отечественные записки. 1845. Т. XLIII. № 12. Декабрь. С. 103.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. М.: Индрик, 2013. 456 с.
2. Кийко Е. И. В. Г. Белинский. Очерк литературно-критической деятельности. М.: Просвещение, 1972. 176 с.
3. Мостовская Н. Н., Коровин В. И. [Комментарии] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 8. Л., 1984. 784 с.
4. Чуковский К. И. Достоевский и кружок Белинского // Некрасов Н. А. Каменное сердце. Пб.: Полярная звезда, 1922. С. 3–38. Переиздано: Чуковский К. И. Сочинения в двух томах. Т. II: Критические рассказы. М., 1990. С. 126–160.
5. Якубович И. Д. [1821–1859] // Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. 1821–1881. Т. 1. 1821–1864. СПб.: Академический проект, 1999. С. 14–253.

Zakharova O. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FIRST REFERENCE TO DOSTOEVSKY'S NAME IN PRINT MEDIA

The article provides an answer to the question of when the literary name of Dostoevsky was mentioned in the Russian press for the first time: from this point of view the following questions are considered: the circumstances of the publications of his translation of Balzac's novel entitled *Eugénie Grandet* (1844), the development of his acquaintance with Belinsky in the summer of 1845, the announcements about the issue of almanac *Scoffer* (*Zuboskal*) and novel *Poor Folk* (1846). A comparative analysis of the memoir sources that describe conditions of the first writer's meeting with V.G. Belinsky (Dostoevsky's *A Writer's Diary* for 1877, P.V. Annenkov's recollections, biographical reminiscences in an incomplete work by N.A. Nekrasov) is presented. V.G. Belinsky in his review of Peter Shtaver's verses, expressed his assertions regarding the aims of poetry and the poet's role. The critic's statements reiterate his words addressed to Dostoevsky with regard to his first novel. However, Dostoevsky's name and the title of his novel are not mentioned in the review. The literary name of Dostoevsky was referred to in the press for the first time in December 1845. Nevertheless, this reference was concerned not with his novel *Poor Folk*, but with his novella *The Double*.

Key words: Dostoevsky, literary debut, *Poor Folk*, *Double*, criticism, literary name

REFERENCES

1. Zakharov V. N. *Imya avtora – Dostoevskiy* [The name of the author is Dostoevsky]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p.
2. Kiyko E. I. V. G. Belinskiy. *Ocherk literaturno-kriticheskoy deyatel'nosti* [V. G. Belinsky. Essay literary-critical activities]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 176 p.
3. Mostovskaya N. N., Korovin V. I. Comments [Commentarii]. *Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochineniy: V 15 t. [Complete Works in Fifteen Volumes]*. Vol. 8. Leningrad, 1984. 784 p.
4. Chukovskiy K. I. Dostoevsky and circle of Belinsky [Dostoevskiy i kruzhok Belinskogo]. *Nekrasov N. A. Kamennoe serdtshe* [Heart of Stone]. Peterburg, Polyarnaya zvezda Publ., 1922. P. 3–38; Reprint: Chukovskiy K. I. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Vol. 2. Moscow, 1990. P. 126–160.
5. Yakubovich I. D. [1821–1859]. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: V 3 t. 1821–1881* [Chronicle of life and work of F. M. Dostoyevsky in Volumes. 1821–1881]. Vol. 1. 1821–1864. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1999. P. 14–253.

Поступила в редакцию 05.11.2013

СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА ЗАХАРЧЕНКО

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры туризма, Петрозаводский государственный уни-
верситет (Петрозаводск, Российская Федерация)
zco59@mail.ru

ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ ПРОТОТИПОВ РОМАНА И. С. ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»*

Хранящиеся в архивных фондах НИОР РГБ (Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 22) письма Амвросия Гренкова Виктору Алексеевичу Вейденгаммеру и Дарье Ивановне Королевой, прототипам романа И. С. Шмелева «Пути небесные», представляют научный интерес не только как эпистолярное наследие Оптиной пустыни XIX века, но и с литературоведческой точки зрения. Переписка оптинского старца Амвросия с В. Вейденгаммером и Д. Королевой впервые является объектом научного исследования и ранее не издавалась. В результате проведенного исследования было установлено, что духовным отцом прототипов романа И. Шмелева «Пути небесные» В. Вейденгаммера и Д. Королевой является старец Амвросий, который в свою очередь переадресовал духовных чад старцу Иосифу Литовкину.

Ключевые слова: текстология, Оптина пустынь, Амвросий, монашество, эпистолярное наследие, И. Шмелев, В. Вейденгаммер

Жизнь Виктора Алексеевича Вейденгаммера и Дарьи Ивановны Королевой, драматичная судьба которых стала сюжетом романа И. С. Шмелева «Пути небесные» [3; 268], достаточно исследована А. Любомудровым. В работе [4] он задается вопросом: кто был духовным отцом Вейденгаммера: старец Амвросий или старец Иосиф? По воспоминаниям Владыки, епископа Серафима, настоятеля Новой Коренной Пустыни в Южной Америке, в рассказе Шмелева от имени героя повествуется о встрече с отцом Амвросием [4; 252]. А по рассказу некоей А. В. Р., Дарья Ивановна приезжала к старцу Иосифу [4; 254]. Оба эпизода опубликованы по воспоминаниям Юлии Кутыриной. А. В. Р. видела Вейденгаммера в Оптиной пустыни в 1899 году уже после смерти Д. Королевой, и ее рассказ – это пересказ со слов неизвестных насельников, возможно, в свою очередь пересказавших ставшую легендарной историю.

Воспоминания монахини Амвросии (Оберучевой) [5; 201–203] о том, что Дарья Ивановна Королева была духовной дочерью старца Иосифа Оптинского, опираются на рассказ монаха из Оптиной пустыни, бывшего друга Вейденгаммера, а сама она не была с ним знакома.

А. Любомудров пишет: «...в рассказе героя говорится о будущем знакомстве с о. Амвросием (а он скончался в 1891 году), но нигде не упомянут о. Иосиф, духовник реального Вейденгаммера» [4; 251]. Да, со слов А. В. Р., ссылающейся на протоиерея Сергея Четверикова, известно, что Вейденгаммер был «совершенно замкнут, ни с кем не разговаривал, кроме как *со своим духовником старцем Иосифом*» (курсив мой. – З. С.) [4; 255]. В. А. Вейденгаммер после катастрофы с его женой, раздавленной поездом на железной дороге, поступил в Оптину пустынь, через 16 лет пребывания там скончался мирною кончиною в чине рясофорного монаха Виктора [3; 497] и был похоронен на скитском кладбище [1; 202]. То есть Дарья Королева погибла в 1899 году, в мо-

настырь Виктор Вейденгаммер вступил в первый раз не ранее этого же года и окончательно ушел в 1900 году, когда Амвросий Оптинский уже 9 лет как отошел ко Господу.

Дарья похоронена в Руднево, где она любила бывать. Это место возле Шамординской обители, в котором находятся храм и источник, обретенный летом 1891 года Амвросием. Последние годы жизни Амвросий провел в Шамордино, а с 1890 года перестал брать с собой своего келейника Иосифа, который уже в 1884 году был рукоположен в сан иеромонаха и с этого времени мог исповедовать и иметь своих духовных чад.

Получается, что и Амвросий, и Иосиф могли быть духовными отцами Виктора Вейденгаммера и Дарьи Королевой. Но кто именно из них? Ответ нашелся в рукописных источниках Оптиной пустыни. Во время работы с рукописями Амвросия Гренкова удалось атрибутировать его письма-автографы от 10 июня 1887 года, от 26 ноября 1889 года и от 7 сентября 1891 года¹ [2]. Они адресованы Виктору Алексеевичу Вейденгаммеру². В этом же фонде найдены письма Амвросия к Дарье Ивановне от 4 апреля, 12 апреля, 3 августа 1891 года. Во всех письмах Дарья Королевой старец посылает благословение Виктору Алексеевичу. А в письме Вейденгаммеру от 7 сентября 1891 года упоминается Дарья Ивановна.

Письмо от 10 июня 1887 года – это ответ на первое письмо Вейденгаммера Амвросию, посланное 5 июня 1887 года. Из письма становится известным, что Вейденгаммер спрашивал разрешения приехать в Оптину пустынь и описывал старцу «свои служебные обстоятельства». Почему это письмо было первым, видно из контекста. Амвросий пишет: «*Достопочтеннейший о Господе Г. Вейдегаммер.!* (а имени и отчества своего не написали)». С этого времени начинается их переписка. Амвросий просит у инженера дать рекомендацию некоему Булгакову, а Вей-

денгаммер советуется с Амвросием по поводу перехода на работу из Мценска в Москву.

Письма к Дарье Королевой также имеют доверительный характер: в них описываются личные вещи как бытового характера, так и душевного устройства. Дарья Ивановна жалуется на свою «раздражительность и дурное расположение духа», советуется со старцем о найме работников, о смене квартиры, спрашивает разрешения о встрече с Юрою. А старец смиренно отвечает ей: «...одно только тебе скажу: духовники имеют право разрешать исповеданные грехи; но не имеют права благословлять на то, чтобы грешили».

Найденная переписка подтверждает, что старец Амвросий был духовным отцом и Виктора

Вейденгаммера, и Дарьи Королевой. Также вероятно, что именно старец Амвросий перед своей кончиной передал Виктора и Дарью в окормление своему ученику Иосифу, как он поступил со многими своими шамординскими чадами и как до него поступали старцы Лев Наголкин и Макарий Иванов. С 1890 года «батюшка Амвросий, который к тому времени сильно ослабел, стал посылать к отцу Иосифу монахов и своих духовных чад. Это означало, что он передает их под духовное водительство отца Иосифа» [3; 413].

Таким образом, именно старец Амвросий положил начало духовного спасения Виктора Вейденгаммера и Дарьи Королевой, а старец Иосиф продолжил начатое его учителем благое дело.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 22. Л. 90, 92, 100.

² В рукописи фамилия указана как «Вейдегаммер».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жизнеописания почивших скитян. Введенский ставропигиальный мужской монастырь. Оптина Пустынь, 2010. 272 с.
2. Захарченко С. О. Электронное издание писем Амвросия Оптинского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 5 (134). С. 64–69.
3. Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. М., 2008. Т. II. 672 с.
4. Любомудров А. М. Оптинский монах Виктор Вейденгаммер – персонаж романа И. С. Шмелева «Пути небесные» // Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003. 272 с.
5. Монахиня Амвросия (Оберучева). Очерки из многолетней жизни одной старушки, которую не по заслугам Господь не оставлял Своею милостью и которая считала себя счастливой всегда, даже среди самых тяжелых страданий. Изд. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского мон.; Храма свв. Космы и Дамиана на Маросейке, [б. г.]. 560 с.

Zakharchenko S. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SPIRITUAL FATHER OF PROTOTYPES IN SHMELEVS' NOVEL "WAYS OF HEAVEN"

Stored in the archives of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (Fund 213. Carton 55. Item 22) letters written by Ambrose Grenkov to Victor Alekseevich Veydengammer and Daria Ivanovna Koroleva, the prototypes of Shmelev's novel "Ways of Heaven", are of great scientific interest not only as an epistolary heritage of the Optina Pustyn of the XIX century, but also from the standpoint of literary criticism. Correspondence of the Elder Ambrose of Optina Pustyn with Victor Veydengammer and Daria Koroleva is an object of scientific research. The letters have not been previously published. The study revealed that the Elder Grenkov Ambrose was a spiritual father of the prototypes Victor Veydengammer and Daria Queen described in Shmelev's novel "Ways of Heaven". The Elder Grenkov Ambrose, in his turn, referred his spiritual children to the Elder Ioseiph Litovkina.

Key words: textual criticism, Optina Pustyn, Ambrose, monkhood, epistolary heritage, Ivan Shmelev, Veydengammer

REFERENCES

1. Zhizneopisaniya pochivshikh skityan. Vvedenskiy stavropigial'nyy muzhskoy monastyr'. [Biographies of deceased skityan]. Optina Pustyn', 2010. 272 p.
2. Zakharchenko S. O. The electronic edition of letters by Ambrose of Optina [Elektronnoe izdanie pisem Amvrosiya Optinskogo]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki" [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities]. 2013. № 5 (134). P. 64–69.
3. Letopis' skita vo imya svyatogo Ioanna Predtechi i Krestitelya Gospodnya, nakhodyashchegosya pri Kozel'skoy Vvedenskoj Optinoj pustyni. V 2 tomakh [Annals of the monastery of St. John the Forerunner and Baptist, located at the Presentation Kozelskaya Optina. In 2 volumes]. Moscow, 2008. Vol. II. 672 p.
4. Lyubomudrov A. M. Optina monk Victor Veydengammer – the character of the novel Shmelev "Ways of heaven" [Optinskiy monakh Viktor Veydengammer – personazh romana I. S. Shmeleva "Puti nebesnye"]. Lyubomudrov A. M. Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev [Spiritual realism in Russian literature abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. St. Petersburg, 2003. 272 p.
5. Monahinya Amvrosiya (Oberucheva). Ocherki iz mnogoletney zhizni odnoy starushki, kotoruyu ne po zaslugam Gospod' ne ostavlyal Svoeyu milost'yu i kotoraya schitala sebya schastlivoy vseгда, dazhe sredi samykh tyazhelykh stradanii [Sketches from a long-lived life of one old lady whom God did not abandon of his mercy and who always considered herself lucky, even among the most severe suffering]. Izd. Svyato-Troitse-Serafimo-Diveevskogo mon.; Hrama svv. Kos'my i Damiana na Maroseyke, [b. g.]. 560 p.

Поступила в редакцию 01.10.2013

ГЮЛЬНАРА АШРАФОВНА МЕХРАЛИЕВА

кандидат филологических наук, редактор отдела объединенной редакции научных журналов, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

mekhralieva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В «КРУГОВЫХ БЕСЕДАХ» В. И. ДАЛЯ*

Анализируются два рассказа В. И. Даля – «Круговая беседа» и «Другая круговая беседа», образующие «несобранный» цикл. Композиционное построение обоих произведений (рамочная композиция со вставными новеллами, рассказанными разными героями) обуславливает своеобразие разноголосого (благодаря разным рассказчикам) и разножанрового повествования. Участники «бесед» обращаются к нескольким фольклорным жанрам: предание, меморат, бывальщина, сказка о животных, бытовая сказка. Для повествования в «Круговых беседах» характерна литературная речь (речь образованных героев), используемая для передачи фольклорных и бытовых сюжетов. Ее оттеняет просторечие «человека из народа» – кадриковский говор сторожа. В целом сказовая манера повествования формируется не благодаря стилистическим средствам, указывающим на спонтанность речи (что характерно для сказок Даля), а благодаря описанию самой обстановки говорения и присутствию активных слушателей.

Ключевые слова: В. И. Даль, повествование, сказ, композиция

Литературное творчество Владимира Ивановича Даля в разной степени отражает его увлечение разговорным языком, языком фольклора, диалектами. Главным образом этим влиянием отмечены сказки писателя, первые из которых («Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаклом Владимиром Луганским. Пяток первый») вышли в начале творческого пути Даля, в 1832 году. В длинном названии, предпосланном нескольким сказкам, сформулированы главные художественные принципы цикла: входящие в цикл произведения представляют обработку фольклорных сюжетов (многие фольклорные источники далевских сказок были определены И. П. Лупановой [4]), обытовление сказок достигается введением в них нескладных персонажей, примет повседневности, вторжением в народную манеру повествования книжного, канцелярского стиля, а пословицы даются целыми гнездами, отражая особенности «балагурного сказа» (см. об этом [7]).

На другом полюсе литературного творчества Даля находятся его нескладные произведения, в которых нет черт сказа. Исследователи отмечают увлеченность Даля-сказочника простонародным языком, который является для него едва ли не самоцелью. Как пишет К. Г. Тарасов, «рассказчик выдвигает на первый план себя. Сюжет в этом случае часто служит только для сплетения отдельных стилистических приемов. Во главе угла оказывается не сюжет, а приемы сказа» [8; 46].

В этом отношении особое положение занимают два произведения, которые самими своими названиями просятся в один цикл – «Круговая беседа» и «Другая круговая беседа». Они не были объединены автором в цикл под одним

названием, но связь их очевидна, и проявляется она не только на уровне названия. Второе произведение продолжает первое, как бы оборванное на полуслове.

Герои обоих произведений рассказывают истории, чтобы скоротать время. Такое композиционное построение – рамочная композиция со вставными новеллами – имеет давнюю историю, восходящую к средневековой литературе – как западной, так и восточной («Декамерон» Дж. Боккаччо, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, сказки «Тысячи и одной ночи»).

Состав участников «Круговых бесед» неоднороден. Это прежде всего друзья-охотники: «...случилось там молодых и порядочных людей... человек шесть», которые «забавлялись охотой» [3; 398]. Впрочем, далее читатель убеждается, что охотников не шестеро, а пятеро. При этом в каждой из «бесед» по шесть историй, шестую в первой из «бесед» рассказывает сторож, во второй – крестьянин, хозяин избы, в которой остановились охотники.

Часть историй в «Круговых беседах» связана по принципу свободных ассоциаций. Рассказчики, договорившись рассказывать «были и небылицы», не ограничены ни жанром, ни темой и выбирают то, что первым приходит на ум, часто под влиянием предыдущего рассказа. Так, третий охотник первой из «бесед» рассказывает народное предание под влиянием второго рассказчика, также выбравшего предание. Пятый рассказчик «Другой круговой беседы» после только что рассказанной «побасенки о жиде» «взялся рассказать небыль о еврее на сосне и о зайцах» [3; 420].

В «Круговых беседах» создается не только разноголосое (благодаря разным рассказчикам), но и разножанровое повествование.

Первая из «бесед» открывается рассказом старого охотника, представляющим собой пересказ фабул охотничьих баек: «Что ж, например, если я вам скажу, что раз живого дупеля, который, взлетев, попал головкой в самый зонтик морковника, так что две ветки захлестнулись вокруг шеи, и бедняк попал как в силок...» и т. д. [3; 399]. Даль использует в этом случае традиционный для фольклора прием создания комического, когда, по определению В. Я. Проппа, «фабула построена на совершенно очевидном и явном алогизме» [6; 107]. Но вместе с тем этот фольклорный прием приобретает в контексте рассказа иронию, сообщаемую самим рассказчиком. По сути это способ уйти от рассказывания истории и вместе с тем иронизирование над традиционными охотничьими рассказами, полными преувеличений и выдумок. Первый рассказчик задает тон беседе, предостерегает менее опытных товарищей от рассказывания охотничьих баек, цена которым ему хорошо известна. Поэтому остальные участники бесед обращаются к другим фольклорным жанрам: это предания (белорусское предание об Иване и Анне, об упрямой старухе, о Волге и Вазузе), мемораты (история о лишении наследства, о почтальоне), бывальщина (о мертвой жене), сказка о животных (сказка о коте, сказка о том, как портной с волка мерку снимал), бытовая сказка (сказка о жиде, самим рассказчиком она называется побасенкой, сказка о еврее на сосне и о зайцах, называемая автором небылью).

Первые пять рассказов обеих «Круговых бесед», которые автором называются «господскими рассказами», написаны литературным языком, это речь образованных людей. По рассказам двоих из них можно сказать, что они были или являются военными (рассказ о лишении наследства, рассказ о почтальоне). Рассказ сторожа выдает носителя диалектной речи, что подчеркивается автором: у него «кадниковский говор». Интересно, что в «Другой круговой беседе» рассказ крестьянина, вопреки вероятным читательским ожиданиям, не несет отпечатка диалектной речи, несмотря на замечание рассказчика о том, что эта сказка «простая, мужицкая», она изложена литературным языком. Вот, например, ее зачин: «Портной, который ходил по деревням и обшивал людей, пошел, куда ему надо было, в соседнюю деревню, и в лесу встретил волка» [3; 422]. В отличие от сказок «Пятка первого», читательское восприятие этой сказки не затрудняют стилистические украшения: целые серии пословиц, присказок, резкие смены функциональных стилей. На первый план в повествовании всех персонажей выходит собственно сюжет.

В целом повествование в «Круговых беседах» преимущественно строится на литературной речи, используемой для передачи фольклорных и бытовых сюжетов, оттененной просторечием «человека из народа» – хозяина избы.

Речь рассказчиков в ряде случаев сохраняет признаки сказового повествования. Три рассказа из двенадцати пунктуационно оформлены как прямая речь: в двух из них присутствуют обращения к слушателям («Что ж, например, если я вам скажу...» [3; 399], «Вот, братцы мои» [3; 404]); в одном – сохранение особенностей устной речи («Вот, видишь, дело было лонись – аль нет, в третьем годе...» [3; 408]). Пожалуй, последний пример – единственный, указывающий на спонтанность речи героев, которая характерна для сказа. В целом же рассказы охотников, сторожа и крестьянина производят впечатление литературных обработок фольклорных сюжетов. Лишь иногда в стилистическом однородном повествовании слышится разговорная интонация («Вот острастка-то ину пору и дороже побоев живет» [3; 423]).

По замечанию В. В. Виноградова, «когда рассказчик ведет речь свою “как по писанному”, т. е. когда он, оставаясь в сфере книжных норм, свободно владеет их устным употреблением, “сказ” с трудом может быть осознан стилистически и обособлен от авторского повествования... если нет прямых указаний на обстановку рассказчика и слушателей» [1; 123]. В рассматриваемых рассказах Даля, кроме некоторых редких речевых сигналов, указывающих на сказ, основным условием его возникновения становится именно обстановка говорения. Ритуал передачи слова от одного рассказчика к другому подчеркивается с помощью авторских связок («...третий товарищ... вызвался рассказать другое народное предание» [3; 400]; «товарищи... потребовали пятый рассказ» [3; 407]) либо посредством прямой речи самих рассказчиков («Товарищи рассмеялись и... потребовали пятый рассказ» [3; 404]; «А ну, дядя... расскажи что-нибудь» [3; 408]).

Другая значимая черта сказа – наличие «сочувственно настроенной аудитории» [5; 34], активных слушателей. Все слушатели «Круговых бесед» в то же время являются и рассказчиками. Комментируя услышанные истории, они вместе с тем выбирают, что рассказывать им самим, улавливая настроение аудитории. Характерно в этом отношении высказывание четвертого рассказчика после истории о старухе, помянувшей черта: «Что вы, братцы... на ночь, да еще в чистом поле, такое нехорошее рассказываете... Лучше я вам расскажу, за что тетка прогнала меня из дому и лишила наследства: это будет хоть глупо, да повеселее!» [3; 404].

Установка Даля на распространение сказовой манеры не только на речь крестьян превзошла трансформацию сказа под влиянием социальных изменений пореформенной эпохи. Е. Г. Мушченко, В. П. Скобелев и Л. Е. Кройчик, анализируя социальный облик носителя сказа в литературе первой половины XIX века, отмечают его принадлежность к крестьянской среде:

«После 1861 г. рядом с образом крестьянина... появились образы рабочих, ремесленников, всякого рода слободских жителей... Понимание народного характера стало претерпевать изменения – понятие “народность” постепенно наполнялось новым содержанием» [5; 12].

В художественном пространстве обоих произведений не выстраивается иерархии рассказываемых историй. Все они равноправны – так же, как бывают равноправны путники на привале. Вопреки сложившемуся мнению о симпатии В. И. Даля к народным языку и культуре, здесь мы видим воплощение его притяжения жизни в ее многообразии, о чем сам писатель убедительно

высказался в статье «О русских пословицах»: «Народ в обширном смысле включает в себе все сословия, и поэтому народное и простонародное не совсем одно и то же... <...> Образованные и даже полуобразованные состояния всегда более приближаются ко всемирному, и резкие особенности родного быта в них изглаживаются» [2].

На примере «Круговых бесед» мы видим трансформацию сказовой манеры Даля, то, как анализ простонародного в творчестве писателя сменяется его синтезом с народным, авторское стремление исследовать особенности языка и сознания разных сословий, без противопоставления их друг другу.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14. В37.21.0539.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 240 с.
2. Даль В. И. О русских пословицах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philolog.petrus.ru/vdahl/index.html>
3. Даль В. И. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М.: Столица, 1995. 432 с.
4. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1959. 504 с.
5. Мущенко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. 288 с.
6. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
7. Скобелев В. П. Об особенностях фольклорного сказа в «Русских сказках» В. И. Даля // Проблемы литературных жанров. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. С. 70–71.
8. Тарасов К. Г. Художественные тенденции цикла В. И. Даля «Пяток первый»: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 107 с.

Mekhralieva G. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CHARACTERISTIC FEATURES OF STORY-TELLING IN V. I. DAL'S "ALL ROUND NARRATIVE"

The article is concerned with two stories written by V. I. Dal' – “All round narrative” and “Another all round narrative”, which constitute the so-called “uncollected” cycle of the author's works. The composition structure of both works (closed-in-composition with expletive novellas narrated by different characters) provides for multiple background and versatile genres of narration. Participants of the “narratives” turn to a number of folklore genres: legends, remembrances, happenings, fairy tales about animals, popular fairy tales. The story telling in “all round narratives” is characterized by literary speech (due to well-educated characters) aimed to transfer folklore and popular plots. It is contrasted by the vernacular of a “commoner” – Kadnikov's dialogue of the watchman. All in all, the manner of narration is dictated not as much by the stylistic means inherent to free speech (so characteristic of Dal's fairy tales), but by the description of the narrative setting and presence of the active listeners.

Key words: V. I. Dal', story telling, narration, composition

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the Theory of Literary Speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 240 p.
2. Dal' V. I. *O russkikh poslovitsakh* [On Russian Proverbs]. Available at: <http://philolog.petrus.ru/vdahl/index.html>
3. Dal' V. I. *Polnoe sobranie sochineniy: V 8 t. T. 3* [Complete Works: In 8 vol. Vol. 3]. Moscow, Stolitsa Publ., 1995. 432 p.
4. Lupanova I. P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisateley pervoy poloviny XIX veka* [Russian Folk Fairy Tales in the Works of the Authors of the First Half of the XIX century]. Petrozavodsk, Gos. izd-vo KASSR, 1959. 504 p.
5. Mushchenko E. G., Skobelev V. P., Kroychik L. E. *Poetika skaza* [Poetry of Narration]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1978. 288 p.
6. Propp V. Ya. *Problemy komizma i smekha. Ritual'nyy smekh v fol'klоре (po povodu skazki o Nesmeyane)* [Problems of Humor and Laughter. Ritual Laughter of Folklore (with reference to the fairy tale about a princess who does not laugh)]. Moscow, Labirint Publ., 2007. 256 p.
7. Skobelev V. P. Characteristic features of story telling in “Russian Fairy Tales” written by V. I. Dal' [Ob osobennostyakh fol'klornogo skaza v “Russkikh skazkakh” V. I. Dal'ya]. *Problemy literaturnykh zhanrov*. Tomsk, Tomsk University Publ., 1975. P. 70–71.
8. Tarasov K. G. *Khudozhestvennye tendentsii tsikla V. I. Dal'ya “Pyatok pervyy”* [Artistic Features of V. I. Dal's cycle “The First Five”]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2007. 107 p.

Поступила в редакцию 28.06.2013

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА САФРОН

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры скандинавских языков филологического факуль-
тета, Петрозаводский государственный университет (Пет-
розаводск, Российская Федерация)
hrjushka.tatushka@gmail.com

ОБРАЗ ЭЛЬФА В СКАНДИНАВСКОЙ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Статья посвящена анализу образа эльфа на материале скандинавского фольклора. За основу взяты сказки и предания Швеции, Дании, Исландии. Показано, что в фольклоре разных эпох разнился как размер эльфа, так и выполняемые им функции. Более того, часто термин «эльф» включал в себя всю группу низших духов: саламандр, гномов, троллей, фей и др. Особый интерес в связи с изучаемым вопросом представляют именно исландские сказки, где аульвы/эльфы – подземный народ – не только не несут человеку беспричинное зло, но и часто сами нуждаются в его помощи. Формирование анализируемого образа происходило нелинейно: от «высокой» расы альвов в Старшей Эдде к крошечному демонологическому персонажу Средневековья и снова возвращение к возвышенному образу, однако уже не благодаря влиянию древней литературы, но в результате воздействия современной фэнтезийной литературы и массовой культуры.

Ключевые слова: эльф, альвы, Старшая Эдда, скандинавская мифология, сказка, поверья

Эльф – один из самых романтических образов современной массовой культуры, всегда окруженный ореолом таинственности. Несмотря на высокую популярность, отечественное литературоведение никогда не уделяло этой фигуре достаточного внимания, быть может, в силу того, что образ эльфа не имеет корней в славянской мифологии. На сегодняшний день в научной среде принято напрямую связывать эльфов с альвами германо-скандинавской традиции [8], [13; 6]. В данной статье проводится анализ эльфов только с позиции скандинавской традиции. Мифология кельтов нами не затрагивается.

Цель статьи – сделать шаг от мифологии к фольклору и подробно проанализировать генезис образа эльфа через призму сказок и преданий Северных стран.

Анализ образа эльфа в фольклоре вызывает определенные сложности по двум причинам: этимологическая неоднозначность термина и функциональная схожесть с другими низшими духами (так, в эпоху Средневековья в категорию «эльф» попадали и гномы, и тролли, и феи, и саламандры) [8].

Как утверждает Е. Хельквист, автор шведского этимологического словаря, шведский альв (*alf* – слово, заимствованное из исландского языка, означает ‘мара, злой дух’) относится к категории низших божеств [13; 6]. По мнению же М. И. Стеблин-Каменского [6; 10] и А. Холла, исландское слово *aelfe* нельзя приравнивать к скандинавскому *alf* по той причине, что в силу долгой изоляции исландская литература является самобытным явлением, где скандинавские проекции были бы неуместны [12]. С нашей точки зрения, такое утверждение носит ради-

кальный характер, так как нельзя отрицать тот факт, что именно викинги населили Исландию, принеся с собой скандинавскую мифологию, которая впоследствии и легла в основу исландской литературы.

Некоторые исследователи замечают, что в тексте Старшей Эдды альвы упоминаются в одном ряду с асами и ванами [9], [15], то есть относятся к категории божеств:

Священную землю
вижу лежащей
близ асов и альвов [5; 84].
Ведь ты не из асов
И не из альвов,
Не ванов ты сын [5; 98].

Однако сложность в том, что различные поэмы Эдды конструируют разные системы языческого пантеона: так, в «Поездке Скирнира» Фрейр занимает трон вседержителя Одина [5; 94], а альвы описываются как отдельная самостоятельная раса [5; 147], существующая сепаратно от асов и ванов. Обращаясь к текстам о ранних норвежских королях, Т. Ганнелл находит информацию о том, что Альфхеймр – не некий мифический край, но земля, контролируемая шведами, находящаяся к юго-востоку от современного Осло и к северу от Гётеборга, между реками Готьяльвен (*Gotälven*) и Глома (*Glåma*). В этой области было найдено множество артефактов бронзового века, в том числе наскальные рисунки, связанные с темой плодородия, а также так называемые *älvkvagnar* – чаши, выдолбленные в скале и используемые для жертвоприношений, упомянутых в сагах. В качестве примера можно назвать Сагу Кормака Йоргмурдансона, где есть

упоминание о кровавой жертве, которую нужно было принести альвам для излечения от ран, полученных в бою. По мнению Т. Ганнелла, этот ритуал является примером проявления древнего мышления, в рамках которого имеет место активное поклонение и жертвоприношение альву как божеству [11]. Тем не менее вопрос о наличии у расы альвов реальных исторических корней остается дискуссионным. Наша же цель – проследить процесс формирования эльфа как персонажа устного народного творчества, где альв выступает в качестве возможного прототипа.

Как замечает С. А. Токарев, деление альвов (*ljósálfr* и *dökkálfr*) [8] на светлых и темных определило аналогичную классификацию эльфов. Той же позиции придерживается и А. Холл [9], видя в этом феномене влияние Младшей Эдды Снорри Стурлусона [1]. Однако описание *dökkálfr* или *svatrálfr* совпадает с описаниями гномов (*dverg*, *dvärg*). Так, в поэме «Язык поэзии» Тор требует, чтобы Локи сделал для его жены золотые волосы, для чего Локи отправляется в Свартальфрхейм (*Svartálfaheimr*), чтобы гномы (черные альвы, карлы в переводе О. А. Смирницкого) помогли ему [1; 127]. В свою очередь, светлые эльфы предположительно созданы под влиянием образов ангелов, описанных в Луцидариусе (*Elucidarius*) – своеобразной энциклопедии народных христианских верований, переведенной на исландский язык примерно в 1200 году [12]. Образ светлого эльфа предстает перед нами в шведской сказке «Звенит ли моя липа, поет ли мой соловушка»: «Глянул на нее стражник, и показалось ему, будто она и не человек вовсе, будто старушка – из добрых эльфов» [7; 58].

С течением времени на образ эльфа стали накладываться образы иных низших божеств. По словам Т. Ганнелла, в начале XII века исландская литературная традиция четко различала эльфов и духов стихий, однако влияние церкви и мода на французские переводные романы привели к тому, что эльфов стали смешивать с исландскими *landvættir* (англ. *land wights*) – духами – охранителями природы, вера в которых была так популярна среди жителей Севера [11]. В XIII веке эльфов в Исландии стали ассоциировать с духами гор (*Saga Kormáka Йогмурдансона* (исл. *Kormáks saga*)) [7; 58]. Именно такое понимание образа эльфа мы встречаем в шведской сказке «Три волшебных листочка», в которой старушка-эльфийка рассказывает, что она живет в горе, и жалуется, что коровы топчут склоны, под которыми живет ее племя, и мешают ему [7; 59–60].

Датский писатель XVII века Торфеус ссылается на легенды и поверья, в которых эльфы не только имеют много общего со смертными, но и вступают с ними в половые отношения [2; 64]. Тайная любовь простой смертной и эльфа (аульва) приобретает трагический характер в исланд-

ской сказке «Аульв и крестьянская девушка». Регулярные встречи на лугу привели к рождению ребенка, однако отец девушки выдает ее замуж за другого. Герои с самого начала предчувствуют беду: «...встреча эта к добру не приведет и горя нам не миновать. Однако будь что будет» [4; 235]. Тем не менее крестьянка покорно выходит замуж за сосватанного отцом жениха, только просит перед свадьбой поклясться никогда без ее ведома не брать на зиму работников. Однажды ее муж нарушает обещание, пожалев аульва с маленьким сыном, который под видом человека пришел устраиваться в его дом на работу. Встреча аульва и крестьянки оказывается роковой – они умирают от любви, а безутешный вдовец усыновляет мальчика.

Начиная с XVII века в странах Скандинавии закрепляется представление об эльфах как о крошечных беззаботных существах, водящих хоромы в лунные ночи. Согласно датскому поверью, тот, кто был рожден в воскресенье, может утром увидеть примятые круги на траве на том месте, где танцевали эльфы. Своим же фаворитам из числа смертных эльфы дарят чудесную книгу, в которой можно прочесть будущее [2; 65].

Миниатюрные размеры эльфов, изображенных в шведской сказке «Пастушок и король эльфов» [3], также позволяют сделать предположение о том, что текст получил распространение не ранее XVII века: «...под деревом пара хрустальных башмачков стоит, каждый с наперсток величиной», «навстречу ему мальчик попадает – маленький-премаленький, ростом с былинку», «малюсенькая красная шапочка лежит. Величиной шапочка с горошину» [3]. В тексте эльфы выполняют роль волшебного помощника, однако делают это не по собственной воле, а в качестве обмена добрыми услугами. Сказку можно условно разделить на две части. Первая часть – это детство Лассе, когда он пасет стадо в лесу и находит забытые эльфами предметы: хрустальные башмачки, красную шапочку принцессы эльфов и серебряный колокольчик короля. Мальчик возвращает потерянные вещи только с условием, что в будущем эльфийский король поможет ему осуществить заветное желание. Вторая часть повествует уже о взрослом пастухе, который мечтает жениться на эльфийской принцессе, и эльфы, связанные обещанием, вынуждены ему помогать.

Шведский епископ Олаус Магнус (1490–1557) в «Истории северных народов» предостерегал своих соотечественников от контактов с эльфийским народом – подземными жителями, стремящимися принести людям вред [16]. Так, «Баллада о сэре Олафе», первый список которой относится к 1670-м годам, повествует о печальной участи тех, кому случается повстречаться с эльфами:

Herr Olof rider för berge,
finner en dans med älver...
Älvekungens dotter räckte hand från sig:
Kom hit, herr Olof, tråd dans med mig!

Сэр Олоф скакал средь холмов
И увидел, как танцуют эльфы...
Дочь короля эльфов протянула руку:
Иди сюда, сэр Олаф, потанцуй со мной!
(перевод наш. – Е. С.) [11].

Рыцарь отказывается, мотивируя это тем, что завтра у него свадьба и его ожидает невеста. Тогда принцесса эльфов проклинает его, и на следующее утро он умирает от неизвестной болезни.

Чтобы уберечься от болезней, которые, согласно поверьям, насылались эльфами, на территории южной Швеции крестьяне даже носили специальные серебряные амулеты – «кресты эльфов» (ellakors (älvkors)) [2; 65].

Датские поверья наделяют образ эльфа еще большей отрицательной коннотацией, демонизируя его. В данной ситуации речь идет именно о представительницах женского пола, отличающихся от эльфов-мужчин тем, что имеют только одну половину тела: спереди это прекрасные женщины, а сзади вместо тела видно только некое темное пятно. Эти половинчатые существа представляют для людей серьезную опасность: очарованный человек, подхитивший близко к эльфе, падал замертво, отравленный ее ядовитым дыханием [2; 65].

Мотив эльфа, несущего угрозу, является ведущим и в исландской сказке «Хильдур – королева аульвов», в которой заколдованная повелительница таинственных жителей холмов была повинна в том, что «на том хуторе пастухи не доживали до старости – в первый день рождества их находили в постели мертвыми» [4; 239–241]. Однако в тексте постоянно делается акцент на том, что аульв губит людей не сознательно, но из-за проклятия своей свекрови («с тех пор я стала рабыней земного царства и мне всегда сопутствовало зло» [4; 241]). Аналогичная ситуация и в сказке «Аульв и крестьянская девушка»: героиня умирает из-за роковой любви, но не по причине злого умысла представителя подземного народа [4; 235–236]. В «Аульве Ульвхильдур» гостя из иного мира старательно работает на

хуторе у крестьянина, с удовольствием помогает смертным [4; 237–238].

В сказке «Аульвы и Хельга крестьянская дочка» эльфы выполняют роль судей: богато одаривают Хельгу, давшую в Рождество еду ребенку из их племени, и убивают мать девушки, не только не накормившую мальчика-аульва, но и сломавшую ему руку. Именно аульвы меняют судьбу девушки, награждая ее не только драгоценностями, но и удачей, в то время как собственные родители оставляют ее одну на Рождество, прекрасно зная, что именно в этот день каждый год на их хуторе совершается убийство: «...младшую они недолюбливали. <...> За нее они не боялись» [4; 242].

Как видим, наличие у исландских эльфов / ульвов сверхъестественных способностей не делает их враждебными по отношению к человеку. Более того, частотным мотивом в сказках этой страны является мотив помощи чудесному существу и освобождения его от проклятия со стороны простого смертного, что мы можем наблюдать на примере текстов «Хильдур – королева аульвов» и «Аульва Ульвхильдур».

Подводя итог вышесказанному, мы можем предположить, что процесс формирования фольклорного образа эльфа проходил в несколько этапов: изначально эльф схож с германско-скандинавскими альвами – расой, наделенной божественными характеристиками. В XVI–XVII веках эльф изменился до неузнаваемости: уменьшился в размерах, стал представлять для людей смертельную опасность. В то же время наблюдалась функциональная неразличимость эльфов, фей, гномов и других фантастических существ. Сегодняшний образ эльфа, по сути дела, переживает период возрождения, снова во многом перенимая черты мифологического альва эпохи Старшей Эдды, однако этот процесс был бы невозможен без влияния культурных событий XX века: трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец», где представлены во многом романтизированные образы сверхъестественных полубожественных существ, хранителей вселенского порядка и справедливости, а также компьютерных игр в жанре фэнтези. Таким образом, мы предполагаем, что именно современная культура вернула образ эльфа к его историческим истокам.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Младшая Эдда / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. Л.: Наука, 1970. 254 с.
2. Орлов М. А. Духи народных сказаний // История сношения человека с дьяволом. Репр. изд. М.: Республика, 1992. 352 с.
3. Пастушок и король эльфов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://s-skazka.org.ua/index.php?id=sweden&sk=4>
4. Скандинавские сказки: Пер. с дат., швед., норвеж., исл. М.: Худож. лит., 1982. 318 с.
5. Старшая Эдда: Эпос / Пер. с исл. А. Корсуна. СПб.: Азбука-классика, 2001. 464 с.
6. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984. 246 с.
7. Три волшебных листочка: Скандинавские народные сказки / Пер. и обработка Л. Брауде. Петрозаводск: Карелия, 1986. 174 с.

8. Токарев С. А. Эльфы // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 661.
9. Davidson H. R. *Ellis Myths and Symbols in Pagan Europe: Early Scandinavian and Celtic Religions*. Syracuse University Press, 1988. 268 p.
10. Ekbohrn C. M. *Alfkor* // *Förklaringar över 100,000 främmande ord och namn m. m. I svenska språket tillika med deras härledning och uttal* Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1936. S. 49. Available at: <http://runeberg.org/ekbohrn/>
11. Gunnell T. How Elvish Were The Álfar? // The Thirteenth International Saga Conference: Durham and York, 6th–12th August, 2006. Available at: <http://web.archive.org/web/20080926165408/http://www.dur.ac.uk/medieval.www/sagaconf/gunnell.htm>
12. Hall A. T. P. The Meanings of *Elf* and Elves in Medieval England. Chapter 2: An Old Norse Context. Available at: <http://www.alarichall.org.uk/ahphd2.pdf>
13. Hellquist E. *Alf* // *Svensk etymologisk ordbok*. Lund: C. W. K. Gleerups förlag. Berlingska boktryckeriet, 1922. 1284 s.
14. "Herr Olof och älvorna". Available at: <http://www.evatoller.se/translation/H/mixed/herrolofochaelvorna.pdf>
15. Ström F. *Nordisk hedendom: Tro og sed i forkristen tid* Göteborg: Esselte studium (Akademiförl.), 1985. 265 s.
16. Svenska älvor / Red. R. Svensson. Available at: http://www.ungafakta.se/naturvasen/alvor/svenska/svenska_alvor.asp

Safron E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IMAGE OF ELF IN SCANDINAVIAN MYTHOLOGICAL TRADITION

The article is devoted to the analysis of the image of an elf. The study was executed on materials of Scandinavian folklore. Fairy tales and legends of Sweden, Denmark, Iceland are essential sources of the research. It became clear that during different eras both the size of the elves and their functions varied. Moreover, often the term "elf" included in itself all groups of the lowest spirits: salamanders, dwarfs, trolls, fairies etc. A particular interest in connection with the studied question is represented by Icelandic fairy tales where *aelves* / *elves* – the underground folk – are not only harmless to people but often need human help. Development of the analyzed image was not linearly: from "high" race of elves in the Elder Edda to the tiny demonological character of the Middle Ages and subsequent return to a sublime image. This last transformation was mostly a result of the influence caused by the modern fantasy literature and mass culture. The influence of the ancient literature on the sublime image development was less significant.

Key words: elf, alves, Scandinavian mythology, Elder Edda, fairy tale, popular beliefs

REFERENCES

1. *Mladshaya Edda* [Younger Edda]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 254 p.
2. Orlov M. A. Spirits of folk legends [Dukhi narodnykh skazaniy]. *Istoriya snosheniya cheloveka s d'yavolom* [The History of Human Relations with the Devil]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 352 p.
3. *Pastushok i korol' el'fov* [Little Shepherd and King of Elves]. Available at: <http://s-skazka.org.ua/index.php?id=sweden&sk=4>
4. *Skandinavskiye skazki* [Scandinavian Folk Tales]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 318 p.
5. *Starshaya Edda: Epos* [Elder Edda] / Translated by A. Korsun. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2001. 464 p.
6. Steblin-Kamenskiy M. I. *Mir sagi. Stanovleniye literatury* [The Saga World. The Formation of the Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 246 p.
7. *Tri volshebnykh listochka: Skandinavskiye narodnye skazki* [Three Magic Leaves: Scandinavian Folk Tales]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1986. 174 p.
8. Tokarev S. A. *Elves* [El'fy]. *Mify narodov mira: V 2 t.* [Myths of the World: In 2 vol.]. Moscow, Ros. Entsiklopediya Publ., 1997. Vol. 2. P. 661.
9. Davidson H. R. *Ellis Myths and Symbols in Pagan Europe: Early Scandinavian and Celtic Religions*. Syracuse University Press, 1988. 268 p.
10. Ekbohrn C. M. *Alfkor* // *Förklaringar över 100,000 främmande ord och namn m. m. I svenska språket tillika med deras härledning och uttal* Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1936. S. 49. Available at: <http://runeberg.org/ekbohrn/>
11. Gunnell T. How Elvish Were The Álfar? // The Thirteenth International Saga Conference: Durham and York, 6th–12th August, 2006. Available at: <http://web.archive.org/web/20080926165408/http://www.dur.ac.uk/medieval.www/sagaconf/gunnell.htm>
12. Hall A. T. P. The Meanings of *Elf* and Elves in Medieval England. Chapter 2: An Old Norse Context. Available at: <http://www.alarichall.org.uk/ahphd2.pdf>
13. Hellquist E. *Alf* // *Svensk etymologisk ordbok*. Lund: C. W. K. Gleerups förlag. Berlingska boktryckeriet, 1922. 1284 s.
14. "Herr Olof och älvorna". Available at: <http://www.evatoller.se/translation/H/mixed/herrolofochaelvorna.pdf>
15. Ström F. *Nordisk hedendom: Tro og sed i forkristen tid* Göteborg: Esselte studium (Akademiförl.), 1985. 265 s.
16. Svenska älvor / Red. R. Svensson. Available at: http://www.ungafakta.se/naturvasen/alvor/svenska/svenska_alvor.asp

Поступила в редакцию 13.05.2013

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

КИЖИ КАК ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ЛОКУС В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1970-х ГОДОВ*

Рассматриваются особенности репрезентации острова Кижь в русской прозе 1970-х годов. Идиллическая модальность в описании острова проявляется в поэтизации и идеализации конкретного географического пространства за счет введения сказочных, легендарных, пасторальных мотивов, лирических отступлений, образа северного Эдема. Элементы кижской идиллики рассмотрены на материале произведений Л. Озерова, В. Пулькина, И. Стрелковой, А. Житинского. Литературные источники позволяют установить, что идиллика в 1970-е годы становится главенствующим началом в изображении острова, приобретая статус «по умолчанию». Объяснение этому коренится в особенностях самой местности, например, в гармонии природного и культурного начал, воплотившейся в знаменитом архитектурном ансамбле, а также в островном положении Кижей, которое выделяет их в окружающем пространстве.

Ключевые слова: остров Кижь, идиллия, литературная топография, репрезентация пространства

1970-е годы можно считать временем особого интереса к острову Кижь в русской литературе. О причинах этого интереса и особенностях репрезентации острова в художественных текстах с полной достоверностью можно будет говорить по итогам анализа если не всего корпуса произведений о Кижях, то по крайней мере существенной его части. Пока же этот интерес легко выявляется уже при обращении к библиографии вопроса: из 24 источников, перечисленных в разделе «Проза» в тематическом указателе «Кижь», 17, то есть чуть более двух третей, датированы 1970-ми годами [3; 49–50]. Эту статистику нельзя считать окончательной. При составлении указателя были учтены не все художественные произведения, в том числе не все прозаические тексты 1970-х годов. В частности, в нем отсутствует указание на рассказ А. Н. Житинского «Путевка в Кижь», опубликованный на официальном сайте писателя и датируемый 1974 годом. Тем не менее при всех необходимых коррективах, которые еще будут сделаны исследователями, сама пропорция едва ли существенно изменится.

Кижские сюжеты в этот период разрабатываются в разных, преимущественно малых, прозаических жанрах. Это рассказы и повести («И уплывают пароходы, и остаются берега...» Е. Носова (1975), «Лешка и хиппи» И. Стрелковой (1973), «Кижские рассказы» В. Пулькина (1973)), путевые заметки («Онежская быль» Л. Озерова (1972)), очерки («Кижь» С. Волынского, «Кижская гармония» Ю. Линника (1972)). Жанровые границы, впрочем, часто размыты. Во многих текстах просвечивает очерковое начало с его ориентацией на живые реалии места и времени. Это заметно в названиях, жанровых подзаголовках, в тезаурусе авторов: здесь часто

встречаются понятия «быль», «бывальщина», кижские топонимы и местные реалии. По своим художественным достоинствам эти тексты демонстрируют широкую палитру от произведений, отмеченных драматизмом и смысловой насыщенностью (А. Житинский, В. Пулькин), до уровня дидактической беллетристики (И. Стрелкова). При этом с точки зрения литературной репрезентации пространства и его мифологизации в сознании современников тексты «второго ряда» не менее интересны, чем «первого».

В русской советской литературе 1970-х годов остров Кижь тяготеет к образу, воплощающему особое пространство гармонии. Для его художественной репрезентации «гармония» вообще одно из ключевых понятий. Оно нередко встречается в текстах, а в очерке Ю. Линника 1972 года вынесено в заглавие. Исключения редки, из перечисленных выше текстов только, пожалуй, повесть Е. Носова, написанная в духе деревенской прозы, отличается проблемным характером, Кижь показаны в ней как часть тревожного пространства современности. В подавляющем же большинстве произведений Кижь являют собой пространство, в той или иной степени противопоставленное травматичному современному миру – и географически, как остров, и общей модальностью повествования. Фабулы «кижского текста» отчетливо тяготеют к модели «путешествие на остров – катарсическое изменение персонажа».

Идиллическое начало в репрезентации Кижей задано самими реалиями – красотой ландшафта, архитектурного ансамбля, очарованием природной первозданности. В лирически приподнятых тонах описывает Кижь очерковая проза. С прекрасным видением сравнивает Кижь Лев Озеров

в рассказе «Онежская быль»: «Как бы красочно ни описывали Кижский, как бы ни боялся человек встречи с ними, они все равно предстают как чудо <...> О красоте Кижской знаешь заранее, будто это много раз слышалось и виделось во сне.

И вот... За елями, за ними, вместе с ними, облаками, зеленью островов возникают Кижский. С каждым мгновением они увеличиваются, приковывая внимание к себе, только к себе. Ведь благодаря им все-все окрест обретает привлекательность.

Видение Кижской!..» [5; 64].

Лирическая приподнятость в описании острова часто сочетается с идеализацией патриархального существования. Последнее по-разному проявляется в разных текстах: через введение сказочных мотивов, высокого стиля, лирических отступлений. Сказочные и легендарные мотивы, например, в значительной степени определяют образ кижского пространства в «досюжетах» и «быльщинах» В. Пулькина. В книге «Кижские рассказы» интересующий нас топоним неслучайно вынесен в заглавие – сам остров отчетливо выделен в некий смысловой центр заонежского пространства, совмещающий в себе чудесное и действительное: «Земля в Кижских хребет у солнца греет. Сроду здесь сеют раньше всех в Заонежье. Еще в соседних деревнях прошлогодний хлеб в сусеках скребут, а уж в Кижских молодой каравай на столе» [6; 9] («Сказ об Иване, русского жителя человека, и кижской земле»). Дальше в сказах этот земледельческо-трудовой и ремесленно-трудовой (по М. М. Бахтину, см.: [1; 373]) идиллический хронотоп поддерживается многими деталями: от пейзажных зарисовок до легендарных сюжетов «плотницкой славы» кижан. То и дело здесь встречаются описания островных природных богатств, придающие острову черты северного Эдема: «Забегает в соснову боровину; черники, брусники – как насыпано. Можжевельник, сосна к солнцу тянутся – снизу синие, сверху золоченые. Стоят столбы – сосны, высоко держат зеленую кровлю» [6; 11]; «Под окнами в синих сумерках неспешно пробегают лоси: за грациозной самкой плавной иноходью плывет, покачивая короной рогов, лосиный бык. Вдали воют волки. И всю-то ночь на тесовом полу открытой галереи пляшут зайцы...» [6; 50]. Населяют чудо-остров мастера-умельцы, чьи таланты сопоставимы с умениями профессиональных признанных художников (см. сказ «Происхождение красоты» о визите на остров канадского художника Р. Кента).

Идиллический модус в «Кижских рассказах» не является единственно определяющим. Природа Севера сурова, события истории часто драматичны (см., например, сюжеты о кижском восстании), судьбы кижан непросты. Образ острова у В. Пулькина формируется на пересечении идиллических и драматических мотивов. Но повтор-

ность идиллических элементов акцентирует их, не позволяет им раствориться в тексте. Сам по себе каждый из них играет роль отдельной ноты в едином аккорде. Совокупность же, повторяемость придают стабильность всей системе.

Благодаря архитектурному ансамблю Преображенской и Покровской церквей Кижский – пространство не только природной, но и духовной гармонии. В прозе 1970-х годов религиозная сакральность эвфемистически трансформировалась в сакральность иных типов – трудовую, коллективистскую, патриархально-родовую, но сохраняла свое значение для места. Это особенно заметно в сказах В. Пулькина, где образ повествователя в его кижском «сидении» [6; 49] коррелирует как с воеводством, по определению самого автора, так и древнерусским монастырским летописанием (ср. также заглавие одного из сказов: «Святая Салма», где эпитет «святая» приложен к одному из онежских топонимов).

Пример последовательного описания острова как locus amoenus дает рассказ И. И. Стрелковой «Лешка и хиппи» (1973). По сюжету в музее мальчик-заонежанец встречает приплывшего на туристическом теплоходе хиппи, происходит столкновение двух культур, советской и буржуазной. Идиллическое изображение острова становится при этом существенной частью повествования. Рассказ начинается с характерного для идиллического мотива рыбной ловли на лоне природы: «Длинноволосый, в отрепьях, босой хиппи сидел на берегу Онежского озера, зажал меж латаных колен кривое короткое удище и нацеливал червя на крючок, как нитку в иголку» [7; 32]. Поддерживают ее пейзажные зарисовки, встроены в текст рассказа: «С пригорка... открылся весь Кижский погост. Будто плывет он по синей Онеге со всеми своими церквями и часовнями, с мельницей и старинными домами, с копнами сена по желтеющим лугам» [7; 32]. Погост с его строениями и Онега – части единого ландшафта. В описаниях И. Стрелковой показано то, что часто артикулируется и у других авторов: Кижский – это гармоническое единство природной и рукотворной красоты. По законам идиллического пространства человек и природа пребывают здесь в согласии.

Идиллический модус повествования помимо прочего предполагает особое мироощущение внутри него, когда «я» не выделено из окружающей мировой гармонии, но слито с окружением. Короткое описание островного хозяйства акцентирует цельность сосуществования «я» и «другого»: «В болотистой низинке, где для экскурсантов перекинули дощатые мостки, выкашивала свой участок бабушкина подружка баба Маня. Все копны сена, красиво разбросанные по острову, были не музейные, не для исторической картины, а простое сено личного скота работников заповедника» [7; 32]. В царствующем патри-

архальном укладе стерта граница между «своим» и «чужим», личным и музейным. А если безмятежность здесь нарушается, то ненадолго. Примечателен, например, эпизод, омрачивший работу бабы Мани, когда один из туристов, «старик в голубом картузе с прозрачным козырьком», взявшись помочь, теряет в траве клин косы. Старик смущенно извиняется и предлагает заплатить за починку, но платить оказывается не нужно: «– Нисколечки не стоит! – с торжеством выкрикнула баба Маня, углядевшая, что Лешка достает полузатоптанный деревянный клинышек» [7; 32]. Выразительна интонация торжества, знаменующая возвращение нарушенного было благополучия.

Идиллически-коллективистское «мы» свойственно и сознанию кижского аборигена Лешки, который, встретив на острове странного пришельца, берется замещать собой отсутствующего поначалу экскурсовода Толю: «Не знаешь немецкого? Толя с тобой на английском, на французском, на итальянском... На любом языке он сказал бы, значит, так: вы находитесь на острове Киж, в заповеднике старинной русской архитектуры...» [7; 32]. При этом в соответствии с законами этой художественной модальности невозможность объясниться с пришельцем (Лешка и хиппи говорят на разных языках) не мешает контакту собеседников. Персонажи легко понимают друг друга без слов. Обмениваясь взглядами, ожидая друг друга во время остановок, они продолжают вместе передвигаться по острову вплоть до самого финала.

Само пространство при этом оказывается полем для развертывания конфликтов, выходящих за пределы идиллики и формирующих собственно фабулу. Заонежский мальчик Лешка восхищается красотой кижского погоста и пытается открыть гостю эту красоту, пересказывая в спонтанной экскурсии кижские предания. Гость красоту не воспринимает, а в кульминационный момент рассказа выражает желание погост уничтожить в знак социального протеста. Логика пришельца для Лешки необъяснима. Это настоящее испытание для идиллического сознания, которое «знает только гармонию, только порядок и стабильность (статику) и только необходимость. И это мир, который, соответственно, не знает дисгармонии, беспорядка (хаоса), изменчивости (динамики) и случайности» [4; 38].

И в очерке Л. Озерова, и в текстах В. Пулькина и И. Стрелковой видно, как работают на создание особого кижского хронотопа заданные самой реальностью параметры этого пространства, например его островной характер. Последний как бы выводит местность из координат обыденности и как нельзя лучше соответствует модели имманентной «узости и замкнутости идиллического мирка» [1; 352]. Имплицитно или выражено в кижских сюжетах чаще всего при-

сутствует объединяющий мотив путешествия, пересечения границ, географических и смысловых, ценностных. В рассказе И. Стрелковой, например, Киж с прямой беллетристической дидактики противопоставлены большому миру. Извне приходят теплоходы с туристами. Среди них – богатые иностранцы, родители хиппи. Большой мир, в отличие от острова, в изображении автора лишен черт подлинности, поэтому и сам хиппи оказывается ненастоящим: «Он у них под хиппи наряжается, но это у него для форса... мода... Настоящие хиппи уходят от богатых родителей, поселяются в трущобах... А он просто забавляется...» [7; 33].

Небольшой рассказ А. Житинского «Путевка в Киж» (1974) свидетельствует о том, что в 1970-е годы идиллический портрет острова Киж закрепляется и фактически становится значением «по умолчанию». В рассказе остров представлен как минус-пространство (используем этот термин по аналогии с термином «минус-персонаж»): несмотря на то что топоним вынесен в заглавие произведения, действие рассказа обходит его стороной. Житинский рассказывает историю не о том, как герои съездили на остров Киж, а о том, как они туда не попали. По сюжету молодая интеллигентная пара собирается в туристическую поездку на остров Киж. Но это только «отвод глаз» для родственников, которым не хотят сообщать о том, что героиня должна провести пару дней в больнице, чтобы сделать аборт. Словно бы две поездки совершаются в рассказе: мнимая – на Киж, действительная – в больницу. Смыслообразующий характер приобретает сюжетное соположение обоих, при этом роль несостоявшегося события подчеркнута вынесением его в заглавие. Киж в рассказе Житинского – рай, в который герои не могут добраться.

Место действия рассказа А. Житинского двоятся, означивая основную оппозицию гармонического существования и травмы современности. Киж становится пространственным выражением для первого элемента оппозиции: «Увлекательная прогулка в Киж! Ее можно было бы вспомнить с удовольствием, выйдя на пенсию. Поставить галочку в воспоминаниях: здесь я был, это я видел. Жизнь прошла не зря...» [2]. Однако именно в этот локус героям и не суждено попасть. Одетые в клетчатые рубашки, с рюкзаками за плечами, они отправятся в больницу, в которой все дисгармонично и тревожно: «Валентин оглядел окна, выходящие во двор, и увидел за их стеклами женщин, большею частью молодых, по двое и по трое в каждом окне. Женщины были в серо-голубых больничных халатах. Их лица показались ему некрасивыми, бедными, блеклыми, словно вылепленными из воска» [2].

Оппозицией мучительным впечатлениям в рассказе оказывается «нарядно изданный путе-

водитель по Кижскому заповеднику, приобретенный им специально для того, чтобы не дать маху в последующих разговорах с родственниками» [2]. В финале рассказа, когда герои возвращаются в родительскую квартиру после совершившейся операции, Валентин вдохновенно принимает рассказывать «о куполах Преображенской церкви, увенчанных деревянными крестами и словно взбегающих вверх к луковке главного купола; о чудесной резьбе, покрывающей наличники; о мельнице, стоящей неподалеку от храма и напоминающей огромный вентилятор; о Покровской церкви и колокольне рядом с нею; о легендарном строителе Несторе, бросившем по преданию свой топор в синие волны Онеги после окончания постройки со словами, что не было, нет и не будет такой церкви; о самих синих волнах Онеги, заключающих островок в спокойную оправу и отражающих высокое тихое небо...» [2]. Противовесом трагической коллизии становятся основные достопримечательности острова и сюжеты, связанные с ним (храмы, легенда о Несторе, Онежское озеро). При этом идиллическая репрезентация острова в рассказе уже не форми-

руется, а воспроизводится как нечто готовое, так же как и герой цитирует чужой готовый текст.

Таким образом, идиллические мотивы (пасторальные черты, образ северного Эдема и locus amoenus) в описании острова и его жизни можно назвать одной из констант «кижского текста» 1970-х годов. Детали разнятся в зависимости от жанра и задачи, которую ставил перед собой автор. В произведениях, отмеченных печатью художественности, идиллика зачастую драматизируется введением в сюжет трагических мотивов (истории трудных крестьянских судеб у В. Пулькина, трагедия бездетности в рассказе А. Житинского). Беллетристика же, напротив, стремится к сентиментальному дидактическому округлению конфликта (И. Стрелкова). Особенности проблематики и поэтики кижского текста [8; 391] 1970-х годов указывают на предпосылки формирования идиллического образа Кижей, в числе которых островное положение места, его патриархальный уклад, специфика ландшафта и, наконец, временной фактор, соединивший в 1970-е момент массового открытия Кижей и интерес советской интеллигенции к «живой старине».

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. Житинский А. Путевка в Кизи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.macca.ru/item.php?id=606>
3. Кизи: Указатель литературы. Петрозаводск: РИО Комиздат РК, 1995. 88 с.
4. Ляпушкина Е. И. Русская идиллия XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов». СПб., 1996. 148 с.
5. Озеров Л. Онежская быль // Юность. 1972. № 7. С. 63–68.
6. Пулькин В. Кижские рассказы. М.: Сов. писатель, 1973. 264 с.
7. Стрелкова И. Лешка и хиппи // Советская женщина. 1973. № 1. С. 32–33.
8. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Анциферов Н. П. Филология прошлого и будущего. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KISHI AS IDYLIC LOCATION IN RUSSIAN PROSE OF 1970's

The article examines specific features representing Kizhi Island in the Russian prose of the 1970's. This "idyllic" mode of Kizhi Island's representation is implemented through the poetization and idealization of this specific geographic location by means of fairy tale, mythological or pastoral motifs and lyrical digressions, which create the image of "the Eden of the North". In this article, we analyze the works of V. Pulkin, I. Strelkova, and A. Zhitinsky as examples of the established idyllic pattern in depicting Kizhi Island. Literary sources demonstrate that in the 1970's this idyllic approach became the dominant and mandatory literary tool used by all the authors describing the island "by default". This can be explained by some specific characteristics of the geographic area itself, such as the perfect balance between nature and culture, which was embedded in the world famous architectural ensemble of Kizhi Island; or the isolated location of the island, which distinguishes it from surrounding environment.

Key words: Kizhi island, idyll, literary topography, representation of space

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel [Formy vremeni i khronotopa v romane]. *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki* [Literature and esthetics questions]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1975. P. 234–407.
2. Zhitinskiy A. *Putevka v Kizhi* [The permit in Kizhi]. Available at: <http://www.macca.ru/item.php?id=606>
3. *Kizhi: Ukazatel' literatury* [Kizhi: literature index]. Petrozavodsk, RIO Komizdat RK Publ., 1995. 88 p.
4. Lyapushkina E. I. *Russkaya idylliya XIX veka i roman I. A. Goncharova "Oblomov"* [Russian idyll of the XIX century and I. A. Goncharov's novel "Oblomov"]. St. Petersburg, 1996. 148 p.
5. Ozerov L. Onega true story [Onezhskaya byl']. *Yunost'* [Youth]. 1972. № 7. P. 63–68.
6. Pul'kin V. *Kizhskie rasskazy* [Kizhi stories]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1973. 264 p.
7. Strelkova I. Leshka and hippy [Leshka i hippy]. *Sovetskaya zhenshchina* [Soviet woman]. 1973. № 1. P. 32–33.
8. Shilova N. L. The text of Kizhi in the Russian Literature [Kizhskiy tekst v russkoy literature]. *Antsiferov N. P. Filologiya proshlogo i budushchego* [Anciferov N. P. Philology of the Future and the Past]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2012. P. 391–395.

Поступила в редакцию 02.09.2013

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СОБОЛЕВ

старший преподаватель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sobnick@yandex.ru

ПОСЛОЙНЫЙ АНАЛИЗ ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»*

Проблема послойного анализа рукописи является актуальной в связи с установлением текста произведения (памятника). Установленный текст является вершиной осмысления произведения как литературного памятника, то есть инварианта, возникшего в процессе эволюции и творческого отбора замысла, темы, идеи, элементов поэтики. В исследованиях по теории текстологии литературы Нового времени понятие литературного произведения не определено. Предложенный термин мы будем использовать в качестве эквивалента соответствующего, сформулированного Д. С. Лихачевым на материале древнерусской литературы. В процессе критического анализа текста устанавливается подлинный авторский текст, устраняются ошибки, утраты, возникшие в процессе переиздания произведения, и в то же время осмысляются творческая история и история текста произведения, понимание авторского замысла во всех его коннотациях. Послойный анализ рукописи позволяет раскрыть особенности авторской работы над текстом. В современной текстологии методика послойного анализа рукописи практически не разработана. В настоящей статье на материале чернового автографа повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» мы покажем изменение творческого метода писателя в процессе генезиса замысла произведения.

Ключевые слова: рукопись, автограф, критика текста, послойный анализ рукописи

Сохранившийся черновой автограф повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» (впервые опубликован в 1919 году [2]) свидетельствует о высокой интенсивности работы писателя над повестью [3; 1–40]. Анализ черновиков на уровне микротекста показывает, что творческая манера работы над текстом повести менялась дважды: автор начал создавать произведение [1; 130] с описаний места действия, образов второстепенных героев, которые имели незаконченный, эскизный характер. С первых же строк автор насыщал повествование множеством деталей, которые затем многократно уточнялись, осложнялись лексическими атрибутами, дорабатывались стиль. Приведем пример, иллюстрирующий последовательность работы автора над текстом повести (л. 12):

Первый слой	Второй слой	Третий слой
Съ Метельковымъ Нэтти познакомились впервые у кузины Вѣры, гдѣ собиралась спортивн	Съ Метельковымъ Нэтти встрѣтилась у кузины Вѣры, въ /салонѣ/ спорта	Съ Метельковымъ Нэтти встрѣтилась у кузины Вѣры, въ Старомъ Конюшенномъ /въ ея/ такъ назыв. «спортивномъ салонѣ»

Текст, прочитываемый в первом слое, односложен, оборван на полуслове «спортивн». В следующих слоях автор детализует место действия, придает пространству объем, вводя в текст то-

поним. Закончив с этим отрывком, он переходит к следующему:

Первый слой	Второй слой
Здѣсь можно было встрѣтить всѣхъ знаменитостей – отъ футбольного голкипера Уитстона изъ Чикаго и [бок] негра-боксера Вильяма Чимбли до Непобѣдимаго маэстро по теннису, французскаго [маркиза по] маркиза де' Алинкуръ	Здѣсь можно было встрѣтить всѣхъ знаменитыхъ чемпионовъ – отъ футболиста-голкипера Уитстона изъ Бирмингема и великаго боксера-негра Вильяма Чимбли до маэстро по теннису, де' Алинкуръ

Отрывок дан изначально в расширенном виде, во втором слое автор очищает текст от заведомо неправдоподобных деталей: Чикаго заменяется на Бирмингем, маркиз вычеркивается, в начале отрывка содержатся небольшие стилистические исправления.

В таком же ключе автор продолжает работу и далее, начиная с эскизного наброска, от слоя к слою усложняя, дорабатывая текст стилистически. Из небольших художественно обработанных блоков текста по принципу сцепления формируется более пространное описание. Подобная манера создания текста произведения – прямое следствие отсутствия у автора сформированного на тот момент замысла. Сцепление в данном случае может рассматриваться как форма поиска темы и идеи произведения.

Наряду со сцеплением И. С. Шмелев использует принцип, который заключается в изложении

Первый слой	Второй слой	Третий слой
писалъ эту церковь челоѡ здѣшній. бывшій крѣпостной [челоѡкъ] дворовый челоѡкъ господъ. Степанъ [К] Метельковъ, который учился въ Италиі. Проглядывала на стѣнахъ и доскахъ /его фамилія/ едва-заметна [на] – подпись въ уголку подъ изображеніемъ Рожд.<ества> Богородицы – бѣлой тонкой подписью. Степанъ Метельковъ. Нравятся всѣмъ лики Божественнаго Благовѣщенія, Евангел. на цар. вратахъ – глаза ликъ Богоматери – не потупл глаза, какъ всегда пишутъ, а восторженныя, полныя радостью несказанной. – Очень талантлив. мужикъ!.. – говоритъ кто нибудь. – Иностран. школа... – Живописная работа. И у всѣхъ мученицъ на лицѣ святая радость. – И образы великолепные... очень много голубой краски... И глаза у всѣхъ голубые... – А И живое тѣло и лица свѣтлыя, не эти коричневыя, сторожъ сказ дѣловито. – Это да. Это итальянская живопись. Онъ учился въ Италиі.	писалъ эту церковь челоѡ здѣшній. бывшій крѣпостной дворовый челоѡкъ Ляпунов. Нравятся всѣмъ Лики Евангел. на цар. вратахъ – ликъ Богоматери – не потупл глаза, какъ всегда пишутъ, а восторженныя, полныя радостью несказанной. – Очень талантлив. мужикъ!.. – говоритъ кто нибудь. – Иностран. /направленіе и/ [школа]... – Живописная работа. И у всѣхъ мученицъ на лицѣ святая радость. – И образы великолепные... очень много голубой краски... И глаза у всѣхъ голубые... – А И живое тѣло и лица свѣтлыя, не эти коричневыя, сторожъ сказ дѣловито. – Это да. Это /и есть/ итальянская живопись. Онъ учился въ Италиі.	писалъ эту церковь челоѡ здѣшній. бывшій крѣпостной дворовый челоѡкъ Ляпунов.

набело большого, композиционно законченного отрезка произведения, например главы с последующей фронтальной правкой всего отрезка, будем называть его конвергенцией. В этом случае текст изменяется как на макроуровне, то есть удаляются, изменяются позиционно, вставляются целые блоки текста, так и на микроуровне – в лексике. Приведем пример, иллюстрирующий конвергенцию, на материале небольшого отрывка из последней части черновика (л. 20) (см. выше).

В отрывке рассказывается, как небольшая группа случайных людей, может быть, местных дачников, посещает в имении Ляпуновых храм, который расписал «бывшій крѣпостной дворовый челоѡкъ». Первый слой содержит иностранное описание живописной работы Степана Метелькова, который в итальянской манере, вольно (о чем свидетельствует подпись на иконах и фресках) интерпретирует церковные сюжеты Благовещения и евангелистов: «И образы великолепные... очень много голубой краски» – предложение, характеризующее творческое кредо мастера – он приверженец рафаэлевской школы. Это обстоятельство более всего привлекает гостей, высоко оценивающих живопись. Еще один смысловой акцент содержится в восклицании: «Очень талантлив. мужикъ!..», с него начинается тирада комплиментов художнику из народа. Предложение представляет собой парцеллированную конструкцию; эмфаза, обозначенная точкой, разбивает высказывание на две фразы, маркируя слово «мужикъ»; возникает смысловая оппозиция, выражающая отношение персонажа к живописной работе как к чему-то небывалому. Впрочем, у этого предложения есть и другой вектор понимания: сказанное характеризует не только живописную работу, но и говорящего, который предстает чванливым, далеким

от народа человеком, ухватившим лишь самые общие понятия о живописи. Под стать ему сторож, который подхватывает разговор неуместной фразой: «И живое тѣло и лица свѣтлыя, не эти коричневыя», сказанной, чтобы угодить посетителю, в этих словах содержится и иной очевидный смысловой контекст: противопоставление иконописи и живописи.

Работа над текстом продолжается путем усечения законченных идейно-тематических блоков с параллельной правкой на микроуровне. Сначала автор убирает отрывок, описывающий подпись, возможно, пытаясь обозначить отличие своего героя от мастеров «иностранной школы» – герой повести все-таки сохраняет связь с иконописной традицией, в которой личность художника вторична, обобществлена. На лексическом уровне правка отмечена двумя вставками: термином «направленіе», который придает рассуждениям персонажа некоторый академизм, а следовательно, большую авторитетность, и глаголом «есть», усиленным частицей «и», что также придает большую утвердительность, императивность словам гостя.

Наконец автор удаляет практически весь текст, оставляя только именование художника, что объясняется попыткой преодолеть противоречие в концепции образа художника, каким он представлен в первом и втором слоях, – русского итальянца.

Принцип конвергенции в корне отличен от сцепления: по сути, в основе его лежит логическая последовательность от общего к частному, дедукция – от работы с большими блоками автор переходит к лексике, конвергенция как принцип создания текста, так же как сцепление, отражает творческий процесс автора. В данном случае это показатель переворота, который произошел в сознании писателя в процессе становления за-

мысла, темы, идеи произведения, целеустановки своего творческого акта, показатель того, что писатель транслирует в текст авторскую идею, экспериментируя с художественными формами ее реализации.

Закономерно, что процесс создания текста произведения неодинаков на разных этапах: в начале превалирует сцепление, к концу И. С. Шмелев использует в основном принцип конвергенции.

*Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2013–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб.; М.: Наука, 2001. 758 с.
2. Шмелев И. С. Неупиваемая Чаша // Литературный сборник «Отчизна». Симферополь: Рус. книгоиздательство в Крыму, 1919. С. 89–147.
3. Шмелев И. С. Неупиваемая Чаша // НИОР РГБ 387.8.22. 47 л.

Sobolev N. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LAYER-BY-LAYER ANALYSIS OF I. S. SHMELEV'S NARRATIVE "THE INEXHAUSTIBLE CHALICE"

The problem of the manuscript layer-by-layer analysis is relevant in connection with the establishment of the text of the work (the monument). Establishment of the text is, so to say, the apex of the text's comprehension as a literary monument. It can be understood as an invariant arising in the process of evolution and creative plan selection, choice of themes, ideas, and elements of poetics. In the process of the text's critical analysis the author's original text is established, errors are eliminated, losses occurred in the process of reissue are revealed. Creative history and the history of the text, understanding of the author's intention in all its connotations of the drama are restored. Layer-by-layer analysis of the manuscript helps to reveal peculiarities of the author's work on the text. In modern textual criticism, the method of layer-by-layer analysis is practically not developed. On the example of the manuscript written by Isaac Shmelev "The Inexhaustible Chalice" (SRDM RSL 387.8.22.) we show the change in the writer's creative work.

Key words: manuscript, autograph, textual criticism, layer-by-layer analysis of the manuscript

REFERENCES

1. Likhachev D. S. *Tekstologiya: na materiale russkoy literatury X–XVII vv.* [Textual studies: on the material of Rus. lit. X-th – XVII-th centuries]. St. Petersburg; Moscow, Nauka Publ., 2001. 758 p.
2. Shmelev I. S. Inexhaustible Cup [Neupivaemaya Chasha]. *Literaturnyy sbornik "Otchizna"* [Literary collection Fatherland]. Simferopol, 1919. P. 89–147.
3. Shmelev I. S. Neupivaemaya Chasha [Inexhaustible Cup]. *NIOR RGB* [SRDM RSL] 387.8.22. 45 p.

Поступила в редакцию 11.11.2013

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА КЛЮКИНА
доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск,
Российская Федерация)
klyukina-la77@yandex.ru

ИДЕЯ ИМПЕРИИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ*

В контексте феноменологического подхода мифологема империи понимается феноменом отечественного сознания, обозначающим такую интенцию сознания, как сакрализация национально-государственного бытия. Идея империи – это ментальная конструкция, посредством которой происходят выборка и структурирование интенциональной наличности. Целью данной статьи явилось исследование роли мифологемы/идеи империи в процессе формирования культурной идентичности России. В соответствии с поставленной целью решались задачи исследования функционирования мифологемы/идеи империи при трансформации культурной наличности в XV–XVI веках, в XVIII веке и в первой половине XX века; анализа способов репрезентации мифологемы/идеи империи в русской культуре XV–XX веков. В работе использовался феноменологический подход (Э. Гуссерль), метатеоретический подход (М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский), структурно-семиотический подход (Ж. Делез, В. М. Живов, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, М. Фуко, У. Эко). В результате исследования получены следующие выводы. Конституирование мифологемы империи в русском национальном сознании рассматривается как длительный процесс обретения национальной и культурной идентичности, обусловленный в первую очередь экзистенциальной потребностью «быть» частью мировой истории вне зависимости от расположения центра мировых событий. Эта установка предопределила изначальный дуалистический характер русской культурной идентичности, разрывающейся между воображаемым идеалом и далекой от идеала действительностью. В XV–XVI веках в кругах русского духовенства формируется концепция «Третий Рим», выражающая симфонию между «священством» и «царством». В XVIII веке Петр I объявляет российское государство империей. Идея империи выражала сакрализацию власти монарха. В XX веке идея советского государства трактовалась советскими идеологами как парадигма власти народа, а по сути выражала сакрализацию власти партии и партийного лидера. Стремление сохранить свое место в мировой истории стало движущей силой происходящих трансформаций мифологемы империи: от символа национального сознания к идеологической конструкции, репрезентирующей притязания власти, до «симулякра».

Ключевые слова: знак, идея империи, культурная идентичность, мифологема империи, символ, структура сознания

Исходя из осмысления исторического опыта России, следует обратить внимание на настроенность отечественного сознания определять свою идентичность в контексте всеобщего, мирового. В этой связи можно выделить такую интенцию отечественного сознания, как «мифологема империи», и рассматривать ее в качестве одного из исторически сложившихся способов формирования культурной идентичности, репрезентированной сначала мифологемой, а затем и идеей империи. Под мифологемой империи понимается один из феноменов сознания, в том числе русского сознания, обозначающий такую интенцию сознания, как сакрализация национально-государственного бытия. Идея империи понимается «превращенной» формой мифологемы империи. Идея империи интерпретируется как вторичная структура сознания, которая не сводима к сознанию и может рассматриваться как ментальная конструкция, посредством которой происходят выборка и структурирование интенциональной наличности. Целью данной статьи явилось исследование роли мифологемы/идеи

империи в процессе формирования культурной идентичности России. В соответствии с поставленной целью решались следующие задачи: исследование функционирования мифологемы/идеи империи при трансформации культурной наличности в XV–XVI, в XVIII и в первой половине XX века; анализ способов репрезентации мифологемы/идеи империи в русской культуре XV–XX веков. Идеи Э. Гуссерля [5] использовались при описании мифологемы империи в качестве феномена сознания. В ходе исследования методологических аспектов функционирования сознания в отечественной культуре использовались работы отечественных философов: Л. А. Клюкиной [13], М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского [17]. Философское осмысление коммуникативных процессов отечественной культуры проводилось на основе работ представителей московско-тартуской семиотической школы – В. М. Живова [9], [10], Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского [16], [20]. Идеи философов постмодернистского направления Ж. Делеза [6], М. Фуко [21], [22] и У. Эко [23] использовались

распространяющейся со времен Петра I и характеризующей весь императорский период русской истории. Введение новых государственных и политических символов способствовало формированию русского варианта мифологии государства, где монарх выступал как «земной бог и земной спаситель, харизматически связанный с небесным Богом и Спасителем-Христом и вместе с тем, как апостол, ведущий свою державу по пути спасения» [10]. Петр I вводит также новый культурный язык («гражданское посредственное наречие») и приспособленный к этому языку алфавит (гражданский шрифт). Противопоставление старой и новой азбуки, церковнославянского языка и русского языка отражало ситуацию двуязычия в культуре [9]. Религиозная культура понималась как «неправильная», «несуществующая». Однако она была необходима в качестве альтернативы, так как через нее и посредством нее осуществлялась связь с заданным первичным символом, «Третьим Римом». Вышедший смысл рассматривается имманентным своему презентанту, конкретной, вполне реальной, всегда персонифицированной государственной власти. Идея империи наделялась конкретным значением и являлась знаком, репрезентирующим притязания власти. В таком ключе идея империи понимается способом манифестации «метафизики» власти. В ситуации двуязычия идея империи, сформированная государственной идеологией, воспринималась русским культурным сознанием двойственным образом: либо как образ себя, либо как что-то, «привнесенное извне», то есть «чужое».

Сложившаяся в XX веке в России социокультурная ситуация стала следствием логики развития русской культуры предшествующих эпох. Если в имперской культуре носителем культурных ценностей являлось дворянство, то в советский период каждый гражданин Советского Союза считался потенциальным носителем культурных ценностей. Об этом в январе 1918 года на III Всероссийском съезде Советов заявил В. И. Ленин: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил для того, чтобы одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого – просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации» [15; 55]. Народ объявляется творцом культурных ценностей и собственной судьбы. Реальная власть принадлежала партии, делегировавшей себе право управлять от имени народа. В связи с переосмыслением концепта власти формируется новый вариант понимания трансцендентности. Местом обретения истины определялось эйдетическое пространство – Идея как таковая. Новые идеи формулировали

идеологи КПСС, которые особое внимание обращали на идею создания «нового социума общей судьбы» [2; 171]. Предполагалось, что в обществе нового типа будет достигнут компромисс между коммунистическими планами всеобщего объединения и национальными традициями и будет создана новая культура – «пролетарская по содержанию и национальная по форме» (Сталин) [2; 171]. Однако необходимо было создать условия для перехода к такому обществу, поэтому все внимание идеологов КПСС было направлено на развитие и реализацию идеи советского социалистического государства.

Идея советского государства основывалась на следующих идеях. Идея целостности, или тотальности, означала единство всех форм культуры, которые в разной степени осваиваются членами общества. Это отразилось на образе жизни людей в советское время, который в общих чертах был одинаковым везде. Идея иерархии определяла поведение советского человека во всех сферах жизни. Так, например, в зависимости от места человека в иерархии определялось его право голоса. В полной мере словом владел лишь первый человек в иерархии, Сталин, которого все цитировали и на которого все ссылались как на истину высшей инстанции. Идея целенаправленности выступала связующим звеном между другими идеями. Советская система была ориентирована на будущее. В будущем лежало ее оправдание. Советская система рассматривалась как подготовительный этап, как начало строительства светлого будущего, в котором будут жить следующие поколения. Неукорененность в сегодня и вследствие этого ирреальность самой системы необходимо было объяснить, потому что трудно заставить людей жить как бы понарошку [12; 168–169]. Партийная элита по-разному решала это противоречие. Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС в 1961 году объявил, что советские люди через двадцать лет будут жить при коммунизме [14; 132–138]. Когда двадцать лет прошло, но ничего не изменилось, в «брежневской» конституции СССР 1977 года официально стало утверждаться, что советский народ живет в «развитом социализме» [14; 168–169]. Тем самым официально было объявлено наступление светлого будущего. Люди, лишившись цели и идеала, перестали строить коммунизм и стали жить своими частными интересами. С этого момента советская система и культура оказываются в кризисном состоянии, так как без цели, без идеи светлого будущего они не могли существовать.

Несмотря на то что формируется новая система идей, в советской культуре используются механизмы смыслополагания русской культуры. Признание «объективных преимуществ» социализма позволяло обосновать справедливость и целесообразность деятельности любого рода,

независимо от того, какие социальные последствия она влечет за собой [2; 251–261]. Обожествлялась не только сама деятельность, но и ее субъекты. Прежде всего сакральный статус обрела бюрократическая деятельность [4]. Сакрализация власти привела к прямому обожествлению личности Сталина [3]. Таким образом, власть превращается в фетиш. Данный фетиш функционировал как самодостаточный знаковый комплекс, уже не имеющий никаких прототипов в контексте реальности и нормированной трансцендентности, репродуцируясь в режиме «симулякра» (подобия подобия). Идея «Третьего Рима» отсутствовала в советской культуре, но именно ее отсутствие было значимым. Идея советского государства, которому приписывалась миссия освобождения, просвещения и объединения народов, замещала данную смысловую структуру сознания.

Конституирование мифологемы империи в русском национальном сознании рассматривается как длительный процесс обретения национальной и культурной идентичности, обусловленный в первую очередь экзистенциальной потребностью «быть» частью мировой истории вне зависимости от расположения центра мировых событий. Эта установка предопределила изначальный дуалистический характер русской культурной идентичности, разрывающей-

ся между воображаемым идеалом и далекой от идеала действительностью. Стремление сохранить свое право на бытие стало движущей силой происходящих трансформаций идеала: от теократической концепции «Третьего Рима» к «Империи», а затем и к идее советского государства. Структурно-семиотический подход, примененный к текстам русской культуры, показал, что несмотря на радикальные изменения историко-политического ландшафта, сохраняется устойчивое структурное ядро изначального смыслополагания. Освоение «чужого» через противопоставление и обособление становится своего рода судьбой русской культуры, независимо от того, в какой форме реализуется этот архетип: сакральной ли форме коллективного мифа или секуляризованной и индивидуально осмысленной идее империи. В советский период мифологема империи приблизилась к исчезновению. Несмотря на идеологию строительства нового мира, в советской культуре эксплуатируется язык кода русской культуры. Идея империи используется в качестве инструмента социального контроля, постепенно превращаясь в знак, окончательно оторванный от своих референтов, и получает полную автономию, становясь «симулякром», воспроизводящим и транслирующим смыслы, неадекватные происходящим событиям.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг., подпроект «SCANDICA: культурные конвергенции».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н и с и м о в Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра I. СПб., 1997. 331 с.
2. В е р т Н. История Советского государства. 1900–199. М.: ИНФРА-М: Изд-во «Весь мир», 1998. 544 с.
3. В о л к о г о н о в Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина: В 2 кн. М.: Изд-во АПН, 1989. Кн. 1. Ч. 2. 367 с.
4. В о с л е н с к и й М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. 623 с.
5. Г у с с е р л ь Э. Идеи к чистой феноменологии. М.: ДИК, 1999. Т. 1. 311 с.
6. Д е л е з Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
7. Д м и т р и е в а Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. 215 с.
8. Д ь я к о н о в М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. 384 с.
9. Ж и в о в В. М. Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование // Семиотика культуры: Труды по знаковым системам / Тартуский государственный университет. 1981. Вып. 546. С. 54–67.
10. Ж и в о в В. М., У с п е н с к и й Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С. 47–153.
11. З е н ь к о в с к и й В. В. История русской философии. Париж, 1989. Т. 1. 469 с.
12. И о н и н Л. Г. Социология культуры. М.: Изд. корпорация «Логос», 1998. 280 с.
13. К л ю к и н а Л. А. Формирование и функционирование имперского сознания в русской культуре: опыт феноменологического прочтения / Федер. агентство по образованию Рос. Федерации, филос. фак., С.-Петерб. гос. ун-т, С.-Петерб. филос. о-во. СПб., 2009. 253 с.
14. Л е й б о в и ч О. Л. Россия, 1941–1991: Документы, материалы, комментарии / Перм. гос. ун-т; Зап.-Урал. учеб.-науч. центр. Пермь, 1993. 253 с.
15. Л е н и н В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1981. Т. 38: Март – июнь 1919. XXIV. 579 с.
16. Л о т м а н Ю. М., У с п е н с к и й Б. А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236–249.
17. М а м а р д а ш в и л и М. К., П я т и г о р с к и й А. М. Символ и сознание. СПб.: Азбука: Азбука-Атикус, 2011. 320 с.
18. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1984. 768 с.
19. С и н и ц ы н а Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
20. У с п е н с к и й Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 474 с.
21. Ф у к о М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Кастанья, 1996. 447 с.
22. Ф у к о М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 406 с.
23. Э к о У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004. 538 с.

Klyukina L. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IDEA OF EMPIRE AS WAY OF FORMATION RUSSIAN CULTURAL IDENTITY

In the frameworks of phenomenological approach a mythologem of the empire is understood as a phenomenon of domestic consciousness, denoting such intension of consciousness as sacralization of the national and state being. The idea of the empire is a mental design by means of which a selection and design of intentional availability is achieved. The aim of this article was to study the role of the mythologem / idea of the empire in the process of Russian cultural identity development. In accordance with the goal of the research the following tasks were completed: a research of the functioning mythologem / idea of the empire in the process of transformation of cultural identity in the XV–XVI centuries, in the XVII century, in the first half of the XX century; analysis of the ways representing the mythologem / idea of the empire in Russian culture of the XV–XX centuries. The phenomenological approach (E. Husserl), the metatheoretical approach (M. K. Mamardashvili, A. M. Pyatigorsky), the structural and semiotic approach (Zh. Delez, V. M. Zhivov, Yu. M. Lotman, B. A. Uspensky, M. Fuko, U. Eko) have been used in this work. The study resulted in the following conclusions. The constituting of the mythologem of the empire in the Russian national consciousness was a long process caused, first of all, by the existential requirement “to be” a part of the world history regardless of the center of the world events. This provision predetermined the initial dualistic nature of the Russian cultural identity tearing apart between an imagined ideal and reality, which is far from the ideal. In the XV–XVI centuries, in the circles of Russian clergy the concept of “The Third Rome”, expressing symphony between “priesthood” and “kingdom” was formed. In the XVIII century Peter I focused his policy on the values of western civilization and declared Russia an empire. The idea of “Empire” expressed sacralization of monarchical power. At the beginning of the XX century the first socialist state, the Soviet Union, was recognized by the Bolsheviks as a center of the world events. The idea of the Soviet state was treated by the Soviet ideologist as a paradigm of the power of people and in fact expressed sacralization of power of the party and party leaders. The aspiration to become part of the world history turned into a driving force of the occurring transformations: from a symbol of national consciousness to the ideological design representing claims of the power to “simulacrum”.

Key words: sign, idea of the empire, cultural identity, mythologem of the empire, symbol, structure of consciousness

REFERENCES

1. Anisimov E. V. *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержавie Petra I* [State reforms and autocracy of Peter I]. St. Petersburg, 1997. 331 p.
2. Vert N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [History of the Soviet State. 1900–1991]. Moscow, 1998. 544 p.
3. Volkogonov D. A. *Triumf i tragediya. Politicheskii portret I. V. Stalina* [Triumph and tragedy. Political portrait of I. V. Stalin]. Moscow, 1989. Vol. 1. № 2. 367 p.
4. Voslenskiy M. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. Leading class of the Soviet Union]. Moscow, 1991. 623 p.
5. Gusserl' E. *Idei k chistoy fenomenologii* [The ideas with apriori phenomenology]. Moscow, 1999. Vol. 1. 311 p.
6. Delez Zh. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg, 1998. 384 p.
7. Dmitrieva R. P. *Skazanie o knyaz' yakh vladimirskikh* [The legends about Vladimir's Princes]. Moscow; Leningrad, 1955. 215 p.
8. D'yakonov M. A. *Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevney Rusi* [The contours of the social and state system of the Ancient Russia]. St. Petersburg, 2005. 384 p.
9. Zhivov V. M. Peter's i alphabet reform as semiotic reform [Azbuchnaya reforma Petra I kak semioticheskoe preobrazovanie]. *Semiotika kul'tury: Trudy po znakovym sistemam* [Semiotika of the culture: Works about sign system]. Tartu State University. Is. 546. P. 54–67.
10. Zhivov V. M., Uspenskiy B. A. Tsar and God. Semiotic aspect of the Russian monarch sacralization [Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii]. *Yazyki kul'tury i problema perevodimosti* [Cultural languages and translation problem]. Moscow, 1987. P. 47–153.
11. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of the Russian philosophy]. Paris, 1989. Vol. 1. 469 p.
12. Ionin L. G. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of the culture]. Moscow, 1998. 280 p.
13. Klyukina L. A. *Formirovaniye i funktsionirovaniye imperskogo soznaniya v russkoy kul'ture: opyt fenomenologicheskogo prochteniya* [Forming and functioning of the imperial consciousness in Russian culture: experiment of the phenomenological reading]. St. Petersburg, 2009. 253 p.
14. Leybovich O. L. *Rossia, 1941–1991: Dokumenty, materialy, kommentarii* [Russia, 1941–1991: Documents, materials, comments]. Perm, 1993. 253 p.
15. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [The complete works]. Moscow, 1981. Vol. 38. 579 p.
16. Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. Echo of the concept “Moscow – the Third Rome” in the Peter's First ideology [Otvuki kontseptsii “Moskva – Tretiy Rim” v ideologii Petra Pervogo]. *Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages]. Moscow, 1982. P. 236–249.
17. Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. *Simvol i soznanie* [Symbol and consciousness]. St. Petersburg, 2011. 320 p.
18. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka* [The monuments of the literature of the Ancient Russia. The end of the 15th – the first half of the 16th centuries]. Moscow, 1984. 768 p.
19. Sinitsyna N. V. *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. The sources and evolution of the Russian medieval concept (15–16 centuries)]. Moscow, 1998. 416 p.
20. Uspenskiy B. A. *Etyudy o russkoy istorii* [The studies about Russian history]. St. Petersburg, 2002. 474 p.
21. Fuko M. *Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [Will to truth: On that side of knowledge, power and sexuality]. Moscow, 1996. 447 p.
22. Fuko M. *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The words and things: Archaeology of the humanities]. St. Petersburg, 1994. 406 p.
23. Eko U. *Otsutstviyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The absent structure. The introduction into semiology]. St. Petersburg, 2004. 538 p.

Поступила в редакцию 31.05.2013

АЛЕКСЕЙ СЕВАСТЬЯНОВИЧ РЕВАЙКИН

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

asr@sampo.ru

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ РОМАНОВСКИЙ

аспирант кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

walterptz@mail.ru

ПРИВАТИЗАЦИЯ КАК ФОРМА ТРАНСФОРМАЦИИ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ*

Теоретически осмысливается процесс преобразования отношений собственности в ходе экономических реформ в России в начале 90-х годов XX века. Собственность – это междисциплинарная категория и может быть рассмотрена как с философской, так и экономической точки зрения. Как философская категория собственность представляет собой единство внутренней и внешней сторон. Проведен анализ процесса преобразования отношений собственности в 90-е годы XX века, целью которого является изучение институциональных условий, сопровождавших рыночную реформу. В ходе исследования установлено, что неподготовленность институциональной среды для осуществления массовой приватизации стала причиной несправедливого распределения собственности, приведшего к консолидации наиболее выгодных активов в руках небольшой группы людей – олигархов. Кроме того, общество оказалось не готово принять феномен частной собственности и обеспечить устойчивое воспроизводство отношений собственности, что стало причиной неадекватного восприятия содержания отношений собственности.

Ключевые слова: собственность, собственник, приватизация, рыночные преобразования

Центральной проблемой институциональных исследований в России является трансформация собственности. Это связано с тем, что собственность представляет исходный принцип организации общества, его формальных и неформальных институтов, определяющий глубинную сущность социально-экономических, политических, правовых, нравственных отношений [11].

Приватизация представляет собой комплексный и достаточно сложный процесс, включающий создание соответствующей законодательной базы, а также разработку отраслевых нормативных актов. Общий импульс приватизации в мире зиждется на растущей уверенности в том, что частная собственность будет способствовать повышению эффективности убыточных предприятий. Этот процесс может затронуть одну отрасль, а может принять массовый характер, охватывающий тысячи предприятий разных отраслей.

С целью понимания механизма структурных преобразований необходимо обратиться к рассмотрению некоторых теоретических аспектов приватизации и отношений собственности. Ключевым элементом приватизационного процесса, без сомнения, является формирование новых отношений собственности. Собственность – одна из фундаментальных категорий экономической науки. Данный феномен пронизывает все сферы

социально-экономических отношений и определяет положение индивида относительно использования редких ресурсов [14]. Особый интерес представляет исследование собственности в переходный период, когда происходит трансформация сложившихся социально-экономических отношений.

Рассматривая собственность как философскую категорию, М. И. Леденев отмечал, что данный феномен «не есть внешнее по отношению к человеку – это свойство развивающейся личности. Собственность не вещь, не имущество, не выгода. Вещь, имущество могут быть общими, собственность – исключительно персональна. Вещь, имущество можно получить, до собственности надо дорасти» [5; 78].

Собственность – комплексное понятие, сущность которого может быть раскрыта через рассмотрение двух ее сторон. Первая сторона – внешняя – это исторически сложившийся способ присвоения благ, включающий владение, распоряжение и использование. Собственность в данном случае есть отношение между людьми по поводу вещей [11]. Данный подход является неотъемлемой частью институциональной теории и неразрывно связан с правом собственности на материальные и нематериальные объекты или требования, вытекающие из контрактных, а также неконтактных обязательств. Инсти-

туциональная теория рассматривает право собственности с юридической и неюридической точки зрения. В первом случае права собственности относятся как к осязаемым активам (физическим объектам), так и неосязаемым активам (патентам, авторским правам и т. д.).

Другой стороной собственности является ее внутренняя составляющая, связанная с духовными и физическими возможностями человека, его потенцией, направленной на реализацию знаний и умений. Гегель определял ее как внутреннюю собственность.

Две эти составляющие неразрывно связаны между собой и дополняют друг друга, стремясь к единству и соответствию. Любые изменения внешнего проявления собственности должны сопровождаться раскрытием потенциала индивида, его способностей и энергии. Однако в реальности состояния тождественности не удастся достигнуть, поскольку в ходе тех или иных преобразований утрачивается понимание важности внутренней составляющей.

Во взаимосвязи внутренней и внешней собственности ведущую роль играет внутренняя. В данном контексте необходимо обратить внимание на тезис, высказанный М. И. Ледневым по поводу трансформации отношений человека и собственности в переходный период: в процессе преобразования может оказаться недооцененным главный носитель «гена» собственности – человек. Именно он определяет возможную степень высвобождения физических и духовных сил для положительного творчества.

Таким образом, первостепенным по отношению к собственности является человек; собственность проявляет себя как функция человека, с развитием которого связаны основные проблемы преобразования собственности в переходный период [11; 53].

Проблема собственности нередко рассматривается вместе с процессом формирования частной собственности как некоего эталона рыночной экономики. Особенностью данного процесса является его длительность, поскольку становление эффективной структуры собственности есть процесс закономерный и последовательный, никак не подразумевающий одномоментного стихийного преобразования.

Частная собственность предполагает определенный образ мысли и поведения, формирует новые мотивы к труду, развивает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу, воспитывает творческое отношение к труду, ответственность за результаты. Это, в свою очередь, ведет к развитию в обществе соответствующих формальных и неформальных институтов.

Рассматривая процесс приватизации в России, начавшийся в 90-х годах прошлого столетия, можно отметить, что преобразование собственности началось задолго до кампании

массовой приватизации и ее влияние на этот процесс носило не столько прямой, сколько опосредованный характер [13].

Советская идеология рассматривала собственность прежде всего как коллективную собственность всех граждан. Преимуществом данного подхода считалось отсутствие эксплуатации производителя со стороны собственника. Собственность на средства производства и природные ресурсы управлялась от имени общества и в его интересах государством. Однако государственное управление в советский период было далеко не совершенным и обладало рядом недостатков, которые в период начала рыночных реформ связывались с неэффективностью государства в роли собственника. Таким образом, государственная собственность была дискредитирована. С целью преодоления этого порока предполагалось заменить собственника (государство) и разделить всю собственность между отдельными членами общества.

В западной научной мысли государственная собственность представляет собой разновидность частной, а государство, в свою очередь, является таким же собственником, как физические и юридические лица. Более того, есть множество примеров, когда государство вполне успешно может выполнять функции собственника. Откуда же берется такое несоответствие между советской и западной системами управления государственной собственностью?

Е. В. Устюжанина в работе «“Другая” частная собственность: приватизация по-русски» [13] указывает, что в СССР действовала классическая форма бюрократической собственности, основанная на государственной монополии на средства производства. Данная форма собственности характеризуется: государственной монополией на средства производства и природные ресурсы; концентрацией власти в руках определенной общественной группы; наличием отношений зависимости между субъектами, среди которых распределяются полномочия собственности; однонаправленной ответственностью – снизу вверх; законодательной возможностью передела объектов собственности между субъектами хозяйствования.

Данная модель управления собственностью обладала принципиальными недостатками, в частности неконкурентоспособностью. Отсутствие механизма согласования предпринимательского интереса с интересом собственника не позволяло данной модели быстро реагировать на изменяющиеся условия, что в конечном итоге и определило ее несостоятельность.

Тем не менее переход на рыночные рельсы развития требовал трансформации отношений собственности, что и послужило началом стихийной приватизации.

Приватизация предполагала продажу государственных предприятий частным собственникам. Безусловно, собственного подобного опыта в России не было, поэтому анализировался зарубежный опыт, в частности приватизация, проведенная в Великобритании правительством М. Тэтчер, в ходе которой в частные руки перешел ряд неэффективных предприятий. Однако подобного рода процессы за рубежом тщательно планируются, как с точки зрения подготовки соответствующей законодательной базы, прохождения процедуры предпродажной подготовки предприятий, так и наличия спроса, а именно покупателя, готового взять на себе ответственность и стать собственником данных объектов.

Еще одним моментом является происхождение средств, на которые совершается сделка. В Европе покупателями выступают солидные частные компании, в то время как в России у большинства населения значительных денежных ресурсов не было, а происхождение денег у тех, у кого они имелись, нередко вызывало сомнение. Таким образом, проводить приватизацию в условиях фактического отсутствия средств у населения можно было только как бесплатную и ваучерную [1].

Особенностью отечественной приватизации являлся номинальный характер собственности, то есть по факту распределялось не имущество, а лишь титул собственности – акции. Акции не давали мелким держателям возможности контролировать деятельность менеджмента. Экономически неграмотное население, не имеющее представления о механизме рыночных преобразований, было не готово принять на себя ответственность и сопутствующие ей риски управления собственностью.

Конечным итогом приватизации, по замыслу реформаторов, планировалась передача собственности в руки эффективного собственника, то есть в результате передачи собственности из рук государства в частные руки должны были заработать механизмы рыночной экономики. Вместо этого стали функционировать механизмы квазирыночной экономики.

Дж. Сорос, выступая на американско-российском симпозиуме инвесторов в Гарвардском университете, так прокомментировал массовую приватизацию в России: «...основная задача состояла в перераспределении капитала, что и было сделано с началом массовой приватизации. За ней стояла одна-единственная политическая идея – отобрать власть у отраслевых министерств и, соответственно, ликвидировать их... Так было в теории. На практике же проблема заключалась в том, что в частных руках не было капитала. Получить его можно было только через государственные предприятия, обворовывая их и кладя деньги в свой собственный карман. Получился замкнутый круг, блуждание по ко-

торому привело к возникновению системы *грабительского капитализма* в бывшем Советском Союзе» [12].

По сути произошла абсурдная трансформация «коллективной собственности» в частную собственность путем ее передачи населению, при этом по факту ни в первом, ни во втором случае население собственником не стало и не могло стать. В итоге ожидания работников предприятий были обмануты, а акции, в конечном счете, были консолидированы директорами предприятий. В. М. Полтерович писал по этому поводу: «...из-за “отрицательного спроса” на приватизационную реформу громадные ресурсы были потрачены впустую – на передачу собственности коллективов им же самим» [8].

Главной причиной неэффективного распределения прав собственности является отсутствие механизма реализации прав и защиты интересов собственников. Приватизация является скорее организационным мероприятием централизованного распределения прав собственности, не способным решить главную проблему становления частной собственности как общественного института, выделенную Д. Нормом, – обеспечение надежности, минимизация неопределенности в осуществлении соответствующих правомочий. Таким образом, смена собственника, образование на базе государственных предприятий акционерных обществ, передача ваучеров и акций не привели к становлению общественного института частной собственности. Реальная власть, а следовательно, и рычаги распоряжения имуществом остались у директоров предприятий.

Кроме того, владение собственностью в России в переходный период представляло собой определенный риск, связанный с произволом проверяющих, регистрирующих и других органов, с рэкетом со стороны недобросовестных конкурентов, мошенничеством партнеров, менеджеров, кредиторов, других акционеров. Нередко можно найти подтверждение факту, что в 1990-е годы защита частной собственности, контрактов и обеспечение их исполнения перешли под юрисдикцию частных групп, выполняющих эти функции путем физического принуждения, и организованной преступности вместе с системой взяток, предлагаемых органам милицейского контроля и другим чиновниками, в том числе прокурорам и судьям [15]. Все это подтверждает в целом слова К. Маркса о криминальном характере первичного накопления капитала.

Таким образом, процессы, происходящие в обществе и экономике в период распада СССР и начала рыночных преобразований, привели к формированию неадекватного восприятия содержания отношений собственности: под государственной собственностью стала пониматься монополия на средства производства и природные ресурсы, под частной – фиктивная акцио-

нерная собственность, поскольку право собственности в России – это набор возможностей, не подкрепленный действенным механизмом их защиты и не ограниченный от действий третьих лиц, направленных на объект собственности.

Можно констатировать, что в стране не были созданы подходящие условия для реализации столь массового преобразования. Для подавляющего большинства граждан приватизация в России ассоциируется с несправедливым перераспределением собственности, приведшим к консолидации наиболее выгодных активов в руках небольшой группы людей-олигархов.

М. И. Леденев, обращаясь к данной проблеме, отмечает: «Принятые законы о собственности, о земле, о приватизации жилья, принятые и отвергнутые программы выхода из кризиса слабы не только тем, что априори нормативны по своему существу. В них упущено главное – потребности и возможности самоосуществления данного, исторически конкретного российского человека. Их авторы, сознавая это или нет, руководствуются идеей некоего мирового опыта строительства рыночной экономики, которая, однако, никогда никем не строилась, но рефлексировалась исторически конкретным человеком» [5; 130].

У реформаторов не было иллюзий относительно приватизационных процессов в стране, что подтверждается словами А. Б. Чубайса, идеолога экономических реформ России в 1990-х годах, сказанными им в одном из интервью: «Мы не могли выбирать между честной и нечестной приватизацией, потому что честная приватизация предполагает четкие правила, установленные сильным государством, которое может обеспечить соблюдение законов. В начале 1990-х у нас не было ни государства, ни правопорядка...» [6].

Рассматривая текущее развитие прав собственности в обществе, стоит отметить, что к настоящему моменту сложилась достаточно разработанная нормативно-правовая база, регламентирующая отношения собственности. Основными направлениями в совершенствовании процесса становления частной собственности стали устранение негативных тенденций, сложившихся на ранних этапах приватизации, и повышение эффективности управления государственным имуществом [4]. Кроме того, наблюдаются тенденции по усилению роли государства в экономике и бизнесе путем консолидации активов посредством крупных госкорпораций.

Вместе с тем имеется ряд негативных факторов. В сфере становления, развития и защи-

ты правовых основ собственности, в частности, к ним относятся следующие проблемы [2], [4]: отсутствие механизмов, препятствующих осуществлению криминальных банкротств предприятий и рейдерству; отсутствие соответствия между отдельными положениями приватизационного законодательства и нормами Гражданского кодекса; массовые нарушения в сфере интеллектуальной собственности; сложность восстановления прав собственности и т. д.

Наличие проблем в сфере отношений собственности подтверждается проводимыми опросами и международными рейтингами. Так, по данным Global Competitiveness Index 2011–2012, который готовится Всемирным экономическим форумом, по уровню защищенности прав собственности Россия занимает в последнем рейтинге 130-е место [2].

Таким образом, трансформация собственности на пути становления частной собственности – достаточно продолжительный и закономерный процесс, требующий наличия в обществе определенной институциональной системы, основанной на уважении к закону и праву собственности. Эта система позволит со временем создать условия для перехода собственности в руки эффективного собственника. При этом доктор экономических наук Г. Х. Попов отмечал: «...необходимо понимание того, что ликвидация разрыва между тем, что есть, и тем, что хотим иметь, потребует нескольких десятилетий напряженного труда. Если эту идею не принять за основу и не внедрить повсеместно, дальше будет очень трудно действовать. Надо понять, что предстоит очень долгая и трудная работа. И никто вместо нас это не сделает» [9; 31].

Немаловажным в вопросе формирования структуры собственности представляется роль внешней институциональной надстройки. Благоприятная внешняя среда оказывает влияние не только на формирование эффективной собственности, но и на проведение успешной инвестиционной политики. Неразвитость внешней институциональной надстройки влечет за собой негативные последствия, выраженные в том, что право собственности грозит стать условным, производным и зависимым от политической власти, что сводит на нет любые преобразования отношений собственности. Понятие права на частную собственность практически теряет смысл, если это право должным образом не ограничено законом, контрактами и социальными нормами [15; 77].

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдар Е., Чубайс А. Развилка новейшей истории России. М.: ОГИ, 2011. 168 с.
2. Глухова М. Собственность в России: уже право, еще не священное [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.promros.ru/magazine/2012/mar/sobstvennost-v-rossii-uzhe-pravo-esche-ne-svyaschennoe.phtml>

3. Дюсусхе О. М. Зависимость от пути развития и эффекты блокировки в экономической науке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16213443/>
4. Иванецкая И. И., Наймущин М. Е. Проблемы в сфере регулирования отношений собственности современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-2/4/4.html>
5. Леденев М. И. Почему Россия петь перестала. Хабаровск, 2003. 320 с.
6. Михеев А. Энергия приватизации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ko.ru/articles/24084>
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 190 с.
8. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
9. Попов Г. Х. Экономическая политика в Российской Федерации: необходимость корректировки. 14.05.1995. Изд. Совета Федерации. М.: Известия, 1994.
10. Ревайкин А. С. Переходный период в России: состояние, основные проблемы // Петрозаводск – 300: Карелия в процессе перемен: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 25–26 сентября 2003 г. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. С. 146–156.
11. Ревайкин А. С. Реформирование российской экономики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 180 с.
12. Сорос Дж. Грабительский капитализм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/1364>
13. Устюжанина Е. В. «Другая» частная собственность: приватизация по-русски // Экономическая наука современной России. 2001. № 2. С. 74–95.
14. Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 702 с.
15. Явлинский Г. А. Социально-экономическая система России и проблема ее модернизации: Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 349 с.

Revaykin A. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 Romanovskiy D. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PRIVATIZATION AS FORM OF PROPERTY TRANSFORMATION: PROBLEMS OF PRIVATE PROPERTY FORMATION IN RUSSIA

The article is devoted to the problem of theoretical conceptualization of the property relations' transformation during economic reforms in Russia in the early 90s of the XX century. Property is an interdisciplinary category. It can be considered from both philosophical and economic point of view. As a philosophical category, the concept of property represents unity of internal and external sides. The analysis of the process of property relations' transformation in the 90s of the XX century was carried out. The purpose of this analysis was to study institutional conditions accompanying market reform. It was found out that institutional unpreparedness for implementation of massive privatization became a reason of unfair property distribution. It led to consolidation of the most favorable assets in the hands of a small group – oligarchs. Moreover, the society was not ready to accept a phenomenon of private property and to provide steady reproduction of the property relations, which in turn became the reason of inadequate perception of the essence of property relations.

Key words: property, owner, privatization, market transformations

REFERENCE

1. Gaydar E., Chubays A. *Razvilka noveyshey istorii Rossii* [Fork of the contemporary history of Russia]. Moscow, OGI Publ., 2011. 168 p.
2. Glukhova M. *Sobstvennost' v Rossii: uzhe pravo, eshche ne svyashchennoe* [Property in Russia: it is already right, but not sacred]. Available at: <http://www.promros.ru/magazine/2012/mar/sobstvennost-v-rossii-uzhe-pravo-eshe-ne-svyashchennoe.phtml>
3. Dyusushe O. M. *Zavisimost' ot puti razvitiya i efekty blokirovki v ekonomicheskoy nauke* [Dependence from a way of development and effects of blocking in economic science]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16213443/>
4. Ivanitskaya I. I., Naymushin M. E. *Problemy v sfere regulirovaniya otnosheniy sobstvennosti sovremennoy Rossii* [Problems in the sphere of regulation of the property relations in modern Russia]. Available at: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-2/4/4.htm>
5. Ledenev M. I. *Pochemu Rossiya pet' perestala* [Why did Russia cease to sing]. Khabarovsk, 2003. 320 p.
6. Mikheyev A. *Energiya privatizatsii* [Energy of privatization]. Available at: <http://ko.ru/articles/24084>
7. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutes, institutional changes and functioning of economy]. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi "NACHALA", 1997. 190 p.
8. Polterovich V. M. *Transplantation of economic institutes* [Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. 2001. № 3. P. 24–50.
9. Popov G. Kh. *Ekonomicheskaya politika v Rossiyskoy Federatsii: neobkhodimost' korrektyrovki* [Economic policy in the Russian Federation: need of adjustment]. Moscow, Izvestiya Publ., 1994.
10. Revaykin A. S. *Transition period in Russia: condition, main problems* [Perekhodnyy period v Rossii: sostoyaniye, osnovnyye problemy]. *Petrozavodsk – 300* [Petrozavodsk – 300]. Petrozavodsk, 2004. P. 146–156.
11. Revaykin A. S. *Reformirovaniye rossiyskoy ekonomiki* [Reforming of the Russian economy]. Petrozavodsk, 2008. 180 p.
12. Soros Dzh. *Grabitel'skiy kapitalizm* [Extortionate capitalism]. Available at: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/1364>
13. Ustyuzhanina E. V. *"Drugaya" chastnaya sobstvennost': privatizatsiya po-russki* ["Other" private property: privatization in Russian]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. 2001. № 2. P. 74–95.
14. Furubotn E. G., Rikhter R. *Instituty i ekonomicheskaya teoriya: Dostizheniya novoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii* [Institutes and economic theory: Achievements of the new institutional economic theory]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2005. 702 p.
15. Yavlinskiy G. A. *Sotsial'no-ekonomicheskaya sistema Rossii i problema ee modernizatsii. Diss. d-ra ekon. nauk* [Social and economic system of Russia and problem of its upgrade. Dr. econ. sci. diss.]. Moscow, 2005. 349 p.

Поступила в редакцию 07.02.2013

ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА КАДНИКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

*goldsun@mail.ru***ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА БОКОВА**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Петрозаводск, Российская Федерация)

tbokova@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Дано обоснование необходимости реформирования системы долгосрочного стратегического планирования. Описан комплект документов стратегического характера, используемый для управления публичными финансами на федеральном уровне. Подчеркивается исключительная роль исполнительных органов власти в процессе стратегического планирования. Рассмотрены элементы стратегического планирования на государственном уровне согласно проекту Федерального закона «О государственном стратегическом планировании». На основании анализа действующего регионального законодательства сделан вывод о том, что в субъектах РФ отсутствует единый подход к созданию системы стратегического планирования. В качестве подтверждающих примеров рассмотрены документы стратегического характера ряда субъектов Северо-Западного федерального округа: Ленинградской, Мурманской областей и Республики Карелия. Изучена стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года и дана ее краткая характеристика. В контексте проведенного анализа стратегических документов субъектов РФ был выявлен ряд их недостатков.

Ключевые слова: государственное стратегическое планирование, элементы стратегического планирования, стратегия социально-экономического развития, государственная программа

На современном этапе социально-экономического развития России трансформационные процессы приобрели особое значение. Прикладная ориентация модернизации имеет разнонаправленный характер. Прежде всего она нацелена на создание государством эффективных моделей функционирования различных подсистем, в том числе в образовании, здравоохранении, социальной сфере, институциональной науке, бюджетной сфере и других. В этой связи возникает объективная необходимость формирования действенной системы долгосрочного стратегического планирования как инструмента управления общественными финансами [2]. На сегодняшний день существующая система имеет целый ряд недостатков, особое место среди которых занимает несогласованность социально-экономических прогнозов с долгосрочными стратегиями и концепциями развития государства, что, в свою очередь, влияет на качество и эффективность управления.

Государственное стратегическое планирование (процесс государственного стратегического планирования) – регламентируемая законодательством РФ деятельность органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ и иных участников процесса государственного стратегического пла-

нирования по прогнозированию социально-экономического развития, программно-целевому планированию и стратегическому контролю, направленная на повышение уровня социально-экономического развития РФ, рост благосостояния граждан и обеспечение национальной безопасности¹.

Для перехода управления общественными финансами на принципиально новый уровень необходимо решить ряд проблем, одной из которых является отсутствие взаимосвязи между инструментами стратегического и бюджетного планирования [4]. В настоящее время идет попытка создания системы стратегического планирования, которая предполагает определенную взаимосвязь между документами с учетом их иерархии и соподчиненности.

На федеральном уровне при формировании системы стратегического планирования используются следующие документы (см. таблицу).

Стоит подчеркнуть, что методология формирования и реализации этих документов применяется только на федеральном уровне, хотя в условиях реализации принципа единства должна быть разработана на всех уровнях управления общественными финансами. Данный комплект документов также свидетельствует об исключи-

Документы и индикаторы стратегического планирования, используемые
на федеральном уровне

Наименование документа	Орган, отвечающий за разработку и утверждение	Срок реализации	Содержание документа
Приоритетные целевые индикаторы соц.-экон. развития РФ	Определяются Президентом РФ и разрабатываются Правительством РФ	6 лет	Отражают значения целевых индикаторов, сроки и условия их достижения
Прогноз соц.-экон. развития РФ	Правительство РФ	18 лет	Содержит систему научно обоснованных представлений о направлениях и результатах соц.-экон. развития на прогнозируемый период
Ежегодное послание Президента РФ Федеральному собранию РФ	Президент РФ и Администрация Президента РФ	1 раз в год	Включает корректировку целевых индикаторов соц.-экон. развития, основные направления бюджетной политики
Концепция долгосрочного соц.-экон. развития	Правительство РФ	12 лет, при необходимости подлежит актуализации и продлению каждые три года	Представляет систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях соц.-экон. развития и задачах, которые необходимо решить для долгосрочных целей
Стратегия национальной безопасности РФ	Совет безопасности РФ	12 лет, подлежит актуализации (при необходимости) и продлению каждые три года	Служит достижению целей, определенных целевыми индикаторами соц.-экон. развития
Долгосрочные прогнозы условий соц.-экон. развития	Правительство РФ	Не менее 30 лет с актуализацией по мере необходимости	Включают демографический прогноз, прогноз пенсионной системы, прогноз природно-ресурсного потенциала, научно-технологический прогноз, прогноз основных показателей соц.-экон. развития субъектов РФ
Долгосрочный бюджетный прогноз (бюджетная стратегия)	Правительство РФ	18 лет	Содержит основные параметры бюджетной системы, основные положения бюджетной, налоговой и долговой политики, предельные расходы на реализацию госпрограмм (до 12 лет), условия и параметры, характеризующие риски для бюджетной системы
Государственные программы	Разрабатываются ответственным исполнителем, утверждаются Правительством РФ	Не менее 12 лет + план-график на 3 года и при необходимости «дорожные карты»	Объединяют регулятивные инструменты, контрольно-надзорные функции, финансовые и нефинансовые активы и инструменты, государственные задания на оказание услуг, бюджетные ассигнования для достижения целей, конкретные результаты государственной политики в соответствующих сферах
Доклад о результатах и основных направлениях деятельности	Федеральные органы исполнительной власти	Ежегодно	Отчет о результатах за 3-летний период и план деятельности на 3-летний период по реализации соответствующих государственных программ

тельной роли исполнительной власти в бюджетном процессе, так как основными разработчиками стратегических документов являются органы исполнительной власти. Однако, с нашей точки зрения, к созданию и реализации документов стратегического планирования целесообразно привлекать также контрольно-счетные органы и общественность.

Если говорить о правовом закреплении основ комплексной системы долгосрочного стратегического планирования, то они установлены в проекте Федерального закона № 143912–6 «О государственном стратегическом планировании» [3]. Согласно ему, государственное стратегическое планирование по функциональному содержанию состоит из трех направлений: государственное программирование; программно-целевое и территориальное планирование; стратегический контроль и мониторинг реализации документов стратегического планирования.

Система стратегического планирования в узком смысле включает участников и докумен-

ты стратегического планирования. В широком смысле в состав системы стратегического планирования входят следующие элементы:

- участники долгосрочного стратегического планирования, их полномочия и порядок взаимодействия;
- документы стратегического планирования: состав, государственная регистрация и их общественное обсуждение, формирование системы стратегического планирования;
- принципы организации системы стратегического планирования;
- функции и задачи системы стратегического планирования;
- информационное обеспечение стратегического планирования.

Все элементы системы стратегического планирования взаимосвязаны между собой и представляют единое целое [5]. В проекте закона стратегическое планирование рассматривается на двух уровнях управления: федеральном и региональном; состав документов стратегическо-

го планирования, разрабатываемых на местном уровне, не определен.

В настоящее время в субъектах РФ отсутствует единый подход к созданию системы стратегического планирования. В качестве примеров рассмотрим документы стратегического характера в ряде субъектов Северо-Западного федерального округа [1].

Стратегическое планирование в Ленинградской области регулируется областным Законом «О стратегическом планировании социально-экономического развития Ленинградской области», согласно которому к стратегическим документам данного субъекта РФ относятся: прогнозы развития, концепции развития, программы развития, государственные программы, долгосрочные целевые программы².

В Мурманской области, в отличие от Ленинградской области, нет единого нормативно-правового акта, регулирующего стратегическое планирование. Комплект документов, регулирующих социально-экономические отношения Мурманской области в стратегической перспективе, включает в себя стратегию социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года, модель системы целеполагания исполнительных органов государственной власти Мурманской области в реализации стратегической цели – обеспечения высокого качества жизни населения региона. Также к документам стратегического характера можно отнести прогнозы на очередной финансовый год и плановый период и долгосрочные программы³.

В Республике Карелия, как и в Мурманской области, в отсутствие единого нормативно-правового документа стратегического планирования сформирован пакет документов:

- стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года (далее – Стратегия);
- концепция социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2015 года;
- программа социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2015 года;
- схема территориального планирования Республики Карелия.

Ключевым комплексным программным документом стратегического планирования в регионах является стратегия социально-экономического развития субъекта РФ. Это связующее звено для целого ряда документов. С одной стороны, для ее реализации разрабатывают бюджетную стратегию и схему территориального планирования и расселения территории субъекта РФ, с другой стороны, в среднесрочном периоде данный документ реализуется в рамках программы социально-экономического разви-

тия субъекта РФ и, в конечном итоге, в форме государственных программ.

Именно программный метод является одним из наиболее эффективных методов управления публичными финансами и решения комплексных проблем развития общества. В условиях, когда происходит уменьшение доходных источников бюджета, вводятся «бюджетные правила», невозможно постоянно наращивать расходы, следовательно, остается повышать эффективность расходования бюджетных средств. Одним из направлений повышения эффективности бюджетных расходов и выступают госпрограммы.

Являясь принципиально новым инструментом стратегического управления публичными финансами, государственные программы обладают рядом преимуществ:

- выступают связующим звеном между стратегическим и бюджетным планированием;
- содействуют повышению эффективности использования имеющихся ресурсов;
- содержат инструменты государственной политики и государственного регулирования.

Базовой целью Стратегии Республики Карелия является повышение качества жизни населения в условиях сбалансированного развития экономики. Устойчивость экономики планируется достичь путем перехода к новой промышленной политике по инвестиционно-инновационному сценарию. Данная модель подразумевает на первоначальном этапе поддержку традиционных для Карелии отраслей экономики (лесная, горнодобывающая промышленность, рыболовство и туризм), а также внедрение инновационных инструментов. Предполагается, что данные меры позволят простимулировать вспомогательные и поддерживающие производства и инфраструктуру и, как следствие, повысить инвестиционную привлекательность Карелии. Для реализации Стратегии в Карелии выделяют пять территориально-производственных кластеров («точек роста»), в рамках которых будет развиваться инфраструктура:

- 1) Петрозаводск, Прионежский и Кондопожский районы;
- 2) Сегежа – Надвоицы;
- 3) Северное Приладожье – Питкяранта, Сортавала;
- 4) Лахденпохья;
- 5) «коридор развития»: Костомукша – Калевала – Кемь – Беломорск.

В рамках Стратегии выделено пять программ развития: инновационное развитие; развитие человеческого капитала; горнодобывающая промышленность; образование и культура; блок, включающий реализацию в Карелии нацпроектов и четыре базовых инновационно-инвестиционных проекта: «Лесная Карелия», «Недра Карелии», «Гостеприимная Карелия» и «Новая Карелия».

В качестве результатов, заявленных в Стратегии, которые Республика Карелия планирует достичь при содействии РФ, выделено⁴:

1. Укрепление экономического и социального единства РФ за счет развития инфраструктуры территории Республики Карелия как одного из опорных ее регионов.

2. Сохранение и обеспечение российского экономического контроля над приграничной территорией в условиях эффективной интеграции в контексте европейского выбора России.

3. Эффективное выполнение функций приграничной территории за счет развития пограничной и таможенной инфраструктуры, а также дорожной сети и дорожного хозяйства в целом.

4. Эффективный опыт интеграции приграничных территорий при сближении «Северо-Запад России – Северная Европа».

5. Реализация пилотного проекта изменения модели региональной экономики от «сырьевой экономики» через «товарную экономику» к «экономике услуг» и «информационной экономике».

6. Формирование лесного кластера как явления постиндустриального лесопользования в условиях транснационализации экономики и в контексте промышленной политики РФ и Республики Карелия.

7. Создание близкой и доступной для мегаполисов РФ и Северной Европы туристско-рекреационной зоны.

8. Обеспечение политического руководства и эффективного контроля федерального центра за выполнением национальных проектов на территории Карелии.

9. Развитие человеческого капитала и социальной сферы, сохранение культурного разнообразия северного субэтноса как составной части российского этноса.

10. Формирование гражданского общества, апробирование новых общественных форматов и институтов гражданского общества, а также адаптация европейских общественных институтов и стандартов.

Анализ стратегических документов вышеуказанных субъектов РФ выявил наличие ряда недостатков:

- Отсутствие взаимосвязи между различными стратегическими документами. Например, стратегии социально-экономического развития вышеперечисленных субъектов лишь частично увязаны с положениями стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года.

- Целевые индикаторы (их количество) не позволяют оценить достижение цели в определенный промежуток времени.

- За достижение цели и решение задач отвечают различные ведомства, что сказывается на исполнительской дисциплине.

- В стратегию социально-экономического развития субъекта РФ зачастую включают различные программные проекты, на которые в краткосрочной перспективе планируется выделение финансирования, тем самым подменяя стратегические решения проектными.

- Не разработана система постоянного мониторинга реализации стратегических планов. Например, нет комплексного анализа итогов реализации первого этапа стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года.

- Зачастую стратегические планы носят формальный характер, не подкрепляются конкретными нормативно-правовыми актами и источниками финансирования [3].

- При формировании стратегических планов органы власти дублируют инструменты пилотных регионов или федерального уровня, не учитывая требования уровня власти, региональных особенностей, а также планов развития бизнеса.

Для систематизации механизмов разработки и реализации систем стратегического планирования в субъектах РФ Министерством экономического развития РФ была подготовлена анкета для оценки процесса стратегического управления развитием субъекта РФ. В анкету включены следующие разделы:

1. Приверженность руководства субъекта стратегическим целям.

2. Прогнозирование социально-экономического развития субъекта РФ.

3. Стратегия социально-экономического развития как инструмент управления развитием.

4. Координация стратегического управления и мер бюджетной политики.

5. Вовлечение органов государственной власти субъекта РФ в процесс разработки и реализации вышеуказанной стратегии.

6. Вовлечение общественного экспертного сообщества в процесс разработки и реализации вышеуказанной стратегии.

7. Организация стратегической деятельности в субъекте РФ.

На основании результатов данной анкеты можно будет сделать вывод об общей картине стратегического планирования в РФ и перейти на более качественный уровень управления общественными финансами в связи с принятием законопроекта «О государственном стратегическом планировании».

Если говорить о прикладных рекомендациях в сфере стратегического планирования, то для Республики Карелия целесообразно, с нашей точки зрения, внедрение унифицированной процедуры стратегирования в органах исполнительной власти, то есть формирование системы целей по горизонтам планирования, уровням управления и механизмам их решения.

В качестве лучшей практики в области стратегического планирования является опыт Казахстана, который разработал две долгосрочные стратегии: до 2030 и 2050 годов. Новая система стратегического планирования позволила Ка-

захстану преодолеть экономический кризис и добиться роста экономики. В конечном итоге формирование достоверного программного бюджета возможно только при качественном долгосрочном стратегическом планировании.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Проект Федерального закона № 143912–6 «О государственном стратегическом планировании» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/21223.html#UlkfutKoTaw>
- ² Областной закон «О стратегическом планировании социально-экономического развития Ленинградской области» (в ред. Законов Ленинградской области от 26.02.2008 № 9-оз, от 14.09.2011 № 64-оз, от 19.02.2013 № 6-оз) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=132471>
- ³ Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minec.gov-murman.ru/content/strat_plan/sub02/
- ⁴ Постановление от 24 июня 2010 г. № 1755–IV ЗС «О Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=5402>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранберг А. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 15–27.
2. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 3. С. 27–50.
3. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: методология, практика, инструменты, институты: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: Ин-т системного анализа РАН, 2011. 40 с.
4. Стратегическое управление: Регион; Город; Предприятие / Под ред. Д. С. Львова, А. Г. Гранберга. М., 2005. 625 с.
5. Толстогузов О. В. Управление процессом разработки и реализации стратегического планирования социально-экономического развития региона: (На основе опыта Республики Карелия): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: Ин-т проблем региональной экономики РАН, 2003. 26 с.

Kadnikova T. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

Bokova T. A., Karelian branch of federal public budgetary educational institution of higher education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration” (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOME ASPECTS OF STATE STRATEGIC PLANNING IN RUSSIAN FEDERATION AT PRESENT STAGE

Justification of the need to reform the system of long-term strategic planning is given. A set of documents of strategic character used for management of public finance at the federal level is described. The exclusive role of executive branch in the course of strategic planning is emphasized. Some elements of strategic planning at the state level, according to the draft of the federal law “About the state strategic planning”, are considered. On the basis of the analysis of the existing regional legislation a conclusion is drawn. There is no uniform approach on how to create a system of strategic planning in territorial subjects of the Russian Federation. To verify our conclusion a set of documents of strategic character from a number of territorial subjects of the North Western federal district was considered: Leningrad region, Murmansk region, and Republic of Karelia. The strategy of social and economic development of the Republic of Karelia till 2020 is studied and its short characteristic is given. The analysis of strategic documents elaborated by the subjects of the Russian Federation revealed a number of drawbacks.

Key words: state strategic planning, elements of strategic planning, strategy of social and economic development, state program

REFERENCES

1. Granberg A. Strategy of territorial social and economic development of Russia: from idea to realization [Strategiya territorial'nogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii: ot idei k realizatsii]. *Voprosy ekonomiki* [Economy questions]. 2001. № 9. P. 15–27.
2. Kleyner G. B. System paradigm and system management [Sistemnaya paradigma i sistemnyy menedzhment]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian magazine of management]. 2008. Vol. 6. № 3. P. 27–50.
3. Seliverstov V. E. *Regional'noe strategicheskoe planirovanie: metodologiya, praktika, instrumenty, instituty. Avtoref. diss. ... d-ra ekon. nauk* [Regional strategic planning: methodology, practice, tools, institutes. Avtoref. diss. ... Dr. of Economic Sciences]. Moscow, Institut sistemnogo analiza RAN Publ., 2011. 40 p.
4. *Strategicheskoe upravlenie: Region; Gorod; Predpriyatie* [Strategic management: Region; City; The Enterprise]. Moscow, Ekonomika Publ., 2005. 625 p.
5. Tolstoguzov O. V. *Upravlenie protsessom razrabotki i realizatsii strategicheskogo planirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: (Na osnove opyta Respubliki Kareliya). Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk* [Management of the process of development and realization of strategic planning of social and economic development of the region: (On the basis of the experience of the Republic of Karelia). Avtoref. diss. ... Candidate of Economic Sciences]. St. Petersburg, 2003. 26 p.

Поступила в редакцию 29.10.2013

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА КАРГИНОВА
аспирант кафедры экономической теории и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
vkarginowa@yandex.ru

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РЕЗКИХ КОЛЕБАНИЙ КОТИРОВОК НА ФОНДОВОЙ БИРЖЕ: ОТКАЗ ОТ ОСТАНОВКИ ТОРГОВ*

Резкие изменения цен на фондовом рынке приводят к его дестабилизации и создают угрозу для всей социально-экономической системы страны. Однако текущие методы их предотвращения, главным из которых является остановка биржевых торгов, не только не решают, но зачастую еще и усугубляют проблему. В статье предложен новый инструмент сглаживания колебаний котировок ценных бумаг, основанный на модификации правил расчета комиссионных платежей биржи.

Ключевые слова: фондовая биржа, колебания цен, остановка торгов, комиссионные платежи

МЕТОДЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕЗКОГО КОЛЕБАНИЯ КОТИРОВОК ЦЕННЫХ БУМАГ

В истории фондовых бирж не раз происходили резкие изменения цен обращающихся на них активов, что приводило к финансовым потерям трейдеров и эмитентов ценных бумаг. В конечном итоге доверие к институту фондовой биржи снижалось, и он переставал выполнять свою основную функцию – эффективно перераспределять свободно имеющиеся средства, обеспечивая капитал эмитентам и доход инвесторам. Учитывая это, мировая практика выработала комплекс мероприятий по недопущению быстрого снижения или роста котировок.

Вопрос сглаживания колебаний биржевых цен рассматривался в работах таких российских и зарубежных ученых, как О. Буклемишев [1], С. М. Гуриев [2], Н. Мильчакова [3], П. Кругман [7], Н. С. Мажлuf и С. Майерс [8] и др.

К существующим методам предотвращения резкого падения или роста котировок финансовых активов относятся:

1. Остановка торгов в целом по фондовой бирже или в отношении конкретного актива, осуществляемая регулятором рынка ценных бумаг при достижении определенной группой показателей установленных пороговых значений.

Данная мера выглядит оправданной при необходимости предотвращения на фондовом рынке сделок, основанных на сговоре участников или использовании инсайдерской информации. Однако в случае, если причиной колебаний котировок является изменение социально-экономической или политической системы, остановка торговли ценными бумагами может лишь усугубить проблему. Рассмотрим, почему это происходит. В случае если инвесторы на основании проведенного анализа эмитента приходят к выводу, что на текущий момент времени его акции переоценены, они на-

чинают продавать данные ценные бумаги, желая совершить это прежде, чем текущая рыночная цена снизится до прогнозируемой ими величины. Но благодаря тому, что в современном мире одни и те же сведения поступают практически одновременно ко всему множеству инвесторов, выставлять на продажу активы также начинает не один, а несколько трейдеров, что оказывает существенное влияние на уровень котировок. В свою очередь, стремительное падение цены является основанием для прекращения торгов на бирже. Но это и новый негативный информационный сигнал, способный убедить еще большее число инвесторов в том, что данные ценные бумаги ненадежны. На рынке начинается паника. Трейдеры боятся, что в силу остановки торгов они не смогут продать данные ценные бумаги до того, как те обесценятся. Потому, как только торговля на фондовой бирже возобновляется, темпы падения цен могут усилиться: ведь еще большее число инвесторов будет стремиться продать данные активы, а новая остановка торгов еще сильнее ухудшит ситуацию. В качестве яркого примера, подтверждающего этот замкнутый круг, можно привести остановку торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже в понедельник 27 октября 1997 года. По окончании торгов пятницы индекс Dow Jones Industrial Average был выше 7700 пунктов. Но в течение понедельника наблюдалось сильное падение индекса. После того как он снизился на 350 пунктов, торги были остановлены на 30 минут. Это еще больше увеличило панику на рынке, и после возобновления торговли за 24 минуты индекс потерял еще 200 пунктов, что послужило поводом для повторной остановки торгов, теперь уже до конца дня. Таким образом, на момент закрытия Dow Jones Industrial Average составил 7161, уменьшившись за день на 7,2 %, или на 554 пункта. Это далеко не самое большое падение фондового индекса в течение одного торгового дня, но пример на-

глядно показывает, что остановка рынка скорее не предотвращала падение рынка, а притягивала его [9; 3–5]. Также отметим, что для активов, обращающихся на нескольких фондовых биржах, при остановке торгов лишь на одной из них, в то время как на остальных они продолжают осуществляться по причине не столь стремительно происходящих изменений цен или иных установленных пороговых значений, возникает проблема расхождения котировок на данный актив на разных площадках, что, в свою очередь, создает возможность для проведения арбитражных сделок и трудности при залоговых операциях с данными ценными бумагами. Таким образом, остановка торговли на фондовой бирже может не только не способствовать решению проблемы, но и обострить текущую ситуацию.

2. Покупка (продажа) ценных бумаг.

В качестве альтернативного метода поддержания фондового рынка иногда рассматривается покупка (продажа) ценных бумаг государством. Данный метод позволит удерживать цены фондовых активов на требуемом уровне, но его нельзя назвать эффективным в силу своей затратности и рискованности. Кроме того, при кризисных явлениях государству иногда более целесообразно направить имеющиеся средства на поддержание других секторов финансового рынка, в частности банковского сектора. Также отметим, что активное вмешательство государства в дела фондового рынка может способствовать негативным настроениям среди инвесторов.

Таким образом, проведенный анализ существующих методов сглаживания колебаний цен на фондовой бирже показал, что они позволяют достичь желаемого результата лишь в ограниченном числе случаев, а также сопряжены со значительными затратами и риском. Следовательно, можно сделать вывод, что существующие на фондовой бирже институты не способны минимизировать негативное влияние на биржу деструктивного поведения инвесторов, которые стремятся максимизировать лишь личный выигрыш в данном периоде и не думают об эффективности функционирования всей социально-экономической системы в будущем. Между тем в долгосрочной перспективе всем трейдерам необходимо развитие фондового рынка, повышение его надежности и привлекательности для новых эмитентов и инвесторов.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ МЕРЫ ПО НЕДОПУЩЕНИЮ РЕЗКОГО ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН НА ФОНДОВЫХ БИРЖАХ

Социально-экономические последствия несовершенства существующей системы операций с ценными бумагами делают необходимым изменение действующих институтов фондового рынка таким образом, чтобы предотвратить деструктивное поведение инвесторов. Изменение

поведения экономических субъектов осуществляется быстрее, если мы трансформируем для них правила игры, а не будем стремиться изменить мотивы или стратегии их поведения.

С учетом вышеизложенного в качестве метода решения поставленной проблемы предлагаем дифференцировать комиссионные платежи бирж в зависимости от существующих колебаний котировок активов: если они незначительны, то и размер комиссии должен быть меньше, чем при наличии резко отрицательного или положительного тренда. Для обоснования данного предложения нами проведено исследование с использованием метода квазиестественного эксперимента и общенаучных методов (методов формальной логики, системного подхода и др.).

В настоящее время на ОАО «Московская Биржа» комиссионные вознаграждения определяются главным образом в зависимости от объемов совершаемых на бирже сделок, иногда увеличенных на величину фиксированной месячной платы (более подробно тарифы биржи см. на сайте [5]). Таким образом, они не являются механизмом предотвращения деструктивного поведения инвесторов. На Нью-Йоркской фондовой бирже биржевые сборы рассчитываются более сложно и зависят преимущественно от нескольких параметров: количества акций сделки, стоимости акции, среднесуточного объема и выставления и исполнения лимит-ордеров (более подробно тарифы биржи см. на сайте [11]). Таким образом, несмотря на то, что Нью-Йоркская фондовая биржа поощряет выставление цен лучше текущих рыночных, она не застрахована от резкого колебания котировок. Кроме того, не всегда поощрение более высоких цен оправданно, так как это также может способствовать повышенному темпу роста фондового рынка, а для его регуляторов первоочередной задачей является наличие не высоких, а объективных цен.

В случае предлагаемой дифференциации комиссионных вознаграждений биржи инвесторы, ранее желающие продать быстро дешевающие активы, чтобы минимизировать собственные потери за счет прочих участников торговли, вероятно, откажутся от данного решения, так как при повышенных комиссиях их личные потери будут несопоставимо больше. Аналогично данный механизм делает непривлекательным манипулирование ценами акций в сторону их повышения. При этом особенно эффективным он будет в отношении высокочастотных трейдеров, производящих гораздо больший объем операций, чем инвесторы, не вооруженные специальными техническими приспособлениями.

На ОАО «Московская Биржа» установлены следующие правила остановки торгов:

1) Приостановка торгов отдельной ценной бумагой во всех режимах, кроме РЕПО и РПС, осуществляется на 30 минут при отклонении на

20 % текущей цены от цены закрытия предыдущего торгового дня по данной ценной бумаге.

2) Приостановка торгов акциями во всех режимах торгов, кроме РЕПО и РПС, осуществляется в зависимости от величины отклонения текущего значения индекса ММВБ от последнего значения индекса ММВБ, рассчитанного в предыдущий торговый день: при отклонении индекса на 15 % – на 30 минут; при отклонении индекса на 25 % – до истечения текущего торгового дня (подробнее см. сайт [4]).

Для сравнения: на Нью-Йоркской фондовой бирже с апреля 1998 года правила остановки торгов устанавливаются ежеквартально путем расчета пороговых значений индекса Dow Jones Industrial Average как 10, 20 или 30 % от среднего значения закрытия торгов предыдущего месяца, округленного до ближайших 50 пунктов. В зависимости от того, какого порогового значения достигло падение индекса, а также от времени, когда это произошло, торги на фондовой бирже останавливаются на 30 минут, 1 час, 2 часа или до конца дня (пороговые значения индекса на январь 2013 года можно посмотреть на сайте Нью-Йоркской фондовой биржи [10]).

С учетом существующего порядка определения тарифов биржи и правил приостановления торгов для ОАО «Московская Биржа» можно предложить следующий порядок определения комиссионных платежей биржи:

1) Начальные размеры комиссий бирж определяются по существующей методике и различаются в зависимости от тарифных планов (см. подробнее [5]).

2) При отклонении текущей цены от цены закрытия предыдущего торгового дня по отдельной ценной бумаге:

- от 10 до 20 % – оборотная часть комиссионных платежей биржи по операциям с данной ценной бумагой увеличивается в 100 раз по сравнению с первоначальным уровнем;

- от 20 до 30 % – оборотная часть комиссионных платежей биржи по операциям с данной ценной бумагой увеличивается в 1000 раз по сравнению с первоначальным уровнем;

- свыше 30 % – оборотная часть комиссионных платежей биржи по операциям с данной ценной бумагой увеличивается в 5000 раз по сравнению с первоначальным уровнем.

3) При подобных отклонениях текущего значения индекса ММВБ от последнего значения индекса ММВБ, рассчитанного в предыдущий торговый день, происходит аналогичное изменение оборотной части комиссионных платежей по всем ценным бумагам, обращаемым на фондовой бирже. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о создании универсальной методики определения комиссионных платежей, применимой на всех фондовых биржах мира, а лишь о выработке нового единого подхода при

определении комиссионных бирж. Для каждой отдельной торговой площадки необходимо учитывать характерную для нее среднюю волатильность, так как на недостаточно развитых рынках ценных бумаг колебания котировок активов выше, чем на развитых, но, поскольку являются привычными, не приводят к резким неблагоприятным последствиям. В частности, приведенные правила остановки торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже предусматривают прекращение торговли при менее значительном колебании цен на активы и в среднем на более длительный срок, чем на ОАО «Московская Биржа».

Предлагаемая методика не ставит перед собой цель нивелирования снижения или роста цен на активы в принципе, лишь предполагает недопущение их резкого изменения. Само по себе колебание цен может свидетельствовать об изменении финансового состояния эмитента ценных бумаг и о его более корректной оценке со стороны рынка. Целью предлагаемых изменений не является получение биржами дополнительного дохода, так что лишь при угрозе падения фондового рынка комиссионные платежи увеличатся, а в прочих условиях они должны снизиться (что отдельно от рассматриваемой проблемы является благоприятным фактором для участников торговли).

По сравнению с существующими методами сглаживания цен на фондовом рынке, к преимуществам данной методики можно отнести:

- 1) гибкость: незамедлительное реагирование на колебание котировок на фондовой бирже;
- 2) меньшие затраты и рискованность.

Однако невозможно однозначно оценить, насколько предлагаемый метод эффективнее существующих, так как эффективность предлагаемой методики расчета комиссионных платежей биржи зависит от индивидуальной склонности к риску участников торговли. Если допустить, что все трейдеры принимают решения о совершении сделки на основе показателя математического ожидания, рассчитываемого по формуле:

$$\text{Ожидание} = (PW \times AW) - (PL \times AL),$$

где PW – доля выигрышных сделок; PL – доля убыточных сделок; AW – средний выигрыш (в рублях); AL – средний убыток (в рублях) [6; 157], то можно легко прийти к выводу, что деструктивное поведение инвесторов при расчете комиссионных бирж по предлагаемой методике будет менее вероятно, чем при использовании других мер, направленных на сглаживание биржевых цен. Ведь при резких колебаниях котировок математическое ожидание трейдера в системе, предполагающей остановку торгов или выкуп акций государством, будет больше, чем в системе, где расчет комиссионных платежей биржи зависит от динамики цен (в первом случае мы искусственно поддерживаем показатели на требуемом уровне, в то время как во втором снижение средней прибыли и рост среднего убытка

приведут к уменьшению математического ожидания). Таким образом, при прочих равных условиях участник биржевой торговли с большей вероятностью заключит сделку, способствующую поддержанию негативных рыночных трендов, в первом случае, а не во втором.

Недостатком данной системы по сравнению с существующими является необходимость постоянного расчета текущего размера комиссионных платежей для фондовой биржи и обеспечение доступа инвесторов к данной информации. Но с учетом современного уровня развития информационных технологий это не будет сопряжено со

значительными трудовыми или денежными ресурсами. Нами не обнаружено случаев рассмотрения предлагаемого метода предотвращения резкого колебания цен на фондовые активы в литературе или его использования на практике.

ВЫВОД

Предлагаемая методика расчета комиссионных бирж поможет предотвратить резкие колебания котировок на фондовых рынках. Однако для этого необходимо, чтобы информация о текущем размере комиссионных была доступна инвесторам в любой момент проведения торгов.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бу к л е м и ш е в О. Почему государству не стоит играть на фондовом рынке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/gosplan/234269-pochemu-gosudarstvu-ne-stoit-igrat-na-fondovom-rynke>
2. Гу р и е в С. М. Мифы экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. М.: Альпина Бизнес Букс, 2010. 296 с.
3. М и л ь ч а к о в а Н. Эффективность фондового рынка: институциональный подход // Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 97–110.
4. Процедура приостановки торгов ценными бумагами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rts.micex.ru/a775>
5. Тарифы Основного рынка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rts.micex.ru/s153>
6. Т а р п В. Трейдинг – ваш путь к финансовой свободе / Пер. с англ., под ред. В. Ильина. СПб.: Питер, 2005. 368 с.
7. К r u g m a n P. How Did Economists Get It So Wrong // The New York Times. 2009. 6 September. P. MM36.
8. M a j l u f N. S., M y e r s S. Corporate financing and investment decisions when firms have information that investors do not have // Journal of Financial Economics. 1984. Vol. 13. P. 178–222.
9. M i l l e r R. M. Experimental economics: how we can build better financial markets. N. J.: John Wiley & Sons, Inc., 2002. XXII. 314 p.
10. NYSE Announces First-Quarter 2013 Circuit-Breaker Levels. Available at: <http://www.nyse.com/press/1356952550175.html>
11. NYSE Trading Fees. Available at: <http://usequities.nyx.com/markets/nyse-equities/trading-fees>

Karginova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PREVENTION OF ABRUPT FLUCTUATIONS OF PRICES ON STOCK EXCHANGE: CANCELLATION OF CIRCUIT BREAKERS

Abrupt changes of prices at the stock exchange lead to its instability and a threat to the whole social and economic system of the country. However, the current methods of preventing such changes, the most popular of which is to stop exchange trading, do not solve them, but even more often exacerbate the problem. This paper proposes a new tool of smoothing fluctuations in securities' prices based on a modification of the calculation rules for trading fees at the stock exchange.

Key words: stock exchange, price fluctuations, circuit breakers, trading fees

REFERENCES

1. B u k l e m i s h e v O. *Pochemu gosudarstvu ne stoit igrat' na fondovom rynke* [The state should not play the stock market]. Available at: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/gosplan/234269-pochemu-gosudarstvu-ne-stoit-igrat-na-fondovom-rynke>
2. G u r i e v S. M. *Mify ekonomiki. Zabluhdeniya i stereotipy, kotorye rasprostranyayut SMI i politiki* [Myths of the economy. Misconceptions and stereotypes from mass media and politics]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2010. 296 p.
3. M i l ' c h a k o v a N. The effectiveness of the stock market: an institutional approach [Effektivnost' fondovogo rynka: institutsional'nyy podkhod]. *Voprosy ekonomiki*. 2004. № 5. P. 97–110.
4. *Protsedura priostanovki trgov tsennymi bumagami* [The procedure of suspension from trading of securities]. Available at: <http://rts.micex.ru/a775>
5. *Tarify Osnovnogo rynka* [Rates of the Main Market]. Available at: <http://rts.micex.ru/s153>
6. Т а р п V. *Treyding – vash put' k finansovoy svobode* [Trade your way to financial freedom]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 368 p.
7. K r u g m a n P. How Did Economists Get It So Wrong // The New York Times. 2009. 6 September. P. MM36.
8. M a j l u f N. S., M y e r s S. Corporate financing and investment decisions when firms have information that investors do not have // Journal of Financial Economics. 1984. Vol. 13. P. 178–222.
9. M i l l e r R. M. Experimental economics: how we can build better financial markets. N. J.: John Wiley & Sons, Inc., 2002. XXII. 314 p.
10. NYSE Announces First-Quarter 2013 Circuit-Breaker Levels. Available at: <http://www.nyse.com/press/1356952550175.html>
11. NYSE Trading Fees. Available at: <http://usequities.nyx.com/markets/nyse-equities/trading-fees>

Поступила в редакцию 14.03.2013

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
efimova1870@rambler.ru

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР С. И. МИНИЦКИЙ И КАДРОВЫЙ ВОПРОС В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ*

Рассматривается, чем были обусловлены и в чем состояли утвержденные Николаем I в начале своего царствования особые меры по привлечению на гражданскую службу в Олонецкую губернию чиновников. При этом акцент сделан на механизме принятия этих мер и роли, которую сыграл в этом процессе архангельский, вологодский и олонецкий генерал-губернатор С. И. Миницкий. В результате проведенного исследования оказалось, что именно в период генерал-губернаторства Миницкого олонецкая губернская администрация представила имперскому правительству ходатайство о необходимости придания Олонецкой губернии статуса отдаленной губернии. Совокупная поддержка этого представления генерал-губернатором Миницким и сенатором Барановым обеспечила его успех – в 1828 году определяемые на службу в Олонецкую губернию чиновники и канцелярские служители получили преимущества, дарованные ранее отправляющимся на службу в сибирские и Кавказскую губернии. Однако предпринятые меры не принесли быстрого результата и правительству пришлось их продлить в 1832 году.

Ключевые слова: Олонецкая губерния, особенности статской службы, генерал-губернатор

Мало кто из исследователей и сейчас оспорит сложившееся в научной литературе еще с дореволюционного времени мнение о дореформенном чиновничестве как поголовных взяточников, крючкотворах и волокитчиках. На сегодняшний день достаточно выяснены как основные причины, вызывавшие подобное поведение, так и общие меры, принимавшиеся имперским правительством по борьбе с этими негативными явлениями¹. Достигнуты определенные успехи и в изучении региональных особенностей кадровой политики². Однако, на наш взгляд, еще недостаточно хорошо изучены эти особенности применительно к Европейскому Северу³. Цель статьи – показать, чем были обусловлены и в чем состояли принимаемые имперским правительством особые меры по привлечению в Олонецкую губернию на гражданскую службу чиновников, каков был механизм принятия этих мер и степень их эффективности. При этом акцент будет сделан на роли, которую сыграл в этом процессе архангельский, вологодский и олонецкий генерал-губернатор С. И. Миницкий, при котором в Олонецкой губернии и были впервые введены особые преимущества. Хронологические рамки статьи ограничены периодом его нахождения в этой должности, то есть с 18 мая 1823 по 18 апреля 1830 года⁴.

Приступив к исполнению своих обязанностей, генерал-губернатор С. И. Миницкий, как и его предшественник А. Ф. Клокачев, очень скоро столкнулся с кадровой проблемой. Своим рапортом от 14 июня 1824 года Олонецкое губернское правление во главе с губернатором А. И. Рыхлевским донесло, что в подведомствен-

ных ему присутственных местах не замещено 62 вакансии канцелярских должностей⁵, отчего происходит медлительность в письмоводстве и производстве дел. «Никого нельзя убедить из-за малости жалованья», которое составляет для канцелярских чинов от 80 до 100 рублей в год. «Такая же причина нужды в секретарях», которых нет «в Губернском правлении, Казенной и Гражданской палатах, в 2-х уездных и 4-х земских судах». Но «в особой крайности» находится само Губернское правление, в котором из-за отсутствия способных канцелярских служащих «на ответственности» члены правления, кроме заслушивания «во множестве входящих бумаг» и наложения резолюций, лежит обязанность «просматривать и расписывать даже входящие бумаги и поверять справки», а также написанные столоничальниками бумаги, часть из которых сделана «без всякого порядка и слогу». Члены же Правления за неимением секретарей готовят дела к слушанию. «Никто не хочет идти в секретари, так как их жалованье в нижних присутственных местах составляет 250 рублей в год, а в Губернском правлении и палатах – 450 рублей, тогда как даже канцелярские чиновники в Казенной палате получают по 800 рублей». Хотя по указу от 30 декабря 1815 года, разъяснялось далее, к секретарям положено еще быть и помощникам, но на них не хватает установленных по штату сумм. Другой не менее важной причиной нехватки чиновников Правление считало «дороговизну» в губернии всех продуктов и вещей первой необходимости, «но особенно хлеба». В результате Правление просило при-

бавки жалованья канцеляристам всех присутственных мест губернии, а в штат Губернского правления – 2-го секретаря, но, самое главное, разрешить определять «в число канцелярских чиновников лиц податного состояния», как это допущено делать «по питейной части в 1818 г.» в 29 великорусских губерниях, или «предоставить служащим какие-то особые выгоды»⁶. Генерал-губернатор, найдя эти причины «уважительными», 31 декабря 1824 года вошел в правительство с представлением о крайнем недостатке чиновников и канцелярских служителей.

Ответ от министра внутренних дел к С. И. Миницкому последовал в отношении от 29 октября 1825 года. В. С. Ланской писал, что: 1) «по уважению обстоятельств» и на основании Высочайше утвержденного 13 мая 1823 года положения Комитета министров он разрешает определить 2-го секретаря в Олонецкое губернское правление; 2) прибавка членам и секретарям губернских правлений, уголовных и гражданских палат в сравнении с казенными палатами на основании указа от 14 ноября 1824 года «зависит от Вас»⁷; 3) несмотря на то что «наполнение мест канцелярских чинов из податных сословий» запрещено указом 1810 года, он все же внес этот вопрос на разрешение Сената. Решение по 3-му пункту последовало уже при Николае I, 31 августа 1826 года он утвердил положение Комитета министров. В нем говорилось, что, приняв в уважение ходатайство генерал-губернатора Миницкого, присутственным местам Олонецкой губернии дозволялось «принимать на службу в канцелярское звание лиц податного состояния», в том числе и отпущенных на волю помещиками, на том же основании, как это позволено в малонаселенных Могилевской, Херсонской губерниях и Белостокской области (то есть без разрешения таким лицам до получения классного чина переходить на службу в другие губернии)⁸.

Однако такие паллиативные меры не достигали своей цели. По-прежнему оставались в силе штаты и жалованье, утвержденные Александром I еще в 1802–1804 годах и несколько увеличенные в 1821 и 1824 годах в связи с инфляцией⁹. При этом увеличение практически не коснулось нижних канцелярских служителей, для которых штаты вообще не расписывались, а жалованье выплачивалось ежеквартально («по третям») по усмотрению начальства из общих сумм, отпущенных на «канцелярский расход», включающий в себя, например, приобретение чернил и бумаги, отопление и освещение помещений.

Николай I, как и его брат, решил начать свое правление с пересмотра штатов всех государственных учреждений. Первый реальный шаг в этом направлении был сделан в отношении канцелярий генерал-губернаторов, штаты которых царь утвердил 26 февраля 1826 года. А 2 октября 1826 года Комитет министров постановил:

«...для отвращения затруднений в содержании как губернских канцелярий, так и присутственных мест по губерниям», составить по министерствам общие губернские штаты и внести в Государственный совет. Надпись царя на журнале Комитета гласила: «Весьма нужно и я прошу сим не замедлить». Однако когда министр внутренних дел представил по своему ведомству такой проект, то Николай I повелел собрать по этому поводу предварительно мнения генерал-губернаторов, а где их нет – гражданских губернаторов. В соответствии с этим 30 ноября 1826 года министр предложил С. И. Миницкому представить «как ныне существующие штаты ведомства Министерства внутренних дел», так и проект новых штатов с объяснением причин необходимых изменений и «вашим мнением». Генерал-губернатор в свою очередь поручил 10 декабря Олонецкому губернскому правлению сделать это¹⁰.

Олонецкое губернское правление во главе с губернатором Т. Е. Фан-дер-Флитом уже 31 декабря представило проект, а в сопровождавшем его рапорте подробно объяснило причины «увеличения числа канцелярских чиновников и жалованья», которые кратко можно свести к трем основным: 1) повышение курса серебряного рубля по сравнению с ассигнационным; 2) увеличение «год от года» количества текущих по губернии дел; 3) весьма невыгодное положение губернии «как по суровому климату и уединенному ее положению, так и по существующей в ней дороговизне на все продукты, но особенно хлеба». В самом проекте, например, для себя Олонецкое губернское правление просило вместо положенных по штату 3 советников и 1 асессора ввести 4 советников, положив каждому жалованье в размере 2400 рублей в год вместо 1500, оставить 2 секретарей, но повысить им жалованье с 800 рублей до 1200 каждому, а также придать им 2 помощников – с жалованьем по 900 рублей каждому в год. Кроме этого, Правление предлагало разделить штаты собственной канцелярии и губернатора, так как, писало оно, из-за постоянно возрастающего количества текущих дел оно уже не может отделять чиновников для губернаторской канцелярии «без крайнего расстройств в течение собственных дел». Однако в своем ответе от 12 января 1827 года С. И. Миницкий сообщил губернатору, что составленный проект «не совсем согласен с требованием Министерства внутренних дел», и просил его составить штаты заново, уменьшив при этом некоторые статьи, чтобы «излишеством не навлечь замечаний»¹¹.

Представляя 11 февраля 1827 года министру внутренних дел проекты новых штатов, Миницкий писал, что, получив от 3 губернских правлений проект, он «подробно рассмотрел и составил для каждой губернии особый проект», руководствуясь ныне существующими ценами на жиз-

ненные припасы, курсом серебряного рубля и «бережливостью», но все равно без увеличения штатов и жалованья не обойтись. При этом хуже всего положение в Олонецкой губернии, где «не токмо при городничих и земских судах не имеется письмоводства, но и в самом Губернском Правлении канцелярская служба имеется по найму». Причина этому одна, заключал он, — «на бедное содержание невозможно приискать желающих, чиновники от бедности впадают в преступления или подвергаются взысканиям»¹².

В дополнение к этому представлению Минницкого летом 1827 года губернатор Т. Е. Фандер-Флит вышел в Министерство внутренних дел с проектом о переносе губернского города из Петрозаводска в Вытегру. Так как «Описание Олонецкой губернии», в составе которого и фигурировал данный проект, относилось к разряду менее официальных представлений по сравнению с ежегодным отчетом или обзорением, то в нем были указаны и другие причины того, почему чиновники не желают служить в губернии. Например: «Чиновники, отправляющиеся на службу в сибирские города многолюдные, благоустроенные, встречают хорошее общество, все приятности жизни и во многих местах изобилие и дешевизну. Напротив, приезжающим в Олонецкую губернию представляется малолюдство и уединение, можно сказать, пустынное. Нигде не находят они ни общества, ни увеселений общественных, а при всем том должны, как и все, терпеть бедность, по выше сказанной несоразмерности жалованья с дороговизною. При сем сравнении невольно родится мысль: как бы благодетельно было чиновникам, определяющимся в Олонецкую губернию, предоставить какое-либо исключительное преимущество, наподобие даруемых тем, кои отправляются на Кавказ или в губернии Сибирские»¹³.

Мнение генерал-губернатора С. И. Минницкого абсолютно совпало с мнениями других «начальников губерний». При этом все они обращали особое внимание на положение «канцелярских», которое «было хуже последнего поденщика» [1; 37]. Неслучайно поэтому правительство решило начать улучшение положения чиновничества именно с этой группы: 14 октября 1827 года Николай I утвердил «Положение о канцелярских служителях гражданского ведомства». Однако для олонецкой губернской администрации в нем было одно удручающее обстоятельство, а именно запрет поступать на гражданскую службу представителям из податных сословий¹⁴. Впрочем, тем из них, кто поступил на нее еще до принятия «Положения» 14 октября 1827 года, по особым узаконениям (подобным указу от 31 августа 1826 года по Олонецкой губернии) давали дослужить, включив в 4-й разряд¹⁵.

В Олонецком губернском правлении это «Положение» было заслушано 22 октября 1827 года,

а 2 ноября в Петрозаводск для ревизии приехал сенатор Д. О. Баранов. Правление, готовя к его приезду ведомости о состоянии губернии, предписанные сенаторской инструкцией 1819 года, посчитало крайне важным предупредить их весьма пространном рапортом. В нем говорилось, что Олонецкая губерния с самого ее открытия, то есть «с 1802 г., и до сего времени претерпевает совершенный недостаток... в чиновниках и особенно канцелярских служителях». С уничтожением же в 1811 году в ней дворянских выборов, писало Правление, оно, «дабы только не остановить хода дел, замещало вакантные места людьми, кои, хотя прежде служили в здешней губернии, но были удалены от должностей по суду или же подвергшихся за упущения по службе... суду, а из вновь являвшихся принимать... таких чиновников, кои, не упражняясь в юриспруденции, не только не имеют достаточных познаний к исправлению в полноте своих обязанностей... но и самого порядка в производстве дел». Неопытность чиновников усугубляется сомнительной нравственностью некоторых из них, которые в переписке по службе наносят друг другу личные оскорбления, чем и без того затрудняют ход «важных дел». Однако главной причиной накопления дел по присутственным местам Правление считало «склонность к ябедам низкого класса людей», которые, не доверяя следствиям, проводимым земской полицией, жалуются на нее губернскому начальству. Чиновники же эти, «не имея прямого понятия о законах», не знают, как устранить от себя эти «нелепые подозрения», при этом многие из них, не желая заниматься «затруднительными делами, и само подозрение принимают за средство» к устранению себя от них. Вот поэтому «вся тяжесть» разбора переписок по личным неудовольствиям между чиновниками уездных присутственных мест, рассмотрение жалоб населения на них и даже проведение самих следствий «упадает» на Губернское правление, которое командировает для их разрешения не только своих членов¹⁶, но и членов уездных и земских судов из других уездов, отчего накапливаются дела уже в этих местах. Далее Правление жаловалось на то, что «канцелярских служителей с момента вторичного открытия здешней губернии никогда не было в комплекте, а во многих местах и половинного даже против штатного...». Никакие меры — ни вызов через столичные ведомости, ни требования от епархиальных архиереев¹⁷, ни запросы в Герольдию — «не обратили в Олонецкую губернию желающих не только в канцелярское звание, но и на классные должности». Последняя переписка об этом, писало Правление, состоялась в 1826 году. В результате появилось мнение Государственного совета 31 августа 1826 года, но «ныне и сей способ Общим положением от 14 октября 1827 года запрещен». В связи с этим Правление просило сенатора «усмотреть... край-

ность» с канцелярскими кадрами, из-за которой оно и раньше «само признавалось пред правительством и ныне сознается в совершенной невозможности иметь не только достодолжного порядка, но и самонужнейшего успеху в производстве дел и переписок». А дальше Правление не только практически дословно повторило свое представление к генерал-губернатору от 14 июня 1824 года о положении дел у себя, но и добавило к нему новые подробности о служащих у него канцеляристах. Так, например, что из ныне служащих 8 столоначальников только 2 «способны быть помощниками секретарю», другие же и большая часть писцов не только «не знают в сочинении бумаг ни силы, ни порядка», но даже «правил правописания»; что только за 1827 год переменилось 11 столоначальников и «выбыло вовсе из штата правления 13 человек, в том числе большей частью малолетние, с коих невозможно даже взыскивать. В течение многих лет из принимаемых в канцелярию Губернского правления... замечены не имеющие хорошей нравственности, иные нетрезвого поведения, другие строптивы так, что самые меры сыска чрез полицию и удержания под арестом не производили над ними исправительного действия». А в это время производство дел по Правлению «год от году умножалось: так, в 1824 г. поступило входящих бумаг – 7009, а исходящих – 15 655; в 1826 г. соответственно – 9802 и 30 901». В заключение Правление, вновь констатируя, что «все меры к привлечению в сей край способных чиновников оказались недействительными», писало, что единственный выход из положения ему видится в «даровании льгот, которыми пользуются чиновники в Сибири и Кавказской губернии»¹⁸.

Сенатор Д. О. Баранов в своих донесениях Сенату от 29 января и 17 марта 1828 года подтвердил «крайний и общий недостаток по всей Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей»¹⁹, присоединив к ним для большей убедительности и сами рапорты Правления. Сенат передал все бумаги на разрешение министру внутренних дел, который приказал олонецкому губернатору представить ему отчет о количестве недостающих чиновников. Исполнительный рапорт последовал от губернатора П. А. Лачинова 15 мая 1828 года²⁰.

Несомненно, что столь солидарные донесения олонецкой губернской администрации, генерал-губернатора Миницкого и сенатора Баранова окончательно убедили правительство и царя в необходимости принятия в отношении Олонецкой губернии особых мер. 31 октября 1828 года Николай I утвердил мнение Государственного совета «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей». Согласно ему, определяющиеся сюда классные чиновники получали следующий чин (но не выше статского советника) и обязаны

были для его удержания прослужить в губернии не менее 6 лет; канцелярским же служителям в 2 раза сокращался срок выслуги 1-го классного чина по сравнению с Положением 14 октября 1827 года. Кроме этого всем отправляющимся на службу в Олонецкую губернию выдавались двойные прогоны²¹. Помимо этого с конца 1827 года по требованию министра внутренних дел в губерниях началось составление штатов для нижних канцелярских служителей, а также определение размера необходимых им пайка и одежды. Губернатор Лачинов, представляя 26 декабря таковые по ведомству Министерства внутренних дел к генерал-губернатору, писал, что был вынужден из-за «крайнего уединенного положения Олонецкой губернии», дороговизны продуктов и «бедности здешних градских обществ» отнести содержание градских полиций на счет казны, а не городов, как того требовало законодательство. С. И. Миницкий, препровождая этот проект министру внутренних дел при отношении от 7 января 1828 года, в своем мнении согласился с мнением губернатора, но несколько уменьшил размер пайка и сумму, которая была предположена на форменную одежду для среднего и младшего разряда служителей²².

А пока в империи шел сбор проектов штатов, правительство хотело удостовериться, насколько эффективными оказались принятые в отношении Олонецкой губернии 31 октября 1828 года меры. Как видно из рапорта Лачинова от 18 декабря 1828 года, Сенат успел к этому времени определить в губернию из желающих 10 человек в члены земских судов и чиновники особых поручений при губернаторе. Оставалось еще заполнить вакансии 1 заседателя и 1 секретаря в Лодейнопольский и Вытегорский земские суды, а также 51 канцелярского служителя. Сделать это будет возможно, писал губернатор, так как к нему уже начали поступать прошения от отставных чиновников и канцелярских служителей из других губерний. Однако неожиданно случилась заминка. 18 января 1829 года министр внутренних дел для доведения государю о результатах предпринятых мер затребовал у губернатора ответа на вопрос: Все ли замещены места по Вашему списку от 15 мая 1828 года? 29 января губернатор рапортовал, что главная причина незаполнения вакансий канцелярских служителей состоит в том, что присланные в Олонецкое губернское правление прошения не содержат необходимых документов о службе, качествах и способностях желающих, поэтому Правление приняло решение напечатать объявления в газетах обеих столиц, чтобы желающие прилагали к прошениям требуемые бумаги. 22 марта и 25 сентября 1829 года министр вновь запросил, как обстоят дела с замещением вакантных мест. Ответ был представлен новым губернатором А. И. Яковлевым, но, к сожалению,

выяснить, каково было содержание этого рапорта, нам пока не удалось, но зато известно, что им весьма интересовался генерал-губернатор, предложивший 18 октября губернатору представить ему список с этого рапорта. А 20 декабря 1829 года Миницкий, в ответ на присланный к нему от Яковлева отчет о первоначальном обозрении губернии, писал, что им до сих пор не получено ни от него, ни от Правления донесений о том, что сделано по высказанным в ходе этого обозрения губернатором замечаниям. В связи с этим генерал-губернатор задавал резонный вопрос: Кто виноват в выявленных недостатках? Если это бездействие нижних присутственных мест, то чиновников и канцеляристов, не исполняющих надлежащим образом свои обязанности, «щадить не для чего», так как теперь нет недостатка в желающих служить в губернии²³.

Однако центральное правительство и генерал-губернатор явно торопили события, надеясь на быстрое решение кадровой проблемы. Как покажут дальнейшие события, происходившие уже после одновременно последовавшей 18 апреля 1830 года отставки генерал-губернатора Миницкого и ликвидации архангельского, вологодского и олонекского генерал-губернаторства, на службу в Олонецкую губернию просились чиновники далеко не лучшие. Об этом свидетельствуют зафиксированные нами уже во 2-й половине 1830 года случаи удаления некоторых из них от должности с лишением полученных чинов за неспособность или плохое поведение. Неслучайно в 1832 году имперское правительство было вынуждено вновь подтвердить преимущества, предоставленные определяющимся на службу в Олонецкую губернию классным чиновникам и канцелярским служителям в 1828 году²⁴.

Подведем итоги. К концу правления Александра I Олонецкая губерния столкнулась с крайним недостатком штатных классных чиновников и канцелярских служителей. По мнению

местной администрации, этому способствовали как общие, так и особенные причины. К общим были отнесены инфляция и резко возросший документооборот, к особенным – суровый климат и «крайнее уединение губернии». Специфика губернии, в свою очередь, порождала особенности социального и экономического положения ее населения. Олонецкая губерния характеризовалась как «малолюдная», «недворянская», с абсолютным преобладанием государственных крестьян. Это приводило, с одной стороны, к тому, что местный аппарат управления формировался из коронных чиновников, главным источником существования которых было казенное жалование, а с другой стороны, к большому потоку жалоб на местную администрацию со стороны сельского населения, более грамотного и независимого в силу специфики их занятий промыслами, нежели это было во внутренних «крепостнических» губерниях. Впрочем, по этим параметрам Олонецкая губерния была схожа с другими окраинными губерниями, но, прежде всего, с сибирскими [5; 197–232]. Однако было и отличие – это крайнее «уединение» Олонецкой губернии, приводившее к необыкновенной, даже по сравнению с Сибирью, дороговизне продовольствия. Многочисленные представления олонекской губернской администрации в 1-й половине 1820-х годов о нехватке табельных чиновников и канцелярских служителей не имели успеха, пока не были поддержаны генерал-губернатором Миницким и сенатором Барановым. В результате в 1828 году Олонецкая губерния получила статус отдаленной губернии, что позволило распространить на определявшихся на службу табельных чиновников и канцелярских служителей преимущества, предоставленные их коллегам в сибирских и Кавказской губерниях. Однако, как показали дальнейшие события, эти меры не принесли быстрого результата и были продлены в 1832 году.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-11-10001 Региональный конкурс «Русский Север: история, современность, перспективы») и Программы стратегического развития ПетрГУ (подпроект «CARELICA») в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., работы Е. А. Анучина, С. М. Середонина, А. И. Парусова, О. В. Моряковой, Л. Ф. Писарьковой, Т. Г. Архиповой, М. Ф. Румянцевой, В. М. Марасановой.

² Наиболее, по нашему мнению, изучена специфика Сибири (см., напр., работы А. В. Ремнева, Н. П. Матхановой, И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. А. Волчек).

³ Мы можем лишь отметить некоторые публикации, так или иначе связанные со спецификой формирования и работы местного государственного аппарата в 1-й половине XIX века по Архангельской губернии М. Б. Баловой, Вологодской – О. А. Плех, Олонецкой – И. И. Благовещенского, И. В. Савицкого и В. В. Ефимовой.

⁴ Кадровая политика первого архангельского, вологодского и олонекского генерал-губернатора А. Ф. Клокачева (19 марта 1820 – 3 января 1823) отражена нами в особой статье [3], поэтому данное исследование мы рассматриваем в качестве ее продолжения.

⁵ В частности, писало Правление, в городнических правлениях уездных городов: Олонца, Лодейного Поля, Каргополя, Пудожа и Повенца нет ни одного штатного канцелярского чиновника, а в Петрозаводске и Вытегре – только по одному, всего не хватает 12 канцеляристов. Только в 2 из 5 дворянских оек есть по 1 штатному канцеляристу. В 7 нижних земских судах требуется 6 штатных служащих, а в 7 уездных судах – 39.

⁶ Безусловно, имелись в виду «выгоды», предоставленные ранее некоторым отдаленным губерниям, в числе которых были Сибирь, Грузия и Кавказская губерния. А учитывая, что Рыхлевский был назначен олонекским губернатором после

- многолетней службы на Кавказе, нетрудно прийти к заключению, что именно этот губернатор первым выдвинул предположение о возможности отнесения Олонецкой губернии к числу отдаленных губерний [4; 36].
- ⁷ Согласно этому указу, в Олонецком губернском правлении полагалось иметь 3 советника, 1 ассессора и 2 (в указе – 3, но это ошибка!) секретарей. Советнику жалование повышалось с 600 до 1500 рублей, ассессору – с 450 до 1000, секретарю с 450 (в ведомости 375 р., но это также ошибка!) до 800 рублей. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее – ПСЗ-1). Т. 39. № 30116.
- ⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 166–167. Л. 1–5, 35–38, 45–51; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее – ПСЗ-2). Т. 1. № 570.
- ⁹ В 1807 году 1 ассигнационный рубль приравнялся к 90 коп. серебром, а в 1822-м за 1 серебряный рубль давали 3 рубля 73 коп. ассигнациями [2; 149].
- ¹⁰ ПСЗ-2. Т. 1. № 154; Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО). Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1834. Л. 1–2.
- ¹¹ ГА АО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1834. Л. 18–32.
- ¹² Там же. Л. 61–66.
- ¹³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 130; Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/53. Л. 5–8.
- ¹⁴ К таковым, например, относились купцы (за исключением купцов 1-й гильдии), вольноотпущенники, мешане и их дети.
- ¹⁵ ПСЗ-2. Т. 2. № 1469.
- ¹⁶ В рапорте уточнялось, например, что советник Баранкеев был в командировках по расследованию жалоб и проведению следствий в 1824 году – 4 месяца, в 1825 – 6, в 1826 – 10 месяцев; ассессор Яльцов в 1824 – 6 месяцев, в 1825 – более 3, в 1827 году – 8 месяцев.
- ¹⁷ Положением Комитета министров от 17 октября 1814 года вновь было подтверждено право присутственных мест принимать к себе на службу семинаристов, как окончивших, так и не окончивших полный курс обучения в семинариях. См.: ПСЗ-1. Т. 32. № 25708.
- ¹⁸ НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 336. Л. 103, 298–318.
- ¹⁹ По представленным сенатору ведомостям, по губернии не было замещено свыше 140 штатных мест.
- ²⁰ ГА АО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1834. Л. 188; РГИА. Ф. 1341. Оп. 28. Д. 886. Л. 5–6.
- ²¹ Фактически это узаконение повторяло льготы, предоставленные ранее сибирским губерниям, но, в отличие от них, в Олонецкой для удержания чина классным чиновникам требовалось прослужить не 3, а 6 лет. См.: ПСЗ-2. Т. 3. № 2394.
- ²² ГА АО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1834. Л. 108–128.
- ²³ НА РК. Ф. 1. Оп. 56. Д. 5/12. Л. 124–125, 385–386; НА РК. Ф. 1. Оп. 56. Д. 5/13. Л. 111, 204, 440–441.
- ²⁴ НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 407. Л. 785–788; ПСЗ-2. Т. 7. № 5267.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н у ч и н А. Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. 252 с.
2. Б л и о х И. С. Финансы России XIX столетия. История. Статистика. Т. 1. СПб., 1882. 344 с.
3. Е ф и м о в а В. В. Кадровая политика генерал-губернатора архангельского, вологодского и олонцкого А. Ф. Клокачева (на примере Олонецкой губернии) // Вестник Карельского филиала СЗАГС-2008: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2008. С. 296–324.
4. К о р а б л е в Н. А., М о ш и н а Т. А. Олонцкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Петрозаводск, 2006. 104 с.
5. Р е м н е в А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в 1-й половине XIX в. Омск, 1995. 237 с.

Efimova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

GOVERNOR GENERAL S. I. MINITSKY AND CIVIL PERSONNEL ISSUES IN OLONETS PROVINCE

The article examines certain measures implemented by the Russian tsar Nicholas I at the beginning of his reign and some preconditions for these measures. The purpose of the undertaken measures was to attract civil servants to Olonets Province. The author focuses on the underlying mechanisms of the undertaken measures and ways of their implementation, as well as on the role played by S. I. Minitsky, the Governor General of Olonets, Vologda and Arkhangelsk Provinces. The conducted study revealed that under S. I. Minitsky's governorate the administration of Olonets Province submitted a petition to the Imperial Government requesting a remote province status to be granted to the Olonets Province. Joint support of this initiative by Governor General Minitsky and Senator Baranov ensured its success – in 1828 civil servants and clerks, assigned to various positions in the Olonets Province, were granted the same benefits and privileges as civil service employees in Siberia and *Caucasus*. However, implemented measures did not produce any immediate results, and in 1832 Russian government had to prolong them.

Key words: Olonets Province, distinguishing characteristics of civil service, Governor General

REFERENCES

1. Anuchin A. E. *Istoricheskiy obzor razvitiya administrativno-politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii s Uchrezhdeniya o guberniyakh 1775 g. do poslednego vremeni* [Historical review of Russian administrative political bodies evolution from the enactment of Province Establishment Act of 1775 until recently]. St. Petersburg, 1872. 252 p.
2. Bliokh I. S. *Finansy Rossii XIX stoletia. Istoria. Statistika. T. 1* [Russian Finances in the 19th century. History. Statistics. Vol. 1]. St. Petersburg, 1882. 344 p.
3. Efimova V. V. Workforce Policy implemented by A. F. Klokachyov, the Governor General of Olonets, Vologda and Arkhangelsk Provinces (as exemplified by the Olonets Province) [Kadrovaya politika general-gubernatora arkhangelskogo, vologodskogo i olonetskogo A. F. Klokacheva (na primere Olonetskoy gubernii)]. *Vestnik Karel'skogo filiala SZAGS-2008* [Journal of the Karelian Branch of the North-West Academy of Public Administration-2008]. Petrozavodsk, 2008. P. 296–324.
4. Korablev N. A., Moshina T. A. *Olonetskie gubernatory i general-gubernatory: Biograficheskiy spravochnik* [Olonets Governors and Governors-General: biographic register]. Petrozavodsk, 2006. 104 p.
5. Remnev A. V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v 1-y polovine XIX v.* [Czarist Autocracy and Siberia in the first half of the 19th century]. Omsk, 1995. 237 p.

Поступила в редакцию 13.09.2013

ИРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЕРМОЛАЕВА

соискатель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

irina.ermolaeva@yahoo.com

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*

Анализ литературы и практики судебных дел выявил огромное количество проблем по привлечению к административно-правовой ответственности за нарушение норм экологического законодательства. Например, в Республике Карелия они связаны с невыполнением норм обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, с нарушением санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта, к организации питания населения. Для эффективного обеспечения и выполнения требований экологического законодательства необходимо уточнение на официальном юридическом уровне следующих определений: «благоприятная окружающая среда», «вред, причиненный окружающей среде», «административно-правовая ответственность за нарушение норм экологического законодательства» и т. д. Если первые два понятия уже имеют предварительные формулировки, то последнее понятие, к сожалению, не имеет. Более того, в научной литературе рассматривают только одну сторону этого понятия: или административную ответственность без связи с нормами экологического законодательства, или экологические правонарушения в отсутствие административного законодательства, или во взаимосвязи, но фрагментарно, или в узком смысле. В результате проведенного исследования можно констатировать, что проблемы применения административно-правовой ответственности за нарушение норм экологического законодательства относятся к числу наиболее острых для российской действительности. В связи с этим выявление и решение данных проблем позволит на должном уровне противостоять противоправным посягательствам.

Ключевые слова: административно-правовая ответственность, нормы экологического законодательства

Соблюдение норм экологического законодательства является первостепенной основой экологической политики РФ, наивысшей социальной ценностью общества. Однако при реализации требований экологического законодательства выявились определенные затруднения практического применения.

Основные задачи законодательства об административных экологических правонарушениях в РФ: охрана прав человека, охрана здоровья граждан, соблюдение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, охрана окружающей среды и т. д. – закреплены в Кодексе об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ).

Экологическое законодательство – это комплексная отрасль российского законодательства, включающая в себя нормы различных отраслей права: конституционное, гражданское, административное, уголовное и др. Комплексность присуща и большинству нормативно-правовых актов, входящих в состав экологического законодательства. Разработка такого рода комплексных актов связана с некоторыми трудностями, так как до настоящего времени не в полной мере учитывался многочисленный, взаимосвязанный друг с другом состав основных компонентов планеты: вода, земля, литосфера, атмосфера.

Анализ административных экологических правонарушений в Республике Карелия (РК) показал, что их объекты можно классифицировать на четыре группы: в сфере здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ст. 6.3–6.6, 6.8, 6.14–6.16 КоАП РФ); в области охраны окружающей среды и природопользования (ст. 8.3, 8.17, 8.21, 8.25–26, 8.31, 8.37, 8.42 КоАП РФ); в сфере промышленности, строительства и энергетики (ст. 9.1 КоАП РФ); в области сельского хозяйства, ветеринарии и мелиорации земель (ст. 10.6, 10.8 КоАП РФ).

Несмотря на то что административная ответственность является одним из основных институтов правовой защиты норм экологического законодательства (в связи с массовостью нарушений), дела о них рассматриваются судами достаточно редко. Проведенное исследование показало, что за последние два года в РК было выявлено всего 89 нарушений экологического законодательства, которые можно распределить среди следующих пяти статей КоАП РФ: ст. 6.3 (28,1 %); ст. 6.4 (14,6 %); ст. 6.6 (9,1 %); ст. 6.16 (6,7 %) и ст. 8.37 (5,6 %).

С целью улучшения экологического законодательства требуется уточнение следующих определений и формулировок: «благоприятная окружающая среда», «вред, причиненный окру-

жающей среде», «административно-правовая ответственность за нарушение норм экологического законодательства».

Федеральный закон об охране окружающей среды дает определение понятия «благоприятная окружающая среда» довольно в узком смысле, признавая за ней только такую окружающую среду, «качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов».

В отличие от ранее действовавшего (до 2002 года) Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды», как и ряда действующих федеральных законов, использовался термин «окружающая природная среда». Это понятие имеет более узкий смысл, в отличие от термина «окружающая среда», последняя включает в себя не только природную часть той среды, в которой мы живем и существуем, но и бытовую и производственную части среды, в которых человек проводит большую часть жизни.

Понятие «вред, причиненный окружающей среде» носит условный характер, не отражающий в правовом смысле причинение правового вреда природным объектам, которые не могут его претерпевать, а указывает только на природную среду как объект его причинения.

До настоящего времени юридически не определено такое значимое комплексное понятие, как «административно-правовая ответственность за нарушение норм экологического законодательства». Автором предложено следующее уточнение данного понятия: «административно-правовая ответственность за нарушение норм экологического законодательства» как одного из видов публично-правового института юридической (административной) ответственности предусматривает наложение штрафных санкций уполномоченным органом или должностным лицом субъекта РФ в виде административного наказания, соизмеримого нанесенному ущербу, к физическому или юридическому лицу, совершившему правонарушение в следующих сферах общественных отношений: охрана окружающей среды, использование природных ресурсов, экологическая безопасность населения.

Анализ литературы и практики судебных дел за последнее десятилетие показал, что существует огромное количество проблем по привлечению к административно-правовой ответственности за нарушение норм экологического законодательства. Пути решения данных проблем условно можно классифицировать на пять основных направлений.

1. Профилактика возникновения экологических административных правонарушений:

- определение условий и причин совершения административно-правовых нарушений [1; 14];

- организационно-правовые меры предупреждения административных правонарушений [3; 10];

- использование новых правовых институтов экологического права, например стратегическая экологическая оценка территорий, деятельность предприятий на долгосрочный период, общественная экологическая экспертиза предприятия на стадиях замысла и размещения.

2. Ужесточение репрессивных мер за административно-правовые нарушения:

- увеличение размера штрафных санкций за административные правонарушения в связи с низким уровнем репрессивности административных штрафов, соизмеримого нанесенному объему экологического ущерба (вреда) [2; 24], [5; 25];

- расширение списка карательных мер (например, за счет отзыва лицензии) [5; 20];

- введение в практику использования такого крайне сурового и редкого наказания для нарушителей, как предусмотренное ст. 3.12 КоАП РФ «административное приостановление деятельности» [2; 26];

- отмена административного предупреждения как недостаточно эффективной меры [2; 25] и др.

3. Совершенствование форм и методов управления по регулированию административных правонарушений:

- расширение сети природоохранных прокуроров [4; 15];

- создание административных экологических судов [1; 18], [4; 16];

- создание службы муниципального экологического контроля с соответствующими ей полномочиями и взаимодействия с другими органами экологического контроля [1; 19];

- повышение эффективности управления и взаимодействия всех органов в области охраны окружающей среды и природопользования (оптимизация и реструктуризация, исключение параллелизма и дублирования, четкое разграничение функций, создание единого консолидирующего органа экологического контроля, повышение уровня материально-технической базы и т. д.) [1; 10], [2; 10], [5; 13], [4; 16];

- создание статистического органа по сбору информации по всем экологическим правонарушениям (Всероссийский государственный институт экологического права или Всероссийский экологический информационный ресурсный центр);

- повышение уровня ответственности всех ветвей судебной власти, рассматривающих иски по административно-правовым нарушениям [2; 10], [4; 21];

- решение проблемы нестабильности некоторых нормативных актов в связи с частым изменением составов статей [2; 26], [5; 19].

4. Повышение уровня экологической культуры населения:

- выяснение условий и причин низкого уровня экологической культуры населения [5; 21], [4; 20];
- использование передового опыта в системе образования и просвещения населения [4; 23];
- внедрение экологического образования на принципах устойчивого развития общества в систему общего образования;
- своевременное и объективное информирование населения через средства массовой информации и др. [3; 13].

5. Совершенствование системы экологического законодательства:

- решение проблем применения административной ответственности за экологические правонарушения (совершенствование федерального и регионального экологического законодательства, повышение роли организационно-методической работы органов управления и т. д.);

- определение условий и причин низкого уровня темпов развития экологического законодательства в РФ [1; 17], [3; 5], [2; 10], [5; 23];

- выяснение причин отсутствия использования выводов и рекомендаций диссертационных и других исследований государственными органами власти [1; 12];

- использование предложений по уточнению или добавлению новых редакций текста в КоАП или в иных нормативных документах [1; 16], [2; 20], [5; 18];

- использование предлагаемых уточненных экологических определений и понятий в нормативных документах;

- принятие новых нормативных актов экологического характера (федеральных законов, постановлений Правительства РФ, Экологического кодекса РФ и др.) [1; 10].

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко Л. А. Административные правонарушения в сфере экологии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
2. Монгуш А. Л. Административно-правовая ответственность за экологические правонарушения, совершаемые на особо охраняемых природных территориях (на примере Республики Тыва): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 27 с.
3. Рысаев Ф. Б. Административно-правовое регулирование охраны окружающей среды в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 20 с.
4. Скоморохина Е. В. Административно-правовое обеспечение защиты окружающей среды: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 24 с.
5. Яковлева Е. А. Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2010. 27 с.

Ermolayeva I. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ISSUES OF APPLICATION OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF ENVIRONMENTAL LAWS

The analysis of legal literature and judicial practice has revealed numerous issues concerning administrative liability for violation of environmental laws. In the Republic of Karelia, for example, such problems are associated with the failure to abide by the sanitation and epidemiological norms related to the population welfare, requirements for housing construction, transport operation, catering arrangements, and environmental safety. That is why, the current legal situation requires clarification of the following definitions: "good environment", "the harm caused to the environment", "administrative liability for violation of environmental laws" and etc. On the one hand, "good environment" and "the harm caused to the environment" have already had their legal pre-formulation, on the other hand, the last term is not formalized in present legislation. Moreover, today legal experts do not gear administrative liability to the norms of environmental law, as well as environmental harm – to the absence of administrative law. These categories are usually viewed in reference to each other but in fragments, or in a narrow sense. As a result, it can be stated that the problems of application of administrative liability for violation of environmental laws are among the most critical issues of the Russian reality. Therefore, the identification and resolution of the above-mentioned issues at the appropriate level might facilitate in prevention of unlawful acts.

Key words: administrative responsibility, standards of environmental legislation

REFERENCES

1. Derevyanko L. A. *Administrativnye pravonarusheniya v sfere ekologii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Administrative violations in the field of ecology. Aspt. legal sci. diss.]. Moscow, 2003. 24 p.
2. Mongush A. L. *Administrativno-pravovaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya, sovershaemye na osobo okhranyaemykh prirodnnykh territoriyakh (na primere Respubliki Tyva). Avtoref. diss. kand. jurid. nauk* [Administrative and legal responsibility for environmental offenses committed on Protected Areas (Republic of Tuva). Aspt. legal sci. diss.]. Moscow, 2003. 27 p.
3. Rysaev F. B. *Administrativno-pravovoe regulirovanie okhrany okruzhayushchey sredy v Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk* [Administrative and legal regulation of environmental protection in the Russian Federation. Phd. legal sci. diss.]. Moscow, 2003. 20 p.
4. Skomorokhina E. V. *Administrativno-pravovoe obespechenie zashchity okruzhayushchey sredy. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk* [Administrative and legal protection of the environment. Phd. legal sci. diss.]. Voronezh, 2002. 24 p.
5. Yakovleva E. A. *Problemy administrativno-pravovoy otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk* [The problems of administrative and legal responsibility for environmental offenses. Phd. legal sci. diss.]. Irkutsk, 2010. 27 p.

Поступила в редакцию 24.06.2013

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА СОФРОНОВА
аспирант кафедры зоологии и экологии эколого-биологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ansofronova@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В ФИНЛЯНДИИ*

Рассматриваются три периода развития экологического права Финляндии: период шведского управления, период зависимости от Российской империи с началами самоуправления и спором о действии и статусе местных законодательных актов и современный период в условиях внутривнутриполитической независимости, вхождения в Европейский Союз и активного участия в мировой политике. В последнее время финские исследователи обсуждают вопрос о том, не слишком ли сильное влияние оказывает ЕС на внутреннее законодательство Финляндии.

Ключевые слова: экологическое право, Финляндия, история

Отношение к окружающей среде, ее использование и защита, охрана традиционного землепользования малых коренных народов – вопросы, значимые для Финляндии как на протяжении ее становления, так и сегодня.

Начиная с середины XII века территорию, которую занимает современная Финляндия, делили между собой Россия, Швеция и Норвегия. Таким образом, экологическое право, как и прочие сферы жизни государства, развиваясь, подвергалось влиянию двух правовых систем. Вопросы природопользования и охраны природы решались в первую очередь сверху, властью действующего правителя. Поскольку в деятельности развивающегося государства одними из определяющих становятся проблемы экономики и расширения и закрепления территории, то есть, в частности, владение землями и всем, что на них расположено, первым стало развиваться земельное право. Так, в 1542 году Густав I Васа, король Швеции, в которую тогда входила западная часть территории Финляндии, намереваясь раздвинуть границы в северном и восточном направлениях, провозгласил все неосвоенные районы дикой природы в его королевстве принадлежащими Богу, королю и короне [11], тем самым положив начало государственной собственности на землю. К неосвоенным были отнесены земли, заселенные саамами, или лапландцами, которые занимались традиционным скотоводством – разведением северных оленей. Густав Васа назначал ответственных управляющих, подчиненных королевской власти, для контроля над сбором налогов и оленеводством, поскольку все северные олени принадлежали Швеции [4; 33]. Кроме того, если прежде права на землю, вопросы, связанные с проблемами наследования и купли-продажи земель, решались лапландским судом, то теперь они были отнесены к ведению представителя короны.

Права лапландцев в сфере землепользования были частично восстановлены в конце XVI века.

При короле Швеции Юхане III (1568–1592), сыне Густава Васы, Финляндия стала герцогством. В июле 1584 года корона признала концепцию «пользования с незапамятных времен» («Immemorial Usage»). Узуфрукт на права, основанный на праве давности, включал в себя использование пастбищ, рыболовство и охоту. Однако от возможности застройки земель пользователей это не защищало [4; 36].

Вопросы, которые государство должно было решать в раннем периоде развития экологии, во многом определялись не только земельными спорами, связанными с изменениями границ, но и климатическими условиями. Во время Малого ледникового периода – 1500–1870 годы – сельское хозяйство на территории Финляндии испытывало трудности: заморозки не давали вызревать урожаю. Кроме того, интенсивная вырубка лесов в соседних странах, в частности в Дании, привела к недостатку древесины в Европе и заставила Швецию и Финляндию, которые к тому времени еще сохраняли лесные запасы, но также практиковали подсечно-огневое земледелие, задуматься.

В XVIII веке шведское правительство предпринимало попытки рационализировать пользование лесными, земельными и водными ресурсами, однако кардинальных изменений в аграрной политике не происходило [10].

5 сентября 1809 года на условиях Фридрихсгамского мирного договора Финляндия вошла в состав Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского и оставалась ее частью до 1917 года. Несмотря на это финская правовая система была фактически отделена от российской. Финляндия обладала правами автономии: принятые ранее «коренные», или «основные», законы были сохранены. В частности, сохранили силу такие государственно-правовые документы, как Форма правления 1722 года и Акт соединения и безопасности 1789 года, которыми изначально регулировалось положение

Финляндии в составе Швеции. В соответствии с ними в стране действовало законодательное собрание – Сейм, имеющий право законодательной инициативы. Определения Сейма утверждались императором, кроме того, он мог быть отозван.

В нашем случае интерес представляет следующий вопрос: считались ли законы, затрагивающие вопросы охраны окружающей среды, «коренными» законами или законами общественного интереса? В первом случае можно говорить о фактическом отсутствии пересечения экологического законодательства России и Финляндии в данный исторический период. Если же это был вопрос общего значения, то и законодательство в этой сфере было общим. Но такие выводы делать рано. Некоторые исследователи истории экологического права Финляндии, например Е. А. Игракова, рассматривают данный период как доиндустриальный: экологическое право еще не сформировалось, было настолько неразвитым, что единственные его следы можно увидеть только в первых попытках сохранения и рационального использования лесных ресурсов [1].

Из сборников постановлений и обзоров законодательства можно видеть, какие именно меры принимались Сеймом, в том числе по вопросам, касающимся охраны леса, лесопользования. Можно найти подобные распоряжения в Сборниках постановлений Великого княжества Финляндского. В № 30 за 1885 год: «Обзор мер и распоряжений Правительства по состоявшимся на сейме 1882 года определениям, удостоившимся Высочайшего Его Величества Государя Императора и Великого Князя одобрения и утверждения, а также прочих постановлений, которые Его Величеству благоугодно было издать по поводу происходивших на том сейме совещаний, – сообщенный Земским Чинам Великого Княжества Финляндского, собравшимся на общий сейм в г. Гельсингфорсе в 1885 год». Лицензированием деятельности по вырубке леса и сплаву строевого леса занимались коронные ленсманы и лесничие. В их сферу деятельности входило «освидетельствование леса, необходимое для выдачи удостоверений» [2; 401]. Большое внимание уделялось также созданию особо охраняемых природных территорий. В 1822 году, при Александре I, были приняты меры по защите прибрежных лесов. А основанные в 1842 году коронные парки (Круунунпуйсто) Иматра и Пункахарью (национальный заповедник с 1990 года) до сих пор сохраняют свой статус и привлекательность для туристов [11]. В 1871 году в Турку была основана первая финская Ассоциация защиты животных.

После Октябрьской революции в России Финляндия получила государственную независимость. Справившись с политическими и экономическими трудностями, страна вновь обратила внимание на экологические проблемы.

В 1920 году была проведена земельная реформа, в результате которой, согласно мнению некоторых исследователей, появился слой населения, имеющий собственное отношение к природоохранной деятельности и влияющий на нее, – мелкое фермерство. Фермеры стремились сохранить традиционное землепользование. Независимость и намерение фермеров сохранить унаследованные территории и способы ведения хозяйства привели к острым противоречиям между ними и государством. Различные правительственные программы защиты природы воспринимались как вмешательство государства и рассматривались в качестве серьезной угрозы: как моральной, так и материальной. Противостояние продолжалось в течение долгого времени. Так, в соответствии с программой по защите озер, запланированной Министерством охраны окружающей среды на рубеже 1990-х годов, ценные береговые территории должны были быть защищены от ведения какой-либо экономической деятельности. Со стороны фермеров и их союзников последовало ожесточенное сопротивление. После принятия Европейской программы защиты природы 2000 года, установившей необходимость увеличить количество особо охраняемых территорий на севере Финляндии, в различных частях страны прошли демонстрации и протесты. Такая реакция, по мнению ученых, может также рассцениваться как проявление страха перед ростом влияния ЕС в регионах [7; 54–58].

В 1923 году Парламент Финляндии выработал первый закон по охране окружающей среды. Luonnonsuojelulaki (71/1923) вступил в действие 1 июля 1923 года. Он не устанавливал специальных органов власти, регулировавших вопросы окружающей среды, но определенные полномочия имел губернатор муниципалитета. Они были связаны с установлением особого режима природопользования (памятники природы, изъятые из обращения земли и выплата компенсаций их владельцам). Также в муниципалитете существовала должность управляющего охраной природы (luonnonsuojeluvoukka), консультирующего должностные лица и государственные органы по поводу принятия решений, оказывающих влияние на окружающую среду.

Исследования в области окружающей среды проводились постоянно. Теоретические разработки осуществлялись в форме изучения исторического опыта Финляндии и других стран. В 70-х и 80-х годах XX века появилось много книг и статей, посвященных экологической истории. Утверждалась необходимость создания социально-правовой политики на основе лесосбережения. Над вопросами экологии работали отдельные деятели, ученые и общественные группы. Большое внимание уделялось экологическим угрозам и попыткам правовой профилактики катастроф. До 1980 года государствен-

ное управление в сфере экологии в Финляндии являлось двухуровневой системой, на центральном уровне которой контроль над загрязнением вод и сохранением природы осуществлялся Министерством сельского и лесного хозяйства и подчиненными ему органами, тогда как большую часть задач, связанных с защитой окружающей среды, решало Министерство внутренних дел. Общепринятой точкой зрения финских исследователей на этот вопрос является предположение, что последствием такого разделения стала постоянная конкуренция норм права вместо развития общей правовой системы.

Главной экологической проблемой Финляндии 1970-х годов было загрязнение воды в связи с развитием целлюлозно-бумажной промышленности. Первая институциональная структура с широкими полномочиями в борьбе с загрязнением – Национальный совет по водным ресурсам – была создана в 1970 году. Постепенно создавалась система управления охраной окружающей среды. В 1983 году была проведена реформа, в результате которой было создано Министерство окружающей среды [3; 8]. В пределы его специальной компетенции вошли следующие вопросы: общая экологическая политика, воздействие на окружающую среду, контроль над загрязнением, управление отходами, контроль над влиянием на окружающую среду химических веществ и уровнем шума, различные формы землепользования, включая сохранение природного ландшафта, зонирование, а также строительство, в том числе жилищное.

Закон об охране природы (Luonnonsuojelulaki, 1906/1996) был принят 20 декабря 1996 года, вступил в силу 1 января 1997 года и с изменениями действует по настоящее время. Его действие распространяется на защиту и управление природной средой, за исключением вопросов лесопользования, регулируемых отдельным законом. В 2009 году в законе появилась отсылочная норма, содержащая характерное для финского экологического правотворчества указание на прямое действие директив Европейского Совета в случаях, если иное не предусмотрено внутренним законодательством. В соответствии с директивами проводится экологический мониторинг в различных сферах, принимаются законодательные акты, осуществляются мероприятия по поддержке дикой природы.

В 1999 году вступил в силу Закон о землепользовании и строительстве (Luonnonsuojelulaki) [8]. Согласно закону, муниципалитеты при осуществлении муниципального планирования землепользования и строительства и руководства ими должны учитывать региональную обстановку, чтобы обеспечить экологически безопасные условия использования земельных участков. Помимо них за управление отвечали региональные экологические центры. При составлении планов

землепользования муниципалитеты обязаны ориентироваться на экологическое законодательство, в частности Закон об охране природы. Закон о землепользовании важен также потому, что предусматривает создание национальных парков на территориях муниципалитетов.

Высшие органы власти Финляндии не вмешиваются в деятельность подчиненных органов произвольно: право принимать инструкции и указания должно быть специально предусмотрено законом. Министерством Финляндии в рассматриваемый период подчинялись центральные агентства, хотя общая тенденция делегировать полномочия частично министерствам и частично местным органам власти существенно сократила их количество. Наиболее важным агентством вплоть до 1995 года был Национальный совет по водным ресурсам и окружающей среде, отделения которого имелись в каждом муниципалитете. Сегодня центральные агентства упразднены, а вместо них действуют региональные природоохранные центры (alueellinen ympäristökeskus), напрямую подчиненные Министерству окружающей среды по общим полномочиям, за исключением некоторых функций, по которым они отчитываются перед Министерством сельского и лесного хозяйства [5; 25–30].

Министерство окружающей среды Финляндии обладает широкой компетенцией по природоохранным вопросам. В результате реформы, проведенной в 1993 году, число отделов Министерства сократилось с пяти департаментов со специальной компетенцией до трех, работающих в различных областях: землепользование, строительство и планирование, охрана окружающей среды. После реформы 1995 года Национальный совет по водным ресурсам и экологии, который до того занимался множеством задач природоохранного характера, был преобразован в Финский институт окружающей среды, передав административные обязанности в ведение региональных экологических центров и Министерства окружающей среды, а взамен получив исследовательскую и надзорную функции.

В последней четверти XX века законодательство Финляндии формировалось, исходя из положений международных договоров и обязательств по праву Европейского сообщества. Для обеспечения охраны окружающей среды Финляндия принимает акты или директивы, которые не должны противоречить основополагающим нормам экологического права. Интерес финских исследователей вызывает вопрос о том, является ли нормативное проникновение безусловно положительным, а также о том, как политика, проводимая ЕС, влияет на развитие государственной политики Финляндии. Например, еще в 2002 году Центром городских и региональных исследований Хельсинкского технологического университета было заказано

и проведено соответствующее исследование. Опасения, высказанные научной группой, изучавшей эту проблему, заключаются в высоком уровне конформизма, проявляемого Финляндией в вопросах ратификации фактически навязываемых директивами норм, в стремлении «избегать конфронтаций во время переговоров» и рассмотрении вопросов экологической политики скорее как технических. Ученые отмечают политизированность природопользовательской и природоохранной деятельности государств в ущерб национальному благополучию, отмечают давление со стороны ЕС. С другой стороны, наблюдается рост влияния Финляндии на решения, принимаемые ЕС; в ее долгосрочные инте-

ресы входит продолжение сотрудничества в качестве доброжелательного, но самостоятельного партнера [6; 86–87].

Такие колебания можно связать с исторически обусловленным менталитетом финского народа, рассматривая их как своего рода иллюстрацию к сильному и достойному уважению национальному самосознанию, самоопределению как развитой и политически активной нации, защищающей свой образ жизни и создающей благоприятные условия для современного общества и будущих поколений, направляющей усилия на поддержку и улучшение качества окружающей среды, рациональное и взвешенное отношение к родной природе.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игравкова Е. А. Развитие экологического права Финляндии в последней четверти XX столетия // Юридическая мысль. 2010. № 5. С. 30–35.
2. Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. Обзор мер и распоряжений Правительства. Гельсингфорс, 1886. № 30.
3. Borg P. Moni-muotoisuuden aika. Luonnonnähtävyyksistä Naturaan Karisto. Hämeenlinna, 2008.
4. Brodin E. Case Studies on Human Rights and Fundamental Freedoms: A World Survey. The Lapps of Sweden. 1975. P. 31–41.
5. Joas M. Local Environmental Governance in Finland. Åbo, 2003. 92 p.
6. Lindholm A. Finland in EU Environmental Policy. Ministry of the Environment. 2002. 95 p.
7. Litmanen T. Environmental challenges in Finnish countryside in the 1990s. All Shades of Green: The Environmentalization of Finnish Society. Jyväskylä: Jyväskylän Yliopisto, 2000.
8. Luonnonsuojelulaki (1999). Available at: <http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/1999/19990132>
9. Metsähallitus. Vantaa (2012). Available at: <http://www.metsa.fi/>
10. Myllyntäus T. Writing about the Past with Green Ink: The Emergence of Finnish Environmental History. Available at: <http://www.h-net.org/~environ/historiography/finland.htm>
11. Sallinen L. Keisarin kauaskantoinen päätös Etelä-Saimaa-artikkelitietokanta. Lappeenrannan maakuntakirjasto. Viitattu 2010-09-08. Available at: <http://www2.lappeenranta.fi/lehtitietokanta/artikkeli.php?id=12734>

Sofronova A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ENVIRONMENTAL LAW DEVELOPMENT IN FINLAND

Three periods of the environmental law development in Finland could be identified: the first is the Swedish governance; the next is the period of dependence upon Russian Empire with the beginning of self-government and discussions about the force and the status of local normative acts; and the last is a modern period characterized by internal political independence conditioned by joining the European Union and active participation in the world policy. In recent times, Finnish researchers are becoming more and more concerned about EU growing influence on domestic legislation of the country.

Key words: environmental law, Finland, history

REFERENCES

1. Igrakova E. A. The development of environmental law of Finland in the last quarter of the XX century [Razvitie ekologicheskogo prava Finlyandii v posledney chetverti XX stoletiya]. *Yuridicheskaya mysl'*. 2010. № 5. P. 30–35.
2. *Sbornik postanovleniy Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. Obzor mer i rasporyazheniy Pravitel'stva* [Collection of resolutions by Grand Duchy of Finland. Review of measures and resolutions of the Government]. Helsinki, 1886. № 30.
3. Borg P. Moni-muotoisuuden aika. Luonnonnähtävyyksistä Naturaan Karisto. Hämeenlinna, 2008.
4. Brodin E. Case Studies on Human Rights and Fundamental Freedoms: A World Survey. The Lapps of Sweden. 1975. P. 31–41.
5. Joas M. Local Environmental Governance in Finland. Åbo, 2003. 92 p.
6. Lindholm A. Finland in EU Environmental Policy. Ministry of the Environment. 2002. 95 p.
7. Litmanen T. Environmental challenges in Finnish countryside in the 1990s. All Shades of Green: The Environmentalization of Finnish Society. Jyväskylä: Jyväskylän Yliopisto, 2000.
8. Luonnonsuojelulaki (1999). Available at: <http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/1999/19990132>
9. Metsähallitus. Vantaa (2012). Available at: <http://www.metsa.fi/>
10. Myllyntäus T. Writing about the Past with Green Ink: The Emergence of Finnish Environmental History. Available at: <http://www.h-net.org/~environ/historiography/finland.htm>
11. Sallinen L. Keisarin kauaskantoinen päätös Etelä-Saimaa-artikkelitietokanta. Lappeenrannan maakuntakirjasto. Viitattu 2010-09-08. Available at: <http://www2.lappeenranta.fi/lehtitietokanta/artikkeli.php?id=12734>

Поступила в редакцию 15.05.2013

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

irina.chernyakova@onego.ru

Рец. на кн.: Parppei K. "The Oldest One in Russia": The Formation of the Historiographical Image of Valaam Monastery. Leiden-Boston: BRILL, 2011. 300 p.*

Книга молодого финляндского ученого-историка Кати Парппей является переизданием диссертационного исследования автора "Saints, Legends and Forgeries: The Formation of the Historiographical Image of the Valaam Monastery" (Joensuu: Itä-Suomen yliopisto / Publications of the University of Eastern Finland. Dissertations on Social Sciences and Business Studies. 2010. № 5. 227 p.).

Я не буду заострять внимание на очевидном присутствии некоторой спекулятивности в заголовке представляемого издания. Взятая в кавычки фраза «старейший в России» призвана навести читателя на размышления, далекие от академических целей самого автора.

Кати Парппей с присущей ей обстоятельностью рассматривает в рамках популярной в наше время имэджинологии ключевые сюжеты историографической истории Валаамского монастыря. Уже в своей первой статье на английском языке, опубликованной в сборнике научных работ университета Оулу [1], она четко определилась с постановкой задачи для исследования. Ее внимание акцентировано на актуализации возрождения значимости Валаамского монастыря в XIX веке с целью олицетворения наследия Святой Руси в северо-западном приграничье. Попутно подчеркивается выгода его территориальной близости к столице империи – Санкт-Петербургу. В этой работе автор, предельно заострив проблему противопоставлением историографии мифотворчеству, показывает неизбежность появления подделок исторических источников в условиях политической востребованности при отсутствии подлинных документальных текстов. Действительно ли они существовали и оказались утраченными в ходе нескольких разорений, пережитых монастырем из-за его приграничного положения? Ответ на данный вопрос оказывается не столь важным в контексте авторской позиции. Вместо фактической истории монастыря исследуется его образ в смысле историографического формирования последнего. Кати Парппей уверена, что изучение облика определенного места является исследованием истории идей, представлений и интересов, связанных с данным местом. Она не сомневается, что такой подход обещает для понимания значимости объекта или явления даже больше, чем споры о фактических

событиях, случившихся в прошлом. Таким образом, присущее позитивизму стремление к прослеживанию фактической истории по принципу «как это было» с максимально возможной точностью восстановления событий становится не самым важным, если остается сколько-то важным вообще.

Кати Парппей сосредоточена на формировании образа Валаама в историографии с тем, чтобы выявить культурную, политическую и идеологическую подоплеку процесса становления его символической значимости для разных периодов истории приграничья. Еще одной декларируемой исходной позицией автора является сознательный отказ от прямого сопоставления церковной и светской традиций в трактовке истории Валаама. Утверждается, что слишком строгая критичность в отношении исторических текстов может принести больше вреда, чем пользы в исследовании складывания образа монастыря. Кати Парппей исходит из того, что любые объяснения заведомо концептуальны в том смысле, что основываются на детерминированных временем представлениях их авторов. Поэтому она предлагает не переоценивать их важность и в то же время не пренебрегать никакими свидетельствами прошлого в стремлении уяснить, как именно формировался образ монастыря, включая иконы, карты, всевозможные иллюстрации и – главное – всякого рода нарратив.

Оценивая имеющиеся немногочисленные более или менее древние исторические тексты, Кати Парппей обращает внимание на специфику средневекового мышления: анонимность, элитарность, статичность, церковность и идейную содержательность, продиктованную московским авторитаризмом. Соглашаясь с автором в целом, заметим, что самые ранние тексты этого рода – «Сказание о Валаамском монастыре» и «Валаамская беседа» – датируются второй половиной XVI – началом XVII столетия. Строго говоря, это уже не Средневековье даже по меркам российской академической традиции. Впрочем, основными источниками для автора явились не они, а источники XIX века, которые так или иначе содержат информацию о ранней истории монастыря. Они как нельзя лучше подходят для выстраивания общей концепции автора о целенаправленном создании образа древнего Вала-

ама в период актуализации идей романтического национализма и связанного с этим возрастания интереса к истории православия в российской имперской историографии.

Тем не менее в предшествовавшей защите диссертации статье [2] Кати Парппей все-таки обратилась к детальному разбору информативности самого раннего из известных исторических текстов, касающихся Валаама. Это потребовалось для расширения авторской концепции на древний период истории монастыря – до его разорения в конце XVI века, приведшего к полному запустению, продлившемуся вплоть до XVIII столетия. Автор подробно разбирает в статье лишь основные выводы, которые будут повторены затем в книге, как уже в те давние времена формировался образ монастыря-просветителя, принесшего свет христианства язычникам – местной народности чудь. Это явственно обнаруживается ею в стереотипности рассказа о перипетиях складывания отношений между монахами и враждебно настроенными аборигенами-язычниками, в аналогах из апокрифических текстов. Более важной представляется готовность Кати Парппей видеть в подавлении сопротивления чуди войском архиепископа, о чем упоминается в «Сказании о Валаамском монастыре», драматическое свидетельство тесных связей Валаама с новгородскими властными структурами. Это замечание делает много более древним государственный характер образа Валаамского монастыря – одного из периферийных в карельском приграничье.

Таким образом, Кати Парппей ставит и целенаправленно решает все ту же концептуальную задачу. Вместо обсуждения фактической истории прошлого Валаама она стремится, во-первых, найти в анализируемых текстах ответ на вопрос: почему образ монастыря был создан именно таким, как он известен в историографии, и, во-вторых, выяснить, какие политические, культурные, идеологические причины воздействовали на создание данного образа. Автору удалось убедительно показать, как в первые десятилетия XIX века возникла историографическая традиция на основе использования всего комплекса источников: исторических известий, устных рассказов, местных легенд, а также поддельных текстов. Любопытен вывод о том, что прекращение существования монастыря на Валааме более чем на сто лет из-за шведского разорения в Смутные времена послужило благодатной почвой не только для еще большей драматизации его ранней истории. Монастырь был превращен официальной историографией в олицетворение идеологического форпоста между Востоком и Западом. Для закрепления одержанной идеологической победы российского (восточного) православия над шведским (западным) лютеранством понадобилась и знаменитая легенда о

короле Магнусе, появившаяся, как утверждает автор, в XVIII веке, предположительно при игумене Иннокентии.

Во второй половине следующего столетия, согласно выводам Кати Парппей, произошло окончательное закрепление созданного в историографии образа монастыря, обитатели которого мученически погибли за православную веру в межгосударственных конфликтах XVI–XVII веков.

Несомненным достижением автора является исследование противопоставления «мы» и «они», то есть «свои» и «чужие», в произведениях XIX столетия, касающихся Валаамского монастыря. Кати Парппей не сомневается, что жестокость могла быть обоюдно преувеличенной как в источниках российского происхождения (о шведах), так и в источниках западного происхождения (о русских). Она прослеживает, как поначалу нейтральные именованья зарубежных врагов – «шведы» или «иноплеменники» – уступают место явно негативным определениям с акцентом конфессионального характера: «шведы-лютеране», «лютеране-фанатики» в сопровождении эпитетов «мстительные», «жестokie», «грубые», «неистовые», «агрессивные». Тем самым историографический образ Валаамского монастыря был использован как средство для противопоставления православия и лютеранства, для закрепления идеологической дистанции между российской и финляндской национальными идеями.

Очевидным знаком признания концепции автора международным научным сообществом является выпуск книги издательством BRILL. Приходится высказать сожаление, что ни одна из статей, а они выходили не только на английском, но и на финском языке, не была представлена к опубликованию в России. Поскольку автор описывает животрепещущие сюжеты российской истории и историографии, то ее размышления, несомненно, вызвали бы большой интерес и заинтересованный отклик.

Подытоживая сказанное выше, подчеркну: Кати Парппей на широком историографическом материале доказательно обосновывает свой основной тезис – широко известный образ древнего Валаамского монастыря был создан в прямой зависимости от политических интересов российских государственных структур. Автор проанализировано множество источников, включая все известные литературные и публицистические произведения как церковной, так и светской отечественной историографии. Размышления о российской истории в преломлении историографии Валаамского монастыря базируются на всем спектре современных научных и философских концепций финляндского, европейского и американского происхождения. Кати Парппей во многом удалось подытожить, во вся-

ком случае квалифицированно изложить, еще раз сопоставить и актуализировать для англоязычного читателя запутанные и нередко остро дискуссионные до настоящего времени сюжеты истории Валаамского монастыря. В своих исследованиях она опирается на исторические источники трех российских государственных архивов (Москва, Санкт-Петербург), двух финляндских ведомственных архивов (Хейнавеси, Куопио), полное собрание русских летописей, агиографические сочинения и убедительный ряд авторитетных российских изданий академического и публицистического характера. Список использованных источников насчитывает более 120 названий, в том числе 34 никогда не публиковавшихся текста рукописей, писем и документов. В перечне изученной и многократно цитируемой литературы, к которой постоянно отсылает автор книги, около 200 наименований.

Избранный Кати Парппей методологический подход безусловно имеет право на существование. Предложенная ею исследовательская концепция отвечает запросам широкой зарубежной общественности в ее интересе к истории и культуре России. Результаты, достигнутые Кати Парппей, вполне убедительны и заслуживают высокой оценки. В то же время жанр, в котором анализируемая работа написана, скорее может быть определен как размышления об истории, чем как история Валаамского монастыря. В историческом прошлом этой обители остаются малоизвестными или вовсе не исследованными целые периоды. Ответы на многие вопросы вполне могут быть найдены в документальных исторических источниках остающихся неразобранными, в том числе в Финляндии, архивных коллекций.

Я уверена, что возможности позитивистской исторической науки вовсе не исчерпаны. Даже в истории Валаамского монастыря, недостаточно обеспеченной, как многократно подчеркнуто в книге, подлинными историческими документами, далеко не все введено в научный оборот и открыто обсуждено в академической науке.

Остается заметить, что тема Валаамского монастыря как феномена не только российской, но и финляндской национальной идентичности остается чрезвычайно актуальной. Доказательство тому – проведенное исследование московского историка Татьяны Шевченко. В 2010 году она защитила кандидатскую диссертацию «Валаамский монастырь в общественно-церковной жизни Финляндии (1917–1957)», в которой на широкой источниковой базе из российских и финляндских архивов раскрыла историю возникновения и становления автономной Финляндской православной церкви, уделив преимущественное внимание роли Валаамского монастыря в этом процессе. Свою задачу Т. И. Шевченко, наоборот, видит в том, чтобы фактографически прояснить ряд сложных вопросов новейшей истории, перейти от предположений на почву исторических явлений и фактов. О неослабевающе остром внимании к феномену Валаама свидетельствует и недавно опубликованная статья Майи Миккула [3], исследователя из Технологического университета Сиднея (Австралия), в которой с опорой на коллективную память жителей ладожских окрестностей показано, как официальный монолитный дискурс приходит в противоречие с убеждением, что Валаам – некое «третье место», не Россия и не Финляндия.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности (подпроект «CARELICA»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Parppi K. Myths, Legends and Politics: The Formation of the Historiographical Image of the Monastery of Valaam // *Imagology and Cross-Cultural Encounters in History / Studia Historica Septentrionalia*: 56. Rovaniemi, 2008. P. 149–160.
2. Parppi K. Pagans of Darkness, Cruel Lutherans: images of religious ‘others’ in the historical accounts concerning the Russian Orthodox Valaam monastery // *Scandinavian Journal of History*. 2010. Vol. 35. № 2. P. 135–155.
3. Mikula M. The island monastery of Valaam in Finnish homeland tourism: Constructing a “Thirdspace” in the Russian borderlands // *Fennia*. 2013. Vol. 191. № 1. P. 14–24.

Поступила в редакцию 18.10.2013

УДК 94(470)“1941/1945”

ГЕРМАН ВЛАДИМИРОВИЧ ЧУМАКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tschumakov@bk.ru

Рец. на кн.: Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 432 с.

О работе органов госбезопасности СССР в годы Великой Отечественной войны за прошедшие десятилетия были написаны тысячи книг, сняты сотни кинофильмов. Но все же серьезного научного анализа и освещения эта страница нашей военной истории в открытой литературе до недавнего времени так и не получила. В основном все сводилось к научно-популярному и художественному описанию отдельных героических эпизодов действий советских чекистов. Во многом это объяснялось спецификой деятельности спецорганов, а также практически полной засекреченностью источниковой базы. Лишь в последние два десятилетия в результате начавшегося рассекречивания архивных материалов и переосмысления ряда сложившихся еще в советский период точек зрения на роль и место советских органов госбезопасности в Отечественной войне стали предприниматься попытки написания обобщающих исследований по данной проблематике. Новая источниковедческая ситуация делает возможным объективно и научно обоснованно проанализировать все направления деятельности органов госбезопасности СССР на всех этапах Великой Отечественной войны.

Важным событием в деле изучения истории Великой Отечественной войны стал выход в свет монографии известного российского историка, исследователя истории органов госбезопасности СССР, доктора юридических наук В. С. Христофорова. Значимость нового исследования по данной теме усиливается тем, что автор книги является действующим генерал-лейтенантом госбезопасности, одним из руководителей ФСБ России, начальником Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ.

В своей монографии В. С. Христофоров на основе привлечения широкого круга архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, сделал успешную попытку воссоздания целостной картины многогранной деятельности советских спецслужб по обеспечению победы Советского Союза над гитлеровской Германией и ее сателлитами.

Постановка автором столь масштабной цели определила как объем, так и структуру монографии. Более 430 страниц текста плотно насыщены интереснейшей информацией. Однако это не превращает книгу в скучный казенный

документ. За многочисленными цифрами и датами ясно выступают героическая и зачастую трагическая работа и судьба сотен конкретных сотрудников госбезопасности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 22 июня 1941 года – дня нападения Германии на СССР, по сентябрь 1945 года – момента капитуляции милитаристской Японии на тихоокеанском театре военных действий, когда фактически и закончилась Вторая мировая война. Вместе с тем автор вполне обоснованно в главе второй, посвященной проблемам реформирования организационных структур органов госбезопасности в годы войны, счел нужным рассмотреть и оценить состояние советских спецслужб в 1930-е годы.

Особую научную ценность работе В. С. Христофорова придает глава первая, в которой дается подробный анализ имеющихся на сегодняшний день исследовательской литературы и опубликованных источников по данной проблематике. И что особенно важно – характеристика архивных фондов, которые содержат богатейшую информацию о роли советских органов государственной безопасности как инструмента партийно-государственного руководства страной. Данный раздел монографии станет надежным путеводителем для всех, кто интересуется этой темой и изучает проблемы истории советских спецслужб (с. 11–95). А дополнением к указанному разделу, как и ко всей монографии, является обширный список источников и литературы.

Основной материал исследования изложен в главах третьей и четвертой, структурированных по проблемно-хронологическому принципу, что позволяет читателю получить целостное представление о практически всех направлениях деятельности органов госбезопасности. Анализируя и оценивая в главе третьей процесс перестройки работы НКВД СССР в первый, самый трагичный период Великой Отечественной войны, автор обращает особое внимание на практику и результативность применения спецслужбами чрезвычайных мер для обеспечения решения главной задачи – концентрации всех сил и средств на отпор врагу в советском тылу, на фронте и временно оккупированной территории. К таким чрезвычайным мерам относились ограничение свободы передвижения граждан в отдельных местностях,

организация заградительной службы в тылу фронтов, создание штрафных рот и батальонов. Спецслужбам были предоставлены широкие полномочия – право на судебное и внесудебное применение мер пресечения и наказания вплоть до расстрела в отношении провокаторов, шпионов, дезертиров и паникеров. В начале войны эти меры применялись не всегда обоснованно.

Объективно и всесторонне рассматривается в книге деятельность заградительных отрядов. Долгое время в Советском Союзе эта тема была под запретом. Опираясь на архивные документы, автор раскрывает необходимую роль этих чрезвычайных формирований для укрепления обороны действующей армии в первый период войны. Так, с 22 июня по 10 октября 1941 года заградотрядами войск НКВД были задержаны 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей или бежавших с фронта. Из числа задержанных были арестованы лишь 25 878 человек, а остальные 632 486 человек вновь отправлены на фронт. За тот же период по приговорам военных трибуналов и постановлениям особых отделов НКВД были расстреляны 10 201 человек (с. 156). Заградительные отряды широко применялись в период отступления Красной армии и стратегической обороны. После коренного перелома в ходе войны их функции претерпели изменения, а в конце 1944 года они были расформированы.

Рассматривая применение органами НКВД чрезвычайных мер в советском тылу, автор отмечает объективную необходимость их использования для сохранения порядка, противодействия уголовной преступности и деятельности вражеской агентуры. Вместе с тем он указывает, что возложение уголовной ответственности на членов семей лиц, осужденных к высшей мере наказания, можно расценивать как нарушение законности (с. 178–179). Не оставлен без внимания и такой вопрос, как массовая депортация целых народов, обвиненных в нелояльности к советскому государству и в сотрудничестве с врагом. Первыми принудительному переселению подверглись советские немцы и финны, отнесенные к потенциально опасной категории лиц по национальному признаку. Это были превентивные депортации. В 1943–1944 годах органами НКВД были проведены депортации «возмездия». В 1950-е годы эти внесудебные решения были отменены как незаконные, а люди, подвергшиеся наказаниям, полностью реабилитированы.

По мнению В. С. Христофорова, чрезвычайные методы управления, применявшиеся в условиях войны, были обоснованны и оправданны,

но лишь на определенный промежуток времени. С одной стороны, они сыграли положительную роль в повышении организованности и дисциплины в войсках и в тылу, с другой – имели негативные последствия, когда использовались без достаточных оснований. Количество расстрелянных органами НКВД и заградотрядами исчисляется десятками тысяч.

Эксклюзивная информация дается автором в главе четвертой, посвященной рассмотрению и оценке основных направлений деятельности органов госбезопасности. Они полностью и на высоком профессиональном уровне выполнили поставленные перед ними стратегические задачи в области разведывательной деятельности. На основе новых архивных документов автор опровергает некоторые стереотипы, сложившиеся в советский период, о работе советской разведки в первый период войны. Так, он неопровержимо доказывает, что советская разведка заблаговременно выявила и доложила в ГКО информацию о готовящемся стратегическом наступлении противника на южном фланге советско-германского фронта в конце весны 1942 года. И не вина нашей разведки, что высшее военно-политическое руководство страны не смогло подготовиться к отражению этого удара (с. 209–210).

Не прошел В. С. Христофоров и мимо такого дискуссионного в настоящее время вопроса, как роль и вклад органов госбезопасности в организацию массового партизанского движения на оккупированной территории Советского Союза. Точка зрения В. С. Христофорова перекликается с позицией другого известного отечественного исследователя истории партизанской войны в СССР А. Ю. Попова, который считал, что органы госбезопасности оказались наиболее организованными и дееспособными для работы на оккупированной территории, а поэтому именно они закономерно стояли у истоков партизанского движения [2; 368]. Ну и, конечно, контрразведывательная работа, которая стала венцом, наивысшим достижением органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны. Особые отделы в начале войны, легендарный «Смерш» заслужили мировое признание как самые эффективные контрразведывательные службы Второй мировой войны. Советские контрразведчики во время войны смогли нейтрализовать почти всю агентуру противника [1; 62–201].

Завершая анализ монографии В. С. Христофорова, можно утверждать, что она стала серьезным вкладом в процесс всестороннего научного изучения истории отечественных спецслужб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В. Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 576 с.
2. Попов А. Спецназ НКВД в тылу врага: Диверсанты Сталина. 3-е изд. М.: Яуза: Эксмо, 2013. 480 с.

Поступила в редакцию 26.09.2013

ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВНА ЕРМОЛАЕВА

старший научный сотрудник Института североевропейских исследований, старший преподаватель кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) ksana27@yahoo.com

Рец. на кн.: Шевченко Т. И. Игумен Харитон. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь: ИПО «У Никитских ворот», 2011. 544 с.*

В 2011 году вышла монография Т. И. Шевченко «Игумен Харитон», изданная Спасо-Преображенским Валаамским монастырем под общей редакцией игумена монастыря Преосвященнейшего Панкратия, епископа Троицкого. Научный редактор издания – магистр богословия, кандидат исторических наук, доцент иерей Александр Мазырин.

Книга посвящена жизненному пути и настоятельскому служению Валаамского игумена Харитона (Дунаева) (1872–1947). Монография написана на основе материалов диссертации Т. И. Шевченко и представляет собой подробное исследование жизненного пути валаамского подвижника. В основу книги положено изучение огромного архивного материала Национального архива Республики Карелия, Государственного архива Российской Федерации, а также Архива Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Она содержит выдержки из дневников монахов Валаамского монастыря, их переписку. Валаамский монастырь – это древнейшая обитель Русской православной церкви (РПЦ), расположенная на небольшом архипелаге в Ладожском озере. Ее история является важной частью культурного наследия русского народа.

Автор исследует малоизученные проблемы, такие как проблема юрисдикции Финляндской православной церкви после 1923 года, календарный раскол в Валаамском монастыре, смена валаамским братством гражданства, выбор нового административного курса старшей братией монастыря. В 1917 году, когда Финляндия провозгласила независимость, Валаамский монастырь оказался вовлечен в процесс становления автономной национальной церкви – Финляндской. Многие русские в независимой Финляндии потерялись, столкнувшись с давлением новых законов. Конфликт в Финляндской епархии между двумя направлениями церковной жизни – “русским”, ориентированным на связь с Россией, ее культурой, языком и традициями, и местным “национальным”, представители которого ратовали за укрепление связи православия в Финляндии с национальными корнями, достиг своего апо-

гея (с. 47–48). Эконом Валаамского монастыря Харитон (Дунаев), став лидером местного сообщества, уберег монастырь от раскола и упразднения (с. 6). Т. И. Шевченко раскрывает образ Валаамского игумена как духовного подвижника, исихаста и одновременно талантливого политика и администратора, благодаря которому сохранился институт православного монашества в Финляндии.

До сих пор в отечественной церковной историографии деятельность игумена Харитона (Дунаева) на посту настоятеля Валаамского монастыря оценивалась как спорная, что было связано с его курсом на нормализацию отношений с местными церковными и гражданскими властями, а также с занятой им «новостильной» позицией. Проведенное автором исследование и обнаруженные ею архивные источники позволяют по-новому взглянуть на историю жизни и служения этого человека. Книга раскрывает неизученные страницы истории Валаамского монастыря посредством описания многочисленных перипетий, интриг и борьбы за власть (с. 37–52), демонстрируя, что и слугам Божиим ничто человеческое не чуждо.

Автор приводит множество интересных и малоизученных фактов из истории не только русской православной церкви, но и Финляндской национальной, раскрывает особенности их взаимодействия и культурные различия между ними (с. 162). Вместе с тем данная работа, не отягощенная стилистическими изысками и написанная сухим языком, существенно уменьшает аудиторию, которая могла бы заинтересоваться этой книгой. Некоторая перегруженность архивным материалом и длинные пространственные цитаты отвлекают внимание от сути изучаемой проблемы. Справочная информация, приложения, выписки из дневников и переписки составляют около 35 % работы. Представленный материал, несомненно, интересный для широкого круга читателей, по своему изложению ограничивает круг потенциальных читателей узкой группой специалистов, любителей истории РПЦ, обладающих специальными знаниями по богословию и теологии.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности (подпроект «CARELICA»).

**АЛЕКСАНДР ВАЛЕРИАНОВИЧ
ПЕТРОВСКИЙ**
(06.03.1956–24.08.2012)

Председатель Арбитражного суда Республики Карелия, Почетный доктор Петрозаводского государственного университета, один из основателей юридического факультета ПетрГУ.

А. В. Петровский родился в г. Сегежа. В 1978 году окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, в 1991 году – заочно Академию общественных наук ЦК КПСС. В дальнейшем постоянно повышал свой профессиональный уровень, обучаясь, в частности, в Российской академии государственной службы при Президенте РФ, а также за рубежом в Центре по изучению федерализма Филадельфийского университета (США), Институте Р. Валленберга Лундского университета (Швеция), Институте прав человека Або Академии (Финляндия).

А. В. Петровский начал свою трудовую деятельность в прокуратуре Карельской АССР. Работал стажером прокурора, следователем, затем заместителем прокурора района, начальником отдела республиканской прокуратуры; с 1985 года – инструктором, а затем заведующим государственно-правовым отделом Карельского обкома КПСС. С 1990 года возглавлял Министерство юстиции РК. Указом Президента РФ от 30 марта 2000 года был назначен Председателем Арбитражного суда РК.

В начале 1990-х годов А. В. Петровским была проведена значительная организаторская работа по созданию в республике системы высшего юридического образования, итогом которой стало открытие юридического факультета в ПетрГУ. А. В. Петровский долгое время был сопредседателем ГАК юридического факультета ПетрГУ и председателем ГАК в Беломорском и Приладожском филиалах ПетрГУ; стал автором учебно-практического пособия «Протокол судебного заседания в арбитражном процессе», публиковал свои статьи в юридических журналах. Активно участвовал в международном сотрудничестве юристов. Так, в 1991 году он организовал программу «Карелия – Вермонт – буква закона», которая и по сей день успешно используется российскими и американскими юристами.

А. В. Петровский является автором многих законопроектов, в том числе действующей редакции Конституции РК. В 2012 году им было подготовлено обращение к Высшему Арбитражному Суду РФ, в котором ставился вопрос о недопустимости привлечения физических лиц, самостоятельно уплачивающих страховые взносы, к ответственности за непредставление ими в органы Пенсионного фонда РФ в срок до 01.03.2011 предусмотренных пунктом 5 статьи 11 Федерального закона от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» сведений за 2010 год, имея в виду, что с 01.01.2012 указанные выше положения Закона, устанавливающие соответствующую обязанность, утратили силу.

За заслуги в своей деятельности А. В. Петровский был награжден Орденом Почета, памятной медалью им. А. Ф. Кони, ему присвоены почетные звания «Заслуженный юрист РК и РФ», «Почетный доктор ПетрГУ».

Из воспоминаний С. Г. Веригина, доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета ПетрГУ, одного из самых близких друзей А. В. Петровского: «А. В. Петровский был настоящим другом. В каких бы ситуациях мы ни оказывались за 50 лет нашей дружбы, я всегда знал: на него можно положиться, он всегда окажет помощь, найдет решение и выход из многих сложных проблем, с которыми приходилось сталкиваться».

*Ю. А. ПЕТРОВСКИЙ,
аспирант кафедры международного
и конституционного права
юридического факультета ПетрГУ*

*С. Н. ЧЕРНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета ПетрГУ*

CONTENTS

HISTORY

- Kovchinskaya S. G.*
ACTIVITIES OF SCANDINAVIAN SCIENTIFIC
COMMITTEE "NORTHERN SOCIETY" IN SO-
VIET RUSSIA AT TURN OF 1920s – 1930s. 7
- Kulagin O. I.*
INSTITUTE OF PROPORTIONALITY IN TIM-
BER INDUSTRY OF KARELIA IN MIDDLE
OF 1960s. 13
- Ermolaeva O. E.*
EXPLORATION OF SPECIAL SOVIET SET-
TLEMENTS OF 1930s (ON THE EXAMPLE OF
THE WORK BY L. VIOLA "THE UNKNOWN
GULAG: THE LOST WORLD OF STALIN'S SPE-
CIAL SETTLEMENTS"). 18
- Markov M. B.*
MANNERHEIM IMAGE IN SOVIET WAR PRO-
PAGANDA ON KARELIAN FRONT. 23

PEDAGOGICS

- Babakova T. A.*
CHARACTERISTIC FEATURES OF ORGANIZ-
ING UNIVERSITY STUDENTS' INDEPENDENT
STUDY (SURVEY RESULTS) 26
- Dobrunina O. L.*
METHODOLOGICAL APPROACHES TO SCI-
ENTIFIC WRITING TEACHING. 30

POLITICAL SCIENCE

- Tsumarova E. Yu.*
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR
POLICY OF IDENTITY 36

PHILOLOGY

- Kostyuchuk L. Ya.*
PSKOV WORD IN DIACHRONIC ASPECT (RE-
CALLING IGNATIY YAGICH'S TRADITIONS) 39
- Kyurshunova I. A.*
ANTHROPOZOONYMICS IN MULTI-ETHNIC
AREA OF KARELIA IN XV–XVII CENTURIES 43
- Sukhareva N. P.*
COGNITIVE-CONCEPTUAL APPROACH AS
INTERPRETATION BASIS OF GERMANS' AT-
TITUDE TOWARD RUSSIA IN EARLY XX CEN-
TURY (BASED ON "RUSSLAND UND DER
DEUTSCH-RUSSISCHE WAREN-AUSTAUSCH"
VON DR. WALTER HUTH) 50
- Degtyareva M. V., Ermakova N. F.*
SECRET OF THE WORD "IMPOSSIBLE" (TO
PHILOLOGICAL COMMENTARY OF I. F. AN-
NENSKY'S POEM "IMPOSSIBLE"). 55
- Zakharov V. N.*
UNPUBLISHED AUTOGRAPH OF DOS-
TOYEVSKY: FYODOR DOSTOYEVSKY AND
SERGEY KOLOSHIN. 58
- Spiridonova I. A., Saksa V. V.*
CONCEPT OF CHILDHOOD IN A. PLATONOV'S
SHORT NOVEL "THE PIT": PROBLEM OF
TRANSLATION INTO SWEDISH. 62
- Zakharova O. V.*
FIRST REFERENCE TO DOSTOEVSKY'S NAME
IN PRINT MEDIA. 66

- Zakharchenko S. O.*
SPIRITUAL FATHER OF PROTOTYPES IN
SHMELEVS' NOVEL "WAYS OF HEAVEN". 69
- Mekhralieva G. A.*
CHARACTERISTIC FEATURES OF STORY-
TELLING IN V. I. DAL'S "ALL ROUND NARRA-
TIVE". 71
- Safron E. A.*
IMAGE OF ELF IN SCANDINAVIAN MYTHO-
LOGICAL TRADITION. 74
- Shilova N. L.*
KISHI AS IDYLIC LOCATION IN RUSSIAN
PROSE OF 1970's. 78
- Sobolev N. I.*
LAYER-BY-LAYER ANALYSIS OF I. S. SHME-
LEV'S NARRATIVE "THE INEXHAUSTIBLE
CHALICE". 82

PHILOSOPHY

- Klyukina L. A.*
IDEA OF EMPIRE AS WAY OF FORMATION
RUSSIAN CULTURAL IDENTITY. 85

ECONOMICS

- Revaykin A. S., Romanovsky D. S.*
PRIVATIZATION AS FORM OF PROPERTY
TRANSFORMATION: PROBLEMS OF PRIVATE
PROPERTY FORMATION IN RUSSIA. 90
- Kadnikova T. G., Bokova T. A.*
SOME ASPECTS OF STATE STRATEGIC PLAN-
NING IN RUSSIAN FEDERATION AT PRESENT
STAGE. 95
- Karginova V. V.*
PREVENTION OF ABRUPT FLUCTUATIONS
OF PRICES ON STOCK EXCHANGE: CANCEL-
LATION OF CIRCUIT BREAKERS. 100

LEGAL STUDIES

- Efimova V. V.*
GOVERNOR GENERAL S. I. MINITSKY AND
CIVIL PERSONNEL ISSUES IN OLONETS
PROVINCE. 104
- Ermolayeva I. G.*
ISSUES OF APPLICATION OF ADMINISTRA-
TIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF ENVI-
RONMENTAL LAWS. 110
- Sofronova A. A.*
ENVIRONMENTAL LAW DEVELOPMENT
IN FINLAND. 113

Reviews

- Chernyakova I. A.*
The book review: Parpei K. "The Oldest One in
Russia": The Formation of the Historiographical
Image of Valaam Monastery. 117
- Chumakov G. V.*
The book review: Khristophorov V. S. Security bod-
ies of the USSR in 1941–1945. 120
- Ermolaeva O. E.*
The book review: Shevchenko T. I. Abbot Khariton. 122

Memory

- In memory of A. V. Petrovskiy. 123